

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

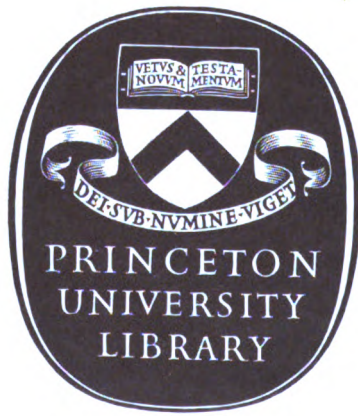
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

PG5948
.K8562S54

32101 047234842

V. Shenrok

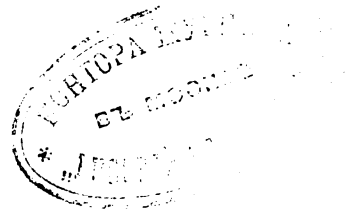
В. Шенрокъ.

+

П. А. КУЛИШЪ.

Биографическій очеркъ.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6

1891.

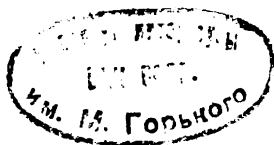

(RECAP)

PG 3948

. K856 2 554

Доволено цензурою. Київ, 15 октября 1901 года.

37-87913

B

П. А. КУЛИШЪ.

(Биографическій очеркъ). ¹⁾

Приступая къ описанію жизни извѣстнаго патріота и писателя Пантелеймона Александровича Кулиша, мы сознаемъ всю трудность взятой на себя задачи—въ виду, съ одной стороны, ея важнаго значенія, а съ другой—необычайно разностороннихъ дарованій и дѣятельности покойнаго. Мы далеки отъ самоувѣренной надежды дать въ нашемъ очеркѣ полное воспроизведеніе его духовнаго облика, и въ то же время намъ кажется желательнымъ и умѣстнымъ позаботиться о своевременномъ сохраненіи существующихъ данныхъ для изученія жизни этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго дѣятеля, имѣющаго несомнѣнное и притомъ многостороннее историческое значеніе. Покойный Кулишъ по многимъ причинамъ особенно заслуживаетъ вниманія, и притомъ вовсе не со стороны однихъ только малороссовъ,—уже потому, что это былъ рѣдкій подвижникъ умственнаго труда, труда неустаннаго, самоотверженнаго и согрѣтаго пламенной любовью къ родинѣ. Какъ понималъ Кулишъ призваніе всей своей жизни и дѣлалъ ли

¹⁾ Настоящій очеркъ былъ провѣренъ вдовой покойнаго Кулиша, Александрой Михайловной, а покойнымъ его другомъ и родственникомъ В. М. Бѣлозерскимъ.

ошибки, выполняя это призваніе,—это вопросъ весьма трудный и сложный; по поводу котораго неизбежно и долго будутъ возникать разногласія. Но теперь, когда его дѣятельность отошла уже въ исторію, невозможно отказать его кипучей энергіи въ значительной дозѣ чистаго идеализма. Это былъ дѣятель, несмотря на многія свои достоинства и заслуги, въ концѣ своей жизни въ значительной степени неоцѣненный и забытый. Причиной этому было, главнымъ образомъ, его раннее, въ силу обстоятельствъ, отстраненіе отъ широкой общественной и литературной арены, обособленность его научныхъ работъ послѣднихъ лѣтъ и погруженіе въ отдаленномъ хуторѣ въ трудовую отшельническую жизнь. Еще задолго до своего затворничества Кулишъ, съ ужасомъ предчувствуя возможность подобной перспективы, говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ роднымъ: „Сердце мое содрогается отъ мысли, что я могу опуститься въ хуторѣ, какъ многіе другіе, начавшіе свою жизнь иначе. Нѣтъ, я такъ не кончу: и послѣднія мои минуты будутъ отданы—если не труду, то благороднымъ помысламъ и завѣтамъ“. Эти слова, вырвавшіяся неволью въ самомъ заурядномъ и совершенно неинтересномъ въ остальныхъ отношеніяхъ письмѣ, по нашему мнѣнію, именно поэтому получаютъ особенное значеніе, и они въ самомъ дѣлѣ потомъ вполне оправдались на дѣлѣ. Трудъ, упорный и неутомимый трудъ, не смотря ни на что, наполнилъ всю жизнь Кулиша и продолжался до послѣднихъ дней его. И ничто не было въ силахъ сломить этой энергіи и остановить этой дѣятельности: ни всевозможныя нападенія и интриги періодической печати извѣстной фракціи и частныхъ лицъ, ни многочисленныя вѣдшія препятствія, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и неизбѣжныя житейскія дразги, особенно тяжелыя для бѣднаго человѣка, ни пожаръ, истребившій многолѣтними трудами съ любовью собранную бібліотеку, ни временами постигавшая его ужасающая бѣдность, граничившая почти съ нищетою, ни, наконецъ, обидное полузабвеніе при жизни и невозможность печатать многіе и обширные труды, остававшіеся по годамъ въ рукописяхъ. И всю жизнь Кулишъ бился объ желѣзную стѣну и все спѣшилъ ра-

ботать до надрыва, подавляемый сознанием необъятности стоящих на очереди задачъ, какъ это неизбежно бываетъ удѣломъ людей, страстно преслѣдующихъ широкія цѣли. Въ другомъ, тоже незначительномъ письмѣ, мы находимъ еще слѣдующія любопытныя строки, похожія отчасти на отчаянный вопль: „я занятъ вѣчно и чувствую себя въ долгу у всѣхъ, кому бы слѣдовало показать вниманіе. Некогда жить на свѣтѣ!^а. Все это, естественно, оставаясь въ тѣни при жизни Кулиша, имѣетъ, однако, огромное значеніе для правильнаго сужденія о немъ по смерти.

До составленія полной и исчерпывающей дѣло біографіи, конечно, далеко; для этого было бы необходимо предварительно привести въ извѣстность и издать всѣ сочиненія, переводы и письма Кулиша, словомъ, все оставшееся отъ него обширное литературное наслѣдіе, чтобы была передъ глазами и чувствовалась вся, едва ли многими предполагаемая, колоссальная громада имъ написаннаго,¹⁾ переведеннаго и задуманнаго, чтобы имѣть возможность не только вполне разобраться во всемъ этомъ, но и изучить все, чтѣ должно пролить болѣе яркій свѣтъ на его личность и дѣятельность, словомъ, необходимо исполнить много предварительныхъ работъ, которыя, не говоря о томъ, что онѣ требуютъ многихъ лѣтъ, пока невозможны еще вслѣдствіе множества затрудненій. Только вооружившись всѣмъ этимъ историко-литературнымъ и біографическимъ аппаратомъ, можно было бы представить обстоятельную и всестороннюю оцѣнку и полный обзоръ дѣятельности Кулиша и обрисовать вполне его личность и значеніе для

¹⁾ Въ одномъ письмѣ къ львовскому профессору Огоновскому Кулишъ перечисляетъ, напр., слѣдующіе свои переводы изъ Шекспира: «Король Лиръ», «Коріолянъ», «Ромео и Джульета», «Цезарь», «Макбетъ», «Антоній и Клеопатра», «Мѣра за мѣру», «Много шума изъ ничего», «Гамлетъ» и проч.; называетъ также свои переводы изъ Байрона («Чайльдъ Гарольдъ») и изъ Гейне. Всѣ эти переводы частію уже напечатаны, а частію готовятся къ печати. Обстоятельный перечень переводовъ Кулиша см. въ „Біевск. Стар.“ 1899, IX, 366 – 379.

украинской и русской литературѣ. Не задаваясь такой обширной цѣлью, мы считаемъ желательнымъ въ нашемъ очеркѣ по крайней мѣрѣ приблизительно показать, какую замѣчательную личность и умственную силу представлялъ собой покойный, показать высоту его стремлений и идеаловъ, предоставляя другимъ оцѣнку его такъ называемыхъ „увлеченій“, наконецъ, дать представление о томъ, какъ, не смотря ни на какія обстоятельства, Кулишъ вѣчно трудился и не зарылъ по собственной винѣ ни одного изъ многихъ данныхъ ему природой талантовъ, хотя многіе изъ нихъ, быть можетъ не проявились вполне—по винѣ общественныхъ и другихъ внѣшнихъ условій. Желательно было бы, наконецъ, вызвать дальнѣйшія работы по изученію и изданію трудовъ Кулиша, чтобы не заглохли бесплодно брошенные имъ сѣмена, не погибли его оригинальные труды и переводы на малоросійскомъ языкѣ многихъ капитальнѣйшихъ произведеній всемірной литературы, и не остался въ неизвѣстности и забвеніи и самоотверженный подвигъ всей жизни этого несомнѣнно талантливаго идеалиста. ¹⁾

Мы должны оговориться, что въ изложеніи событій, относящихся къ раннимъ годамъ жизни Кулиша до половины сороковыхъ годовъ, мы пользовались, за недостаткомъ другихъ данныхъ, уже напечатанными сочиненіями, именно воспоминаніями г. Чалаго въ „Кіевской Старинѣ“ (1897, V) и краткой біографіей Кулиша, напечатанной въ одномъ заграничномъ изданіи. ²⁾ При этомъ мы будемъ постоянно имѣть въ виду, главнымъ образомъ, личную жизнь Кулиша, какъ по указаннымъ выше соображеніямъ, такъ и потому, что окончательный трудъ по составленію біографіи Кулиша, по нашему мнѣнію, долженъ быть принятъ на себя спеціальнымъ знатокомъ малорусской и русской литературѣ и

¹⁾ Въ «Исторіи Славянскихъ литературъ» Пыпина и Сласовича Кулишъ прямо названъ „наиболѣ ревностнымъ защитникомъ малорускаго интереса въ литературѣ“ (изд. I, 226).

²⁾ «Правда» — журналъ, издававшійся въ Львовѣ 1868 г.

политическихъ отношеній этихъ странъ въ послѣднія десяти-
лѣтія. ¹⁾

I.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ родился 27 іюля 1819 года въ мѣстечкѣ Воронежѣ, глуховскаго уѣзда черниговской губерніи, въ коренной Малороссіи, неподалеку отъ Новгородсѣверска. Предки Кулиша извѣстны со временъ Петра Великаго. ²⁾ Отецъ его происходилъ изъ исконнаго козацкаго рода. Хотя при императрицѣ Екатеринѣ II многіе изъ болѣе выдающихся козацкихъ родовъ начали получать дворянство и къ числу пожалованныхъ принадлежалъ также и дѣдъ Кулиша, несмотря даже на неимѣніе имъ чина, но отецъ нашего писателя, Александръ Андреевичъ, согласно Императорскому указу Николая I, въ качествѣ въ свою очередь невыслужившаго чиновъ, долженъ былъ считаться простымъ козакомъ. ³⁾ Родители Кулиша слыли за людей зажиточныхъ; они владѣли въ окрестностяхъ Воронежа кое-какими пустошами, лѣсами и полями. Но они были оба простые и неизбалованные люди, вели самый скромный образъ жизни, а отецъ даже самъ пахалъ землю съ наемными рабочими. Это былъ человѣкъ добрый, но вспыльчивый и суровый въ обращеніи, не спускавшій рабочимъ ни малѣйшей оплошности, за что и былъ прозванъ „горячій Кулишъ“. Прозвище это уна-

¹⁾ Характеристику литературной дѣятельности Кулиша читатель можетъ найти въ „Исторіи украинской литературы“ Петрова, Кіевъ, 1884, стр. 264—296 и въ „Исторіи русской этнографіи“, А. Н. Шипина, т. III, стр. 188—222.

²⁾ Одинъ изъ нихъ былъ при Петрѣ войсковымъ товарищемъ, другой сотеннымъ атаманомъ.

³⁾ По этому указу правъ дворянства лишались лица, не выслужившія чиновъ въ двухъ поколѣніяхъ.

слѣдовалъ и его даровитый сынъ, но въ примѣненіи къ нему оно получило уже иное, болѣе почетное значеніе. 1)

Отецъ Кулиша женился на гораздо болѣе родовитой, чѣмъ онъ, воронежской дворянкѣ, но его первая жена вскорѣ умерла; оставшись вдовцомъ, онъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью сотника Катериной Гладкой. Последняя сначала не хотѣла выходить за вдовца, но упорное сватовство скоро привело въ желанной цѣли. Катерина Ивановна Кулишъ, урожденная Гладкая, сильно побаивалась своего мужа и, говорятъ, трепетала при звукахъ его голоса, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользовалась вліяніемъ на него въ присутствіи постороннихъ людей, потому что при всемъ крутомъ характерѣ, Александръ Андреевичъ очень гордился умомъ жены и любилъ показывать, какъ онъ ее цѣнитъ и любитъ. Въ самомъ дѣлѣ, это была женщина простая и необразованная, но замѣчательно умная и добрая. Въ то время въ хуторскомъ быту еще никому не приходила мысль обучать грамотѣ дѣвочекъ, и если кто вздумалъ бы заговорить объ этомъ, то ему непремѣнно возразили бы: „а на что это нужно? чтобы она научилась любовникамъ „письма писать?!“ Но, не смотря на невѣжество, женщина эта была такъ богата природнымъ умомъ, что производила на окружающихъ самое внушительное впечатлѣніе. Говорятъ, что когда она среди бесѣды стремительно вскакивала съ мѣста и дѣлала жестъ, призывавшій къ молчанію, всѣ утихали и слушали. Доброта ея уже видна изъ того, что она горячо привязалась къ своему грозному мужу и при одномъ ласковомъ взглядѣ его забывала горе и слезы, считая себя въ

1) Кромѣ указанной черты характера, т. е. способности за все браться горячо и все принимать къ сердцу, Кулишъ унаслѣдовалъ отъ отца также необычайное, по истинѣ бенедиктинское, трудолюбіе и неутомимую жажду дѣятельности: какъ въ рукахъ отца спорилось всякое ручное и хозяйственное дѣло, такъ и у сына всегда кипѣла работа и чисто практическаго свойства, вплоть до столярнаго и переплетнаго мастерства и рисованья акварелью, сепіей, масляными красками, карандашемъ и гальванопластикой, но особенно всякое научное и литературное предпріятіе.

замужествѣ съ нимъ счастливѣйшей женщиной. Изъ многочисленнаго своего семейства Катерина Ивановна съ особенной нѣжностью любила сына Тимофея, котораго рано лишилась и потомъ всегда представляла себѣ въ своихъ грустныхъ грезахъ чуть ли не единственнымъ въ мірѣ ребенкомъ. Но не этому любимцу ея, а седьмому или даже восьмому по старшинству ея ребенку было суждено прославить дарованіями свою фамилію.

Мальчикъ Пантелеймонъ родился очень слабымъ; онъ казался чуть живымъ и очень поздно, на третьемъ году, едва началъ говорить, и то какъ-то особенно растягивал слова. Въ одной изъ его повѣстей, напечатанныхъ въ „Основѣ“ подъ заглавіемъ „Другий чоловік“, изображено празднованіе рожденія будущаго писателя; отецъ его зывалъ на пирь всѣхъ встрѣчныхъ, такъ что скоро дворъ превратился въ какую-то почтовую станцію, загроможденную экипажами. Когда мальчику было четыре года, умеръ его братъ Тимофей. Послѣ этого мать перенесла свою любовь на Пантелеймона, холила и лелѣяла его; отца же онъ побаивался и, подобно матери, дрожалъ, слышавъ издали его голосъ. Съ своей стороны, отецъ не особенно благоволилъ къ своему, какъ ему казалось, неудачному ребенку, хилому и слабому, тогда какъ онъ особенно цѣнилъ физическія преимущества, обладая и самъ могучимъ тѣлосложеніемъ.

Въ этой малокультурной средѣ, гдѣ не вели толковъ ни о литературѣ, ни о политикѣ, росъ даровитый ребенокъ; впрочемъ родители его умѣли находить себѣ достойця развлеченія, и въ домѣ Кулишей, въ кругу близкихъ знакомыхъ, часто пѣлись украинскія пѣсни, рассказывались старинныя преданія. Особенно мать Кулиша славилась дивнымъ голосомъ; она умѣла привлекать къ себѣ своими артистическими наклонностями (разумѣется, достаточными лишь для скромнаго хуторскаго обихода), но еще больше добротой и обходительностью и умѣнемъ ободрить ласковымъ словомъ, подать совѣтъ. вмѣстѣ съ тѣмъ она была очень религіозна и, обладая замѣчательною памятью, хорошо знала Библію и церковную службу.

Кулишъ рано лишился матери ¹⁾ и, по его словамъ, „взросъ одинокимъ мальчикомъ въ сообществѣ отца, который горячо любилъ его, но утомлялъ чтеніемъ Державина и арифметическими задачами“. ²⁾ Этимъ, впрочемъ, и ограничилась его ученость, что не мѣшало ему, по словамъ сына, быть Аристотелемъ между сосѣдами, причемъ главными данными для такого отзѣва служили его природныя дарованія. Кулишъ такъ характеризуетъ его въ своихъ „Воспоминаніяхъ дѣтства“: „Онъ былъ отъ природы человѣкъ очень умный и отличный говорунъ. Жилъ онъ не щегольски, какъ и всѣ наши сосѣди; но въ его осанкѣ явно выражалось такое сознаніе собственнаго достоинства, которое было-бы въ пору какому-нибудь знатному барону ³⁾. О своихъ родителяхъ и ихъ вліяніи на себя въ годы дѣтства Кулишъ говоритъ такъ: „Кругомъ нашего хутора не было ни одного значительнаго имѣнія, котораго владѣлецъ былъ бы знакомъ съ культурною жизнью большого города... Отецъ мой, какъ и его сосѣди, были прямые потомки тѣхъ козаковъ, которые приобрѣли право дворянства, не усвоивши себѣ привычекъ образованной жизни. Они какъ будто вчера скинули старосвѣтскіе жушаны и надѣли запоздалаго покроя сюртуки... Я не очень сильно привязанъ былъ къ дому родительскому, потому что у меня не было матери: родной кровъ и мать—эти два понятія одно съ другимъ неразлучны“ ⁴⁾. Но дѣтство Кулиша не было

¹⁾ Говоря о матеря Кулиша, позволимъ себѣ здѣсь повторить легенду о томъ, что когда ребенкомъ онъ учился у какого-то дядька и однажды почевалъ въ школѣ, дядючкѣ, проснувшись, увидѣлъ свѣтъ въ хатѣ и за столомъ пишущаго Пацюшу; на вопросъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, дядючкѣ не получила отвѣта и вдругъ замѣтилъ, что свѣтъ погасъ, а мальчикъ спокойно спитъ подлѣ него. Мать считала этотъ сонъ пророческимъ.

²⁾ «Воспоминанія дѣтства», стр. 119. Бахмузь 1899 г.—Нижѣ вездѣ указаны точныя цитаты приводимыхъ мѣстъ выраженій, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ взяты изъ ненапечатанныхъ писемъ.

³⁾ Тамъ же, стр. 105.

⁴⁾ «Воспоминанія дѣтства», стр. 119,

совершенно лишено сердечнаго женскаго вліянія; передъ нимъ мельнула одна загадочная и оригинальная личность, Ульяна Терентьевна Мужилловская, сперва окружившая себя небывалой роскошью и блескомъ среди убогой простоты хуторскаго быта, гдѣ казалась чудомъ ея роскошная мебель, серебряная и фарфоровая посуда и картины на стѣнахъ, а потомъ все роздавшая бѣднымъ и не оставившая себѣ ничего изъ прежнихъ благъ. Хуторъ ея, казавшійся невиданнымъ въ провинціальной глуши дворцомъ, и сама владѣтельница, проникнутая строгимъ и идеальнымъ взглядомъ на жизнь, отказавшаяся потомъ отъ міра и постригшаяся въ монахини, произвела глубокое впечатлѣніе на душу воспріимчиваго мальчика и представлялась его воображенію какимъ-то высшимъ, почти неземнымъ существомъ. Кулишъ потомъ навѣщалъ ее въ годы студенчества, а когда сталъ зарабатывать достаточно денегъ, всегда помогалъ ей, и даже въ половинѣ 50-хъ годовъ, среди собственныхъ нуждъ, находилъ небольшія деньги, чтобы выплачивать назначенную пожизненную пенсію. Эту личность онъ изобразилъ въ своей повѣсти „Исторія Ульяны Терентьевны“. Заграничная біографическая записка о Кулишѣ, приписывая важное значеніе вліянію Ульяны Терентьевны на зарожденіе въ его душѣ идеализма, называетъ ее второй матерью Кулиша¹⁾ и указываетъ на сходство въ ихъ судьбѣ, именно въ

1) Это мнѣніе подтверждается собственными словами Кулиша, который въ «Воспоминаніяхъ дѣтства» называетъ ее „благодѣтельной феей“ и говоритъ о ней, что „каждое его воспоминаніе о ней проникнуто умиленіемъ и всѣ ея поступки объявы дыханіемъ поэзіи“ (стр. 196). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Не мужское дѣло воспитывать дѣтей: ихъ дѣло профессорствовать. Женщинѣ ввѣренъ драгоценный долгъ питать и согрѣвать юную раскрывающуюся душу“ (242). Наконецъ онъ прямо говоритъ: „Съ умиленіемъ пишу о ней, пишу съ чувствомъ сына, молящагося на могилѣ матери“ (стр. 145). Эта тихая, сердечная и вмѣстѣ умная и образованная женщина отчасти способствовала даже пробужденію въ Кулишѣ научной любознательности (см. стр. 205, 206, 222 и пр.), но особенно имѣла благотворное вліяніе на его нравственное развитіе (245).

томъ, что оба они, увлекшись идеалистическими стремленіями, испортили себѣ жизнь, если смотрѣть на дѣло съ внѣшней, практической стороны.¹⁾ Ульянъ Терентьевнѣ Кулишъ былъ обязанъ и тѣмъ, что былъ отданъ въ гимназію въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Не располагая большими средствами и не получивъ самъ образованія, отецъ Кулиша едва-ли могъ бы остановиться на этой мысли, но онъ не рѣшился отказать уважаемой имъ Ульянѣ Терентьевнѣ, и ей, такимъ образомъ, принадлежитъ заслуга спасенія мальчика отъ духовнаго мрака предковъ, въ который онъ легко погрузился бы, еслибы осуществились мечты его отца отдать его на службу въ повѣтовый судъ.

Такъ какъ Новгородсѣверскъ отстоитъ отъ мѣстечка Воронежя на разстояніи тридцати верстъ, то мальчикъ былъ отданъ въ чужой домъ. Его помѣстили у одной офицерской вдовы Хлопотовой, знакомой отца, но послѣдняя жила такъ далеко отъ училища, что мальчику приходилось съ немалыми затрудненіями добираться въ дождливую погоду до училища по грязнымъ буеракамъ и косогорамъ. Въ домѣ своей хозяйки увидѣлъ Кулишъ ту самую Оеклушу, которая была имъ потомъ изображена въ повѣсти того же названія, но авторъ отступилъ отъ истины въ изображеніи конца своей героини, которая у него топится въ рѣкѣ, тогда какъ настоящая Оеклуша выбросилась изъ окна („покинулась“).

Въ училищѣ Кулишъ продолжалъ свою дружбу съ Чуйкевичемъ и сблизился съ новымъ товарищемъ Діонисіемъ Подзружниковымъ, а изъ учителей ему навсегда остался памятенъ Яковъ Яковлевичъ Игнатьевъ, изображенный имъ впослѣдствіи въ повѣсти того-же заглавія, большой оригиналъ „выражавшійся языкомъ, какимъ писались книги прошлаго столѣтія“.²⁾ Онъ преподавалъ ариметику, нѣмецкій языкъ, чистописаніе и рисованіе. По старинному обычаю учитель требовалъ отъ своихъ

¹⁾ «Правда», Львовъ, 1868, стр. 32.

²⁾ „Воспоминанія дѣтства“, стр. 27.

питомцевъ не столько познаній и любви къ наукамъ, сколько добродетельныхъ приношеній живностью и мукой, и пока отецъ Кулиша не догадался объ этомъ, сынъ его не былъ на хорошемъ счету, но послѣ приношеній ученическая репутація мальчика стала быстро возвышаться, не смотря на то, что въ раннемъ возрастѣ духовныя силы его развивались туго и никакъ не позволяли пока провидѣть въ немъ будущаго литератора. Но рано дала себя знать артистическая жилка, сказавшаяся прежде всего въ мастерскихъ рисункахъ. Можно сказать, что Кулишъ отъ природы имѣлъ такое же призваніе къ живописи, какъ къ литературѣ и наукѣ; еще ребенкомъ онъ научился самоучкой чертить мѣломъ на стѣнахъ лошадей, церкви и т. п. Любопытно, что не только школьный учитель Кулиша, увидѣвъ въ первый разъ его рисунки, ни за что не хотѣлъ вѣрить, чтобы они могли принадлежать карандашу его ученика, пока не убѣдился въ томъ очевидностью; но и помощникъ попечителя кievскаго округа Юзефовичъ, будущій покровитель Кулиша, впалъ впоследствии въ такое же сомнѣніе и также былъ пораженъ искусствомъ. Впрочемъ въ годы ученія большой помѣхой для успѣховъ Кулиша въ рисованіи было невѣжество въ своемъ предметѣ его учителя рисованія Кириллова, который скоро принужденъ былъ сознаться, что онъ не въ состояніи руководить своего питомца. Но, сойдясь съ своимъ товарищемъ Гловымъ, Кулишъ, по словамъ Чалаго, „заключилъ съ нимъ союзъ взаимопомощи: Гловъ отлично рисовалъ пейзажи, а Кулишъ былъ искусный жанристъ, ловко изображавшій живыхъ людей,—поэтому, не ожидая указаній со стороны преподавателя, они сами себя совершенствовали. Не посѣщая иногда уроковъ, они запирались въ квартирѣ и рисовали, поправляя одинъ другому свои работы.¹⁾ Мало пользы принесъ Кулишу и Яковъ Яковлевичъ, не умѣвшій толково разъяснять уроки ариметики, такъ что Кулишъ шелъ успешно, лишь пока проходили первыя дѣйствія, объясненныя

¹⁾ «Кievская Старина», 1897, V, стр. 294.

ему еще дома, но встрѣтилъ потомъ большія затрудненія, когда дошелъ до дробей, тогда какъ его товарищъ Подпругниковъ, обладая сильной механической памятью, вполне удовлетворялъ наставника своего. Къ обученію своему подъ фѣрулой Якова Яковлевича Кулишъ относился потомъ съ добродушной насмѣшливостью. Однажды, уже въ 1853 г., онъ писалъ И. С. Аксакову, выражая сожалѣніе о томъ, что ему въ дѣтствѣ мало удалось наслаждаться малороссійской деревенской весной: „Въ то время, когда бы мнѣ слѣдовало дышать запахомъ розъ,“—говорилъ онъ—„я дышалъ уличною пылью, а вмѣсто соловьиныхъ пѣсенъ слушалъ учительское объясненіе Якова Яковлевича“. Не смотря на неблагоприятную обстановку, способности Кулиша стали быстро развертываться въ школѣ, такъ что, едва переведенный, единственно за красивый почеркъ, изъ приготовительнаго класса въ первый (ему сильно мѣшало тогда пониманіе книжнаго русскаго языка), Кулишъ сдѣлался потомъ первымъ ученикомъ и во многомъ опередилъ товарищей; онъ сталъ быстро рѣшать въ умѣ задачи, прекрасно владѣлъ языкомъ, а грамматика и правописаніе усваивались имъ со сказочной легкостью и быстротой, какъ будто ученіе сразу далось какимъ-то чудомъ. Но особенно замѣчательна была его способность писать и запоминать стихи и рано пробудившееся въ немъ эстетическое чувство. Любимымъ поэтомъ его всю жизнь былъ Пушкинъ, стихи котораго онъ часто цитировалъ въ устной бесѣдѣ и въ письмахъ, но на школьной скамьѣ онъ увлекался преимущественно балладами Жуковскаго и отчасти стихотвореніями Державина.¹⁾ Въ своемъ преклоненіи передъ поэзіей онъ встрѣтилъ живое сочувствіе въ лицѣ товарища Сердюкова, который, будучи двумя годами старше его, при хорошей памяти, едва могъ равняться съ Кулишомъ своими познаніями въ области русскаго поэзіи, хотя превосходилъ его во всѣхъ другихъ предметахъ и нерѣдко, какъ бы заступая для него мѣсто учителя, помогалъ ему своими объясненіями. Изъ своихъ товарищей Кулишъ очень полюбилъ Чуйке-

¹⁾ См. „Воспоминанія дѣтства“, стр. 164.

вича и Подпужникова; Сердюкова же онъ уважалъ до того, что этотъ мальчикъ казался ему ученѣе ихъ общихъ учителей. Дойдя до четвертаго класса гимназіи, Кулишъ имѣлъ столкнове-
 вѣніе съ учителемъ алгебры, притѣснившимъ учениковъ и выну-
 ждавшимъ ихъ брать у себя частные уроки. Когда однажды
 Кулишъ замаялся въ рѣшеніи одной задачи и получилъ отъ учи-
 теля замѣчаніе, онъ вдругъ рѣшительнымъ тономъ заявилъ:
 „Когда поставите мене [нарколишки, то заковы на выки алгебру,
 лкъ же на сей разъ мени простыте,—буду добрымъ учнемъ“.
 Учитель, однако поставилъ его на колѣни, а Кулишъ бросилъ
 алгебру. На экзаменѣ въ присутствіи директора Тимковскаго
 Кулишъ сказалъ, что онъ ровно ничего не знаетъ изъ алгебры;
 по послѣдній, зная способности мальчика, выставилъ ему хоро-
 шій баллъ, взявъ съ него слово, что онъ займется этимъ пред-
 метомъ.

 II.

Ранніе годы Кулиша прекрасно описаны имъ въ его „Вос-
 минавіяхъ дѣтства“, составившихся изъ повѣстей „Яковъ Яко-
 влевичъ“, Уляна Терентьевна“ и „Оеклуша“. Всѣ эти повѣсти
 биографическія и представляютъ значительный интересъ какъ
 по мѣткому и правдивому изображенію старинной жизни въ
 одномъ изъ незамѣтныхъ уголковъ Россіи, такъ и по мастерской
 обрисовкѣ нѣсколькихъ ярко очерченныхъ лицъ. Какъ въ зер-
 калѣ здѣсь отражается незатѣйливая простота провинціального
 быта и нравовъ со всей своей безцвѣтностью и однообразіемъ;
 передъ нами проходятъ силуэты безхитростныхъ людей, обре-
 ченныхъ на безпросвѣтное прозябаніе въ мертвой глуши, про-
 зябаніе, не свободное однако-жъ отъ бурь и страстей. Содер-
 жаніе всѣхъ повѣстей составляетъ задушевное воспроизведеніе
 впечатлѣній нѣжнаго и отзывчиваго подростка, сумѣвшаго тонко
 подмѣтить и оцѣнить въ окружавшихъ его заурядныхъ людяхъ
 много истинно-прекраснаго; разсказъ ведется ретроспективно,
 съ точки зрѣнія пытливей дѣтской наблюдательности. Психоло-

гически вѣрно изображена свѣжесть и чуткость дѣтскихъ впечатлѣній, живо схваченъ, такъ сказать, самый тонъ чувствъ и ощущеній мальчика лѣтъ 12—14-ти и живо представлено его положеніе въ кругу взрослыхъ. Передъ намимышленный ребенокъ, одаренный живымъ воображеніемъ и зоркой наблюдательностью, еще вполне живущій впечатлѣніями минуты и безпечно приглядывающійся къ старшимъ; онъ легко сживается съ ними и невольно располагаетъ къ себѣ своей чистой дѣтской привязанностью, а тасто оказывается догадливымъ¹⁾ и даже проникательнѣе ихъ, вполне сохраняя въ то же время свойственные возрасту наивность и простодушное невѣдѣніе жизни. Авторъ имѣлъ поэтому право сказать, что въ дѣтствѣ ему „міръ представлялся свѣтлою духовною областью, въ которой все родное, все одинаково прекрасное тотчасъ взаимно чувствуетъ себя и сплѣснуть сблизиться“ и что его „душа была тогда довѣрчиво открыта любви и дружбѣ, какъ цвѣтокъ солнечному сіянію“. „Боже“—продолжалъ онъ—„какъ я не похожъ теперь на того цвѣтущаго всѣми силами ребенка, о которомъ вспоминать составляетъ для меня наслажденіе“.²⁾ Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „все, что поражало мой глазъ и ухо, отражалось въ мой душѣ, живописно и музыкально. Поэтому я не могу вспомнить ни малѣйшаго обстоятельства моего дѣтства, которое бы не пробудило въ памяти моего сердца гармоническаго сочетанія радости и грусти, веселыхъ и мрачныхъ впечатлѣній“.³⁾ Благодаря этимъ качествамъ, Кулишу удалось много извлечь для своего духовнаго развитія изъ самой скудной обстановки и потому онъ такъ страстно потомъ отыскивалъ возвратную дорогу въ тѣ годы, которымъ нѣтъ возврата.⁴⁾ Но всего привлекательнѣе было въ подросткѣ пробуждавшееся живое чувство красоты природы и поэзіи и теплая

1) Забавно между прочимъ, какъ однажды онъ недоумливаетъ своего стараго учителя поцѣловать ручку у невѣсты.

2) «Воспоминанія дѣтства», стр. 111.

3) Стр. 117.

4) Стр. 388.

отзывчивость сердца на доброту и ласку. Съ какою любовью, напимѣрь, онъ восхищался, какъ „вечернее солнце играло на сѣдыхъ волосахъ“¹⁾ старика и умѣлъ находить красоту въ самыхъ простыхъ пейзажахъ: „Какъ хорошо потянулись внизъ по рѣкѣ горы, на которыхъ бѣдные домики городка Н. усѣлись между садовъ, точно гуси на дугу. Какъ ярко сіяютъ монастырскія главы!“ и проч. Благодатные природныя задатки способствовали устраненію и смягченію всякихъ неблагоприятныхъ вѣшнихъ вліаній, если вѣрить слѣдующимъ словамъ Кулиша: „Я одинокой своей жизни дома, скучному училищному быту и отсутствію материнской любви приписываю раннее развитіе во мнѣ симпатіи ко всему, что манитъ сердца.“²⁾ Какъ видно изъ одного признанія автора, онъ искалъ въ бесѣдѣ съ читателемъ сердечнаго отклика на дорогія чувства, желая въ то же время воздать честь памяти симпатичныхъ ему людей и подѣлиться этой свѣтлой памятью съ другими. Задача—дать почувствовать душевную красоту неэффектныхъ героевъ и заставить ихъ полюбить такъ, какъ любилъ ихъ связанный съ ними интимными воспоминаніями авторъ,—это задача не изъ легкихъ, и удачное ея разрѣшеніе дѣлаетъ въ нашихъ глазахъ большую честь какъ искусству его пера, такъ и краспорѣчію сердца. Читая эти воспоминанія, проникнутыя и согрѣтыя любовью, невольно думаешь, что не такъ бѣдна человѣческая природа, какъ часто кажется, но что не всегда душа наблюдателя бываетъ одарена такою чуткостью ко всему доброму, какъ мы видимъ это у нашего автора.

III.

Еще въ школѣ Кулишъ дѣлалъ большіе успѣхи въ словесныхъ предметахъ; онъ охотно писалъ товарищамъ планы для предложенныхъ сочиненій, а исторію Кайданова, благодаря изу-

¹⁾ Стр. 118.

²⁾ Стр. 130.

нительной памяти, зналъ почти навзустъ и даже, подъ вліяніемъ этого риторическаго руководства, въ отвѣтахъ употреблялъ напыщенныя выраженія, которыя при воспоминаніи возбуждали въ немъ смѣхъ въ зрѣлыя годы. Раздѣлая съ нимъ любовь къ словесности, пріятель товарищъ его, Сердюковъ, охотнѣе изучалъ нѣмецкую литературу и увлекался поэзіею Гете, тогда какъ Кулишъ совершенно погрузился въ родную украинскую словесность и, оставивъ отъ товарища въ начитанности, превзошелъ его раннимъ авторствомъ, пробуя свои силы на небольшихъ повѣстяхъ, какъ напр. „Цыганъ“, появившейся въ изданномъ Гребенкой въ 1841 г., альманахѣ „Ластівка“. Когда до Кулиша дошли первыя повѣсти Гоголя, восторгамъ его не было границъ; въ то же время онъ упивался произведеніями Квнтки, особенно „Марусей“.

Но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ упоеніемъ, съ той жаркой юношеской страстью къ народной поэзіи, которую зажегъ въ душѣ юноши случайно попавшійся въ его руки сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича. Объ этомъ событіи въ своей жизни Кулишъ такъ говоритъ въ „Воспоминаніяхъ о Костомаровѣ“: „Николаша“ (Костомаровъ), какъ мы всѣ, питомцы общерусскихъ школъ, въ началѣ пренебрегали хохлатчиною и думалъ на языкѣ Пушкина. Но съ обоими нами, на двухъ отдаленныхъ точкахъ Малороссіи, произошелъ замѣчательный случай. Ему въ Харьковѣ попалъ въ руки сборникъ украинскихъ пѣсенъ Максимовича, 1827 г., а я въ Новгородѣ Сѣверскомъ также случайно сдѣлался обладателемъ украинскихъ думъ и пѣсенъ того же Максимовича, 1834 г. Мы оба въ одинъ день изъ великорусскихъ народниковъ сдѣлались народниками малорусскими“.¹⁾ Подѣлился Кулишъ своей радостью съ Сердюковымъ, и забыли они надолго обо всемъ, чѣмъ увлекались прежде, и скоро вѣсть о чудной находкѣ облетѣла всѣхъ одноклассниковъ-гимназистовъ. Кулишъ сталъ приносить въ классъ сборникъ и увлекалъ товарищей молодой, захватывающей душу, восторжен-

¹⁾ «Новь», 1885, № 13, стр. 63.

ной декламаціей. Сильно западаютъ впечатлѣнія въ ранніе годы, и цѣлый новый міръ обаятельныхъ поэтическихъ образовъ открылся воображенію юноши: національная старина ожила и получила глубокой смыслъ для юнаго патриота, и глубоко хватала его за сердце то разгульные и бодрья, то заунывныя, но всегда очаровательныя своей задушевностью украинскія мелодіи. Хмельницкій, Сагайдачный, Дорошенко, Коновченко безпрестанно мелькали въ его воображеніи и возбуждали въ немъ глубочайшую симпатію. Всю книгу выучилъ Кулишъ наизусть и никогда потомъ, не разставался надолго съ излюбленнымъ сборникомъ. Когда Кулишъ цѣлъ столъ полюбившіяся ему пѣсни, въ звуки ихъ онъ влагалъ свою душу и своимъ увлеченіемъ неудержимо заражалъ слушателей.

Не смотря на свою любовь къ наукѣ и поэзи и на быстро развивавшіяся способности, а частью, можетъ быть, даже благодаря имъ, Кулишъ, въ надеждѣ черезъ нѣкоторое время выдержать экзаменъ въ только что учреждавшійся кievскій университетъ, противъ воли отца, оставилъ гимназію. Но какъ гимназистъ, вышедшій изъ пятого класса, онъ могъ, по тогдашнимъ правиламъ, получить право на университетское испытаніе не равнѣ, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ. Вслѣдствіе этого ему пришлось взять на себя обязанности домашняго учителя въ помѣщичьихъ домахъ. Тогда-то онъ началъ въ свободное время являться среди народа и, мастерски умѣя войти во вкусы и довѣріе своихъ собесѣдниковъ, затрагивалъ самыя чуткія струны ихъ души. Его, обращенная къ нимъ задушевная рѣчь, его воодушевленная, льющаяся изъ души пѣснь легко пролагали себѣ дорогу къ ихъ сердцу. Кулишъ обращался съ простолюдиномъ, какъ другъ, забывая о своей принадлежности къ привилегированному сословію, и безъ всякихъ заднихъ мыслей, которыя, какъ бы ни были благородны и самоотверженны, всегда имѣютъ свойство возбуждать въ народѣ инстинктивную подозрительность и недоброжелательство. Кулишъ же обходился съ людьми изъ народа, какъ съ младшими братьями, не по принципу, а просто по побужденію сердца, чѣмъ и производилъ неотразимое обаяніе. Та-

кимъ характеромъ отличались его отношенія къ народу отъ ясной зари до поздняго заката его дней. Слушая, какъ онъ декламируетъ на память думы, народъ чувствовалъ въ немъ своего искренняго, а въ звукахъ исполняемыхъ имъ мелодій ему слышалось что-то родное, кровное и невыразимо-дорогое. Въ такія минуты высокаго наслажденія забывались прозаическія заботы; душа пѣвца и слушателей сливались, переполняясь счастьемъ тихой грусти, которая дороже и выше всякаго веселья. Такъ устанавливалась между Кулишомъ и его аудиторіей столь сердечная связь, что о немъ сложилась наивная легенда, будто бы онъ—переодѣвшійся въ національный костюмъ царскій сынъ. Одинъ старикъ, слывая своихъ сыновей слушать пѣніе Кулиша, въ отвѣтъ на обнаруженное ими удивленіе, такъ какъ дѣло было въ будни, сказалъ: „работа не уйдетъ, а *такого* гостя больше не увидимъ!“ То же наивное, но задушевное сочувствіе выразилось впоследствии и въ хуторскякъ разсказахъ послѣ смерти Кулиша о томъ, будто бы онъ былъ похороненъ въ золотой гробъ, т. е. въ золотомъ гробѣ.

IV.

Не сразу удалось Кулишу осуществить свою мечту о поступленіи въ университетъ: въ первый разъ онъ явился на экзаменъ, повидному, съ недостаточнымъ научнымъ багажемъ, вслѣдствіе чего ему пришлось вновь обратиться къ занятіямъ домашняго наставника; но черезъ годъ, вернувшись опять въ Кіевъ, онъ уже выдержалъ испытаніе и сталъ слушать лекціи сначала по словесности, а потомъ по юридическому факультету. Запасаясь такимъ образомъ разносторонними познаніями въ аудиторіяхъ, въ лѣтнее время онъ вступалъ въ живое общеніе съ народною массою и, становясь къ ней лицомъ къ лицу, обогащалъ свой языкъ складомъ народнои рѣчи и глубокимъ знаніемъ народнои жизни. По мнѣнію г. Чалаго, малороссійскимъ „языкомъ Кулишъ владѣлъ въ совершенствѣ, какъ никто изъ современныхъ ему

писателей“¹⁾. Около 1837—1838 г. Кулишъ, по словамъ его друга, В. М. Бѣлозерскаго, служилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ правленіи лицея вн. Безбородко. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Кулишѣ г. Чалый сообщаетъ далѣе слѣдующія подробности: „Въ 1839 г. былъ вновь открытъ университетъ св. Владиміра послѣ временнаго его закрытія, и П. А. хотя выдержалъ экзаменъ удовлетворительно, но по неимѣнію документа о дворянскомъ происхожденіи, не допущенъ формалистомъ ректоромъ К. А. Неволинимъ въ слушанію лекцій. 2) О студенческихъ годахъ Кулиша г. Чалый, поступившій въ университетъ годомъ поздиѣе, рассказываетъ такъ: „Встрѣтившись въ царскомъ саду съ студентомъ Ив. Долинскимъ, я, по его указанію, скоро отыскалъ квартиру своихъ сѣверянъ, П. А. Кулиша и П. Е. Чуйкевича. Неразлучные друзья-земляки жили въ Графскомъ переулкѣ, позади извѣстнаго въ то время виннаго магазина Финке, надъ Провальемъ. Замѣтивъ изъ первыхъ же моихъ словъ, что я—совершеннѣйшій провинціалъ—простота, котораго на каждомъ шагѣ въ незнакомомъ большомъ городѣ каждый могъ обмануть, добрый мой землякъ П. А., отложивъ въ сторону своего „Огненнаго Змія“ (повѣсть, которую онъ писалъ для „Кіевлянина“),—поспѣшилъ накинуть на себя сюртукъ и отправился со мною нанять извозчика для перевозки засвѣтло

1) «Кіевская Старина», 1897, V, стр. 295.

2) Лишенный такимъ образомъ возможности получить университетское образованіе, въ одномъ изъ писемъ своихъ (на галицко-рускомъ языкѣ) онъ съ горечью вспоминаетъ объ этомъ прискорбномъ фактѣ: «Черниговскія власти могли бы, если бѣ захотѣли, разыскать мои документы по моему указанію, «да мій панотець зоставсь десято-литкомъ безбатченкомъ, тымъ и не зумивъ описли спонукаты герольдію, колы и я отъ ничого не вдіивъ. Тымъ часомъ ректоръ Неволинъ—той, що не схотявъ бачити риднои матери, злидненои вдовыци-попади и выславъ їй 25-рублевый паперець,—присипавсь до мене, щобъ дворянський протоколъ написанъ бувъ въ Черныгови на мое, а не панотцеве имя, а покы що, не дозволивъ мени слухати лекцій, а я, рессипіагит сауса, не мигъ узятъ на себе «сирком по судахъ волокаты».

моего сварба съ Подола. Приѣхавъ на пристань и забравши сундукъ, я вернулся на квартиру студентовъ и остался у нихъ ночевать". 1) Эти строки рисуютъ добрый и обходительный характеръ Кулиша.

Въ университетѣ Кулишъ слушалъ по словесности лекціи Максимовича. Ему удалось, съ своей стороны, сдѣлать вкладъ въ его собраніе пѣсенъ, представивъ въ распоряженіе его тѣ, которыя были нѣкогда записаны имъ отъ матери; Максимовичу же для напечатанія въ альманахѣ „Кіевлянинъ“ передалъ Кулишъ и двѣ сочиненныя имъ легенды о воронежскихъ козакахъ. Цолюбивъ талантливаго юношу, Максимовичъ сталъ приглашать его къ себѣ, и часто они вмѣстѣ пѣли украинскія пѣсни и читали Вальтеръ-Скотта. Юноша съ жадностью ловилъ объясненія любимаго профессора-словесника, и именно этому профессору онъ былъ больше всѣхъ обязанъ во всѣхъ отношеніяхъ, тогда какъ прочіе держали студентовъ въ значительномъ отъ себя отдаленіи и обращались съ ними съ олимпійскимъ высокомеріемъ. Но при всемъ расположеніи къ Кулишу любимаго профессора, ничто не могло спасти его, когда съ одной стороны для молодого человѣка наступило время крайней нужды, а съ другой къ оставленію *almae matris* его побуждало неимѣніе нѣкоторыхъ нужныхъ документовъ, и Кулишу не удалось окончить университетскаго курса, подобно тому какъ раньше онъ преждевременно оставилъ гимназію.

Стараясь всячески помочь Кулишу, Максимовичъ далъ о немъ самую лестную рекомендацію Юзефовичу, бывшему сперва инспекторомъ училищъ, а потомъ помощникомъ попечителя кіевского учебнаго округа. Онъ также оцѣнилъ съ своей стороны молодого человѣка; Кулишъ впоследствии печатно отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, „которому онъ, въ первоначальномъ образованіи своемъ, обязанъ больше, чѣмъ кому-либо, изъ предшествовавшаго поколѣнія“. 2) Юзефовичъ назначилъ Кулиша учи-

1) «Кіевская Старина», 1897 г., V, 295—296.

2) «Новь», 1885, № 13, стл. 61.

телемъ въ лудкое дворянское училище, находившееся въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ, обладая прекрасной бібліотекой, обогащенной „конфискованными, по распоряженію генераль-губернатора Бибикова, бібліотеками волынскихъ магнатовъ, съ дорогими и рѣдкими изданіями, и состоявшей изъ 1500 томовъ“. „Эта бібліотека“, продолжаетъ г. Чалый,— „весьма много способствовала расширенію умственного кругозора Кулиша и дала ему возможность пополнять пробѣлы недостаточнаго образованія. Въ бібліотекѣ, между прочимъ, находилось полное собраніе романовъ Вальтеръ-Скотта на французскомъ языкѣ“. 1)

Въ Луцкѣ П. А. Кулишъ подружился съ своимъ новымъ товарищемъ, учителемъ Иваномъ Филипповичемъ Хильчевскимъ, который былъ десятью годами старше его; ему онъ также былъ многимъ обязанъ, какъ опытному руководителю и другу. Кулишъ оправдалъ здѣсь возлагаемыя на него Максимовичемъ и Юзефовичемъ надежды. Онъ не только безъ труда справлялся съ новыми обязанностями, но находилъ время и для изученія иностранныхъ языковъ, которое подвигалось съ большою быстротою: пріѣхавъ въ Луцкъ почти профаномъ въ данномъ отношеніи, что и составляло тогда его слабую сторону, онъ незамѣтно научился свободно читать по-французски. Впослѣдствіи онъ въ совершенствѣ изучилъ, кромѣ малороссійскаго и русскаго, еще польскій языкъ, также древнеславянскій, на которомъ любилъ потомъ говорить и переписываться съ Костомаровымъ, и хорошо узналъ нѣмецкій, итальянскій, испанскій, англійскій, а также латинскій. Вскорѣ онъ прочелъ на французскомъ языкѣ Вальтеръ-Скотта и, вдохновленный его романомъ, „Карлъ Смѣлый“, написалъ и издалъ въ 1843 г. „Михаила Чарнышенка“, своего литературнаго первенца (если не считать незначительные ранніе опыты).

Въ молодомъ Кулишѣ жизнь была ключемъ: по всѣмъ воспоминаніямъ, мы видимъ въ немъ, въ занимающую насъ пору,

1) «Кіевская Старина», 1897, V, 296—297.

человѣка веселаго, не чуждаго увлеченій женскою любовью, чело-
вѣка общительнаго и пріятнаго въ дружескомъ кругу и даро-
витаго работника на литературной аренѣ: Кулишъ писалъ такъ
легко и успѣшно, что поражалъ близкихъ ему людей даромъ
безъ малѣйшаго напряженія и безъ поправокъ излагать свои
мысли въ красивой и изящной формѣ. Эта способность сохра-
нилась у него до самой смерти. Кстати замѣтимъ, что онъ об-
ладалъ также изящнымъ, щегольскимъ почеркомъ, и всѣ его ру-
кописи были всегда такъ чисто и хорошо написаны уже начерно,
что только нѣкоторыя вставки на поляхъ, дѣлаемая имъ почему-
нибудь въ видѣ прибавокъ на основаніи какихъ-нибудь вновь
полученныхъ историческихъ документовъ, могли служить един-
ственной причиною, вслѣдствіе которой Кулишъ имѣлъ иногда
нужду въ перепискѣ, при чемъ эту работу онъ никогда не по-
ручалъ другимъ лицамъ. Не менѣе удивлялъ онъ, по свидѣ-
тельству г. Чалаго,— „и искусствомъ передавать на бумагѣ жи-
тейскія сцены и портреты окружающихъ лицъ“¹⁾.

V.

„При кратковременномъ пребываніи въ Луцкѣ“—разсказы-
валъ намъ со словъ Кулиша В. М. Бѣлозерскій— „Кулишъ при-
обрѣлъ множество научныхъ свѣдѣній. Большая училищная биб-
ліотека въ 1500 томовъ много способствовала расширенію умствен-
наго кругозора Кулиша и пополняла пробѣлы недоконченнаго
образованія“.

„Между знакомыми Хильчевскаго было немало поляковъ,
съ которыми онъ познакомилъ Кулиша, жившаго съ нимъ на
одной квартирѣ. Живая и дѣятельная натура Кулиша влекла
его и въ женское общество; онъ между прочимъ влюбился на
короткое время разомъ въ двухъ дѣвицъ, извѣстныхъ у него
подъ № 1 и № 2, недоумѣвая, которой отдать преимущество.“

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897, V, 297.

Болѣ другихъ, повидимому его занималъ № 1, племянница бывшаго профессора Кременецкаго лицея, Зиновича. Кулишъ своей обяательной личностью очень нравился Хильчевскому, воскрешая для него родную Малороссію; говорилъ онъ чистѣйшимъ украинскимъ языкомъ. Живя душа въ душу, друзья чувствовали себя вполне счастливыми и довольными своей судьбой. Но спокойствіе и тихое теченіе ихъ жизни продолжалось недолго: въ срединѣ года въ училище былъ назначенъ новый смотритель, нѣкто Глыбовскій, изъ Чернигова. Несимпатичная, невѣжественная личность новаго начальника поселила между учителями разладъ; особенно ожесточенную войну съ смотрителемъ повелъ горячій и нетерпѣливый Кулишъ. „Я не люблю горячаго Кулиша“, сказалъ однажды Глыбовскій. „Бо собаки не любятъ горячаго“, отвѣчалъ Кулишъ.

Борьба началась изъ-за того, что смотритель сдѣлалъ неумѣстное замѣчаніе бібліотекарю Хильчевскому за то, что онъ оставлялъ по цѣлымъ днямъ въ бібліотекѣ Кулиша одного. Кромѣ того, учителя открыли въ Глыбовскомъ весьма неблаговидный порокъ: онъ бралъ взятки и отъ родителей, и отъ квартиросодержателей; поэтому учителя отправили попечителю, князю Давыдову, коллективную просьбу избавить училище отъ позора. Послѣдствіемъ было то, что Глыбовскаго куда-то удалили, но вслѣдъ затѣмъ Хильчевскаго понизили по службѣ, переимѣстивъ его изъ дворянскаго луцкаго въ роменское уѣздное училище, а Кулиша перевели въ Кіево-подольское дворянское училище, и онъ оставилъ Луцкъ, прослуживъ тамъ всего одинъ годъ.¹⁾ Впро-

¹⁾ Семь мѣсяцевъ пробылъ Кулишъ преподавателемъ Луцкаго училища. Въ служебномъ аттестатѣ его находимъ слѣдующія свѣдѣнія о его первоначальной службѣ: „Въ службу вступилъ исполняющимъ должность учителя русскаго языка въ Луцкое дворянское училище 1841 г. февраля 10 дня; переимѣненъ въ таковую же должность въ Кіево-печерское дворянское училище въ томъ же году августа 21; въ Кіево-подольское дворянское училище—въ томъ же году декабря 25; утвержденъ въ должности учителя русскаго языка и словесности

чемъ успѣхи Кулиша на служебномъ поприщѣ были въ сущности второстепенными: онъ написалъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, какъ-то идилію „Орися“, поэму „Украина“ и проч. и при этомъ такъ быстро подвигался въ смыслѣ развитія и самообразованія, что интимный кругъ его друзей вскорѣ составляли уже такіе люди, какъ извѣстный польскій писатель Михайлъ Грабовскій, сразу оцѣнившій его талантъ и отнесшійся къ нему съ такимъ сочувствіемъ, что Кулишъ считалъ время своего знакомства съ нимъ во многихъ отношеніяхъ лучшей порой жизни.

Наконецъ, настала знаменательная пора перваго знакомства Кулиша съ Костомаровымъ и Шевченкомъ. О томъ и другомъ мы узнаемъ изъ не разъ названной статьи его „Воспоминанія о Костомаровѣ“.

„Однажды“—говоритъ Кулишъ—„засталъ я у Юзефовича магистра Харьковскаго университета, Н. И. Костомарова, въ

1842 г. сентября 15; командированъ для осмотра въ Кіевской губерніи всѣхъ архивовъ, находящихся при правительственныхъ мѣстахъ и монастыряхъ 1843 г. іюля 5; назначенъ учителемъ исторіи и географіи при томъ же Кіево-водольскомъ дворянскомъ училищѣ того же года октября 23; назначенъ членомъ сотрудникомъ при временной комисіи для собранія свѣдѣній о предметахъ древности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Кіевской губерніи того же года іюля 13; переимѣненъ въ исправленію должности старшаго учителя исторіи въ Ровенскую гимназію 1845 г. августа 31; переимѣненъ старшимъ учителемъ русской словесности въ пятую С.-Петербургскую гимназію того же года декабря 15; Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 1 и 15 октября 1846 г. положено: отпрать Кулиша для изученія славянскихъ нарѣчій въ Пруссію, Саксонію и Австрію, на два съ половиною года... 1866 г. октября 22“. Мы позволили себѣ привести эту длинную выписку потому, что, несмотря на сухость оффиціальнаго тона, она дѣлается въ высшей степени замѣчательной и краснорѣчивой въ смыслѣ яраго доказательства *необходимыхъ успѣховъ* Кулиша на служебномъ поприщѣ, почти невозможныхъ при *отсутствіи протекціи и связей*.

широковѣщательной бесѣдѣ о козакахъ, до которыхъ мы всѣ были большіе охотники, я же лично былъ преисполненъ такой любви къ ихъ подвигамъ, что лѣтописныя о нихъ сказанія и лѣсни хранилъ въ памяти, какъ малорусскую „Иліаду“. Принявъ участіе въ бесѣдѣ, я привелъ цѣликомъ длинную тираду изъ какой-то лѣтописи. Костомарова поразило такое рьяное изученіе малорусской письменности, и мы съ перваго обмѣна мыслей сдѣлались близкими знакомыми¹⁾. Скоро сближеніе дошло до того, что они „проговаривали напролетъ цѣлыя лѣтнія ночи и въ своихъ ночныхъ прогулкахъ, сопровождавшихся нестѣсненнымъ никакими еще страхами ораторствомъ“, — продолжаетъ Кулишъ, — „стороннему наблюдателю мы могли казаться пьяными. Избытокъ мечтательности, основанной на любви къ лучшему (какъ мы были убѣждены) изъ народовъ, дѣлалъ насъ восторженными“²⁾.

Оригинально было начало знакомства Кулиша съ Шевченко. „Когда я сидѣлъ за мольбертомъ, утопая въ игрѣ линій, тоновъ и красокъ“, рассказываетъ Кулишъ — „передо мною появилась невѣдомая еще мною фигура Шевченка, въ парусинномъ балахонѣ и въ такомъ же картузѣ, падавшемъ ему на затылокъ, подобно козацкому шлыку.

— „А вгадайте, кто?“ — это были первыя слова Тараса, произнесенныя тѣмъ очаровательно-веселымъ и беззаботнымъ голосомъ, который привлекалъ къ нему и женщинъ и дѣтей. Я отвѣчалъ: „Шевченко“.

— „Винъ“, отвѣчалъ Тарасъ, засмѣявшись такъ, какъ смѣются наши молодіцы. Тогда онъ не носилъ еще усовъ и на лицѣ было много женственнаго.

¹⁾ «Новь», 1885, № 13, стр. 61. Въ «Правдѣ» объ этомъ разсказано такъ: «Вдарило Костомарова, що Кулишъ напам'ятъ проказавъ аргументъ свій изъ лѣтописи. Винъ разомъ зъ нимъ вийшовъ видъ Юефовича и — скажемо такъ — *учетывсь ёму въ полу*. (1868 г. стр. 296—297.

²⁾ «Новь», 1885, № 13, стр. 62,

— „Чи нема въ васъ чаркы горилкы?“—Это была вторая, услышанная мною отъ Шевченка, фраза. ¹⁾

Съ Костомаровымъ Кулишъ особенно сошелся и жилъ съ нимъ душа въ душу, а Шевченко иногда коробилъ его своимъ цинизмомъ, тогда какъ, съ другой стороны, ультрадемократу Шевченку Кулишъ представлялся аристократомъ. Деликатный и сдержанный въ рѣчахъ, рѣдко позволявшій себѣ двусмысленности и цинизмъ, Кулишъ, хотя и любилъ Шевченка и охотно проводилъ время въ его обществѣ, особенно часто отправляясь съ нимъ въ бытность въ Кіевѣ на рыбную ловлю, но не могъ чувствовать въ немъ такую же духовно-нравственную личность и находить въ его обществѣ такое же глубокое удовлетвореніе, какъ въ обществѣ Костомарова.

VI.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ служебная и учено-литературная дѣятельность Кулиша быстро приняли широкіе размѣры ²⁾. Пользуясь уваженіемъ и покровительствомъ помощника попечителя кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовича, нашъ молодой ученый старался найти себѣ такое поприще дѣятельности, на которомъ ему можно было бы вполне развернуть свои силы. Планы одинъ шире и смѣлѣе другого возникали въ его головѣ и быстро смѣнялись другъ друга, и всѣ они, при всемъ своемъ разнообразіи, имѣли одну неизмѣнную черту—всѣ были такъ или иначе связаны съ дорогой Украиной. Къ Юзефовичу Кулишъ обращался часто и свободно и притомъ, въ виду его литературныхъ связей, также и по дѣламъ журнальнымъ. Однажды

¹⁾ Тамъ же, стр. 64.

²⁾ Однимъ изъ первыхъ произведеній Кулиша была повѣсть: «Михайлъ Чернышенко», о которой Шевыревъ далъ весьма лестный отзывъ въ «Москвитинѣ», отмѣтивъ блестящее дарованіе Кулиша и его горячую любовь къ Украинѣ.

Кулишъ писалъ ему: „вы велѣли мнѣ напомнить вамъ о нашемъ обѣщаніи войти въ переговоры съ какимъ-нибудь журналомъ, который бы доставилъ мнѣ постоянную плату отъ листа“. Мы видимъ изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ, что Кулишъ уже довольно высоко цѣнить свой трудъ и готовъ „лучше жить однимъ жалованьемъ и совсѣмъ не браться за перо, нежели обогащать бездумныхъ столичныхъ писаекъ, умѣющихъ разглагольствовать только въ программахъ да на журнальныхъ обложкахъ“. Замыслы Кулиша уже поражаютъ обширностью и отвагой, но для исполненія ихъ онъ принужденъ искать простора, для чего и необходимо было содѣйствіе вліятельныхъ лицъ. Онъ писалъ Юзефовичу: „У меня родилась такая дерзкая мысль, что я ужь не смѣлъ и говорить вамъ о ней прежде ея осуществленія—мысль выразить жизнь малороссійскаго народа въ эпопеѣ. Я избралъ для этого языкъ и форму народныхъ нашихъ думъ, которыя изучалъ долго и прилежно, и такъ какъ думы наши суть отрывки народной эпопеи, то я вставлялъ ихъ цѣликомъ, приближаясь къ воспѣваемой въ нихъ эпохѣ“¹⁾.

Скоро Кулишу, при его необъятныхъ планахъ, тѣсно стало въ Кіевѣ, и онъ началъ просить Юзефовича помочь ему устроиться въ Петербургѣ, гдѣ можно было бы безпрепятственно посвятить себя изданію малороссійскихъ лѣтописей, исторіи малороссійскихъ фамилій и подобныхъ трудовъ, а досуги посвящать любимымъ занятіямъ живописью въ Академіи художествъ. Для многаго уже были заготовлены матеріалы, иное заранѣе рисовалось молодому автору въ весьма опредѣленныхъ и заманчивыхъ чертахъ; вездѣ его манила перспектива самостоятельнаго творчества и прокладыванія новыхъ путей. Каждый предпринимаемый трудъ представлялся Кулишу настоящей и неотложной потребностью его родины, и онъ считалъ себя призваннымъ по мѣрѣ силъ способствовать разрѣшенію ея историческихъ за-

1) «Кіевская Старина», 1899, II, стр. 191. Разумѣется «Черная Рада» (письмо отъ 14 августа 1843 г.)

дачь ¹⁾. . Свои завѣтныя мысли онъ сообщаетъ Юзефовичу, по-видимому съ необходимыми уступками оффиціальнымъ взглядамъ, въ такомъ видѣ: Политическая жизнь Малороссіи давно кончилась; та жизнь, которая выражается въ языкѣ, костюмахъ, обычаяхъ и проч.—назову ее хоть поэтической,—также съ каждымъ годомъ теряетъ свою выразительность. Малороссія скоро сольется въ одно тѣло съ Россією. Это и хорошо; но не хорошо то, что она, расцвѣтая около двухъ вѣковъ такую сильною, такую пышною народною жизнью, мало принесла въ него элементовъ новыхъ, выработанныхъ собственными силами во время отдѣльнаго своего существованія. Было время, когда мы, малороссіянне, въ соприкосновеніи съ русскими, могли бы, такъ сказать, напитать ихъ запахомъ своихъ степей, придать имъ богатство колорита своими народными красками, осіять ихъ блескомъ своей поэзіи. Я увѣренъ, что послѣ вліянія, произведеннаго на русскихъ романами Вальтеръ Скотта, мы сдѣлались бы для нихъ предметомъ особеннаго изученія ²⁾. Увлекался богатствомъ и глубокимъ поэтическимъ значеніемъ памятниковъ духовной жизни малороссійскаго народа, Кулишъ сильно сокрушался о томъ, что они почти не приведены въ извѣстность и потому не могутъ оказывать должнаго благотворнаго вліянія какъ на малорусскую, такъ и на великорусскую народность. Отсюда первой неотложной задачей онъ считаетъ изданіе малороссійскихъ лѣтописей (въ этомъ направленіи онъ старался дѣйствовать на Юзефовича и другихъ вліятельныхъ лицъ), пѣсенъ, свода малороссійскихъ узаконеній, собранія всевозможныхъ географическихъ данныхъ и „описанія старинныхъ церквей и зданій, утварей

1) Кулишъ въ это время говорилъ о себѣ: «Я теперь хожу, какъ пчела по сотамъ: гдѣ только встрѣчу сѣлую бороду, не отойду безъ того, чтобы не выжать изъ нея пахучаго цвѣта народной поэзіи или въ преданіи или въ пѣснѣ. Изученіе этихъ малороссійскихъ антиковъ такъ же меня совершенствуетъ, какъ живописца изученіе антиковъ скульптуры» («Кіевская Старина», 1899, II, 189—190).

2) Кіевская Старина, 1899, II, 199—200.

домашнихъ принадлежностей, хозяйства, торговли, ремесль¹⁾. Изъ этого видно, какая широкая программа создавалась въ головѣ Кулиша. Понятно, что при такихъ стремленіяхъ онъ всячески избѣгалъ пустыхъ знакомствъ и непроизводительной траты времени и старался вступать въ сношенія преимущественно съ людьми, извѣстными своими трудами въ области исторіи и словесности, что вскорѣ привело его къ перепискѣ съ Погодинымъ, Шлетневымъ, Максимовичемъ и другими. Такимъ образомъ кругъ дѣятельности и сношеній Кулиша становился все шире, но центръ постоянно оставался тотъ же. Весной 1843 года Кулишъ отъ чрезмѣрной работы сталъ чувствовать сильныя боли въ груди и даже боялся смерти; имъ ненадолго овладѣло отчаяніе, но когда опасность миновала, его мысли опять немедленно устремились къ привычнымъ предметамъ, и онъ почувствовалъ приливъ новыхъ силъ. „Міръ, представлявшійся мнѣ дотолѣ мрачнымъ скопищемъ людскихъ недостатковъ,—говорилъ онъ—явился въ моей душѣ со всѣмъ тѣмъ, что только она находила въ немъ поэтическаго, и это явленіе неожиданно озарило для меня художественнымъ колоритомъ нѣсколько страницъ нашей исторіи“²⁾.

VII.

Въ такомъ настроеніи застало Кулиша сближеніе его съ семействомъ Бѣлозерскихъ, имѣвшее большое значеніе въ его жизни. Онъ прежде всего познакомился съ юнымъ украинскимъ патріотомъ, своимъ будущимъ другомъ и соиздателемъ малороссійскаго украинскаго журнала „Основа“, В. М. Бѣлозерскимъ. При началѣ ихъ знакомства послѣдній былъ еще студентомъ; онъ былъ нѣсколькими годами моложе Кулиша. Сообщасмъ о нихъ первыхъ встрѣчахъ со словъ самого покойнаго Василя Михайловича³⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 200.

²⁾ «Кіевская Старина», 1899, II, 188—189.

³⁾ См. о немъ же нашъ некрологъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» 28 февраля 1899 г. (№ 59).

„Въ 1843 году студентъ Кіевскаго университета Д. П. Пильчиковъ, желая познакомить меня съ Кулишемъ, какъ любителемъ и знаткомъ всего украинскаго, привелъ меня на ту квартиру, гдѣ былъ у него г. Чалый. Квартира его состояла изъ двухъ комнатъ; въ первой никого не было, во второй находился Кулишъ. Пильчиковъ вошелъ туда, пробылъ недолго и, возвращаясь, сказалъ, что Кулишъ теперь занятъ и надо притти въ другой разъ. Послѣ этого прошло довольно много времени, пока я съ нимъ познакомился. Миновало лѣто, наступила осень, и Кулишъ былъ уже учителемъ въ Кіевскомъ училищѣ, живя на квартирѣ въ Старомъ Кіевѣ. Кажется, Пильчиковъ посоветовалъ мнѣ быть у него одному. Придя къ нему вечеромъ, я встрѣтилъ очень пріятный пріемъ и, пробывъ до поздней ночи, возвращался къ себѣ на Печерскъ темными улицами, по страшной грязи, восхищенный и восторженный, нисколько не жалѣя, что засидѣлся. Я съ нимъ говорилъ такъ, какъ будто былъ давно знакомъ и привязался къ нему всѣмъ сердцемъ... Мы съ нимъ условились видѣться какъ можно чаще.“

Съ первыхъ же свиданій Кулишъ совершенно околдовалъ своего новаго знакомаго душевными бесѣдами о Малороссіи и знаніемъ народныхъ пѣсенъ и обычаевъ¹⁾. Вскорѣ онъ снабдилъ его лѣтописью Грабянки и другими столь же драгоценными для обоихъ рукописями и книгами. Замѣтивъ въ юношѣ горячій энтузіазмъ ко всему, что касалось ихъ возлюбленной родины, Кулишъ вознамѣрился отклонить его отъ избранныхъ имъ юридическихъ наукъ на путь изученія исторіи и литературы, желая вовлечь его въ литературную дѣятельность. Вскорѣ молодые люди сблизились настолько, что Бѣлозерскій, уже заочно познакомившій Кулиша съ своимъ семействомъ, при наступленіи лѣт-

¹⁾ Въ свою очередь Бѣлозерскій также полюбился Кулишу, который писалъ о немъ П. Е. Чуйкевичу: «Вася былъ для меня избраннѣйшимъ сосудомъ, въ который я полагалъ самыя дорогія и тайныя свои чувства» («Кіевск Стар.», 1899, 14, стр. 357).

нихъ каникулъ, предложилъ ему поѣхать вмѣстѣ въ свое имѣніе Мотроновку (борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи).

Страсть ко всему малороссійскому была наслѣдственной въ семьѣ Бѣлозерскихъ. Ею въ высшей степени отличался отецъ семейства Михаилъ Васильевичъ, служившій по выборамъ въ Малороссіи комиссаромъ, повѣтовымъ судьей и маршаломъ дворянства. Обязанный говорить въ официальныхъ сношеніяхъ съ административными лицами по-русски, — въ бесѣдахъ съ сосѣдями и крестьянами онъ постоянно пользовался малороссійскимъ нарѣчіемъ, любилъ пѣть народныя пѣсни и играть на гусяхъ¹⁾. Ко времени пріѣзда Кулиша въ Мотроновку его уже не было въ живыхъ, но пламенная любовь къ малороссійскимъ нравамъ и обычаямъ отличала также сестру его, Елену Васильевну, и жену, Матрону Васильевну²⁾, такъ что всѣ семейныя преданія согласно тянули въ одну сторону³⁾.

Въ этой народолюбивой сферѣ Кулишъ, уже становившійся тогда извѣстнымъ своими горячими украинскими симпатіями, явился не какъ гость одного изъ членовъ семьи, а какъ общій желанный другъ и собесѣдникъ. Сближеніе, конечно, не замед-

1) По словамъ письма П. А. Кулиша къ львовскому профессору Огоновскому, желавшему получить отъ него біографическія свѣдѣнія о его женѣ, хотя Михаилъ Бѣлозерскій былъ хорошаго происхожденія и учился въ кievской духовной академіи, но по рѣчи и привычкамъ былъ близокъ къ народу. Онъ былъ почитателемъ Вольтера, къ большому неудовольствію своего отца, который въ гнѣвѣ прокололъ глаза въ портретъ при книгѣ сочиненій Вольтера, находившейся у его сына⁴⁾. Говорятъ, что онъ былъ такой мастеръ рассказывать, что для того, чтобы слушать его, бросали карты и танцы.

2) Последняя, по словамъ Кулиша въ письмѣ къ Огоновскому, любила малороссійскую словесность, народныя рассказы, пѣсни, обычаи и т. п., а изъ иностранныхъ авторовъ особенно восхищалась Вальтеръ Скоттомъ.

3) Воспитательница невѣсты Кулиша въ сельскомъ пансіонѣ также любила малороссійскія пѣсни Котляревскаго, Гулака-Артемовскаго и поэта Викторъ Ник. Забѣлло.

лило послѣдовать, чему особенно способствовало то, что, играя на флейтѣ и скрипкѣ, онъ любилъ пѣть малороссійскія пѣсни: „Ой сивъ пугачъ тай на могыли“, „Ой горе, горе, який я вдався“, „Ой ходывъ чумаць симъ лить на Донъ“ и множество другихъ пѣсенъ, веселыхъ и грустныхъ. При немъ всегда находился большой сборникъ пѣсенъ, которыя любила пѣть его мать. Время проходило оживленно и пріятно; всѣ наслаждались отъ души. Кулишъ очень понравился матери и сестрамъ Бѣлозерскаго и потомъ вскорѣ сошелся съ старшимъ братомъ Вакторомъ и съ ихъ дядей Николаемъ Даниловичемъ, котораго всѣ они очень уважали. Съ ними обоими онъ велъ потомъ дружескую переписку, а съ Василиемъ Бѣлозерскимъ скоро сдѣлался почти неразлученъ. Вникая въ дальнѣйшія отношенія Кулиша въ семейству Бѣлозерскихъ, мы убѣждаемся, въ особенности на основаніи недавно ¹⁾ изданной переписки его съ И. Ф. Хильчевскимъ, что въ сущности здѣсь мы имѣемъ дѣло гораздо больше съ отвлеченнымъ духовнымъ союзомъ, обусловленнымъ общностью національныхъ интересовъ и увлеченій, нежели съ горячими личными симпатіями, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ могли быть неустойчивыми или даже вовсе отсутствовать. Основой взаимнаго притяженія были постоянныя оживленныя бесѣды о равно всѣхъ интересовавшихъ предметахъ, на почвѣ которыхъ не разъ возникали даже широкіе политическіе планы и предположенія. У всѣхъ Бѣлозерскихъ съ Кулишемъ была общая жилка—всѣ въ большей или меньшей мѣрѣ имѣли непреодолимое влеченіе къ малорусской словесности, этнографіи и археологіи; подобно Кулишу, эта семья тяготѣла ко всему, въ чемъ сказывается пульсъ народной жизни, и дорожила живыми отголосками родной старины. Этимъ вполне объясняется и легкая для нихъ въ годы молодости возможность увлеченія въ области политическихъ утопій, а также не всегда согласныхъ, при идейной солидарности, родственныхъ отношеній. По болѣзни Кулишъ легко поддавался хандрѣ при самомъ началѣ сближенія съ Василиемъ Бѣлозер-

¹⁾ «Кіевская Старина», 1898, I, стр. 84—149.

скимъ, но его развлекали посѣщенія новаго друга. На пасхѣ 1844 г. онъ писалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „На меня напала давняя моя нелюдимость; не хочется нигдѣ быть; бываю счастливъ, если голова и душа сильно дѣйствуютъ, но едва дѣятельность меня оставляетъ, является скука самая мучительная. Утѣшаетъ меня только одна благочестивая бесѣда съ вашимъ дорогимъ Васею. Онъ часто меня оживляетъ. Очень часто теперь видимся, читаемъ вмѣстѣ Слово Божіе, трактуемъ, замышляемъ многое въ будущемъ; дай Богъ всему доброму исполниться“. И тутъ же сообщается дальше объ отправкѣ въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ статьи „Поѣздка въ Малороссію“ и о полученіи отъ одного изъ знакомыхъ дневника его прадѣда, генеральнаго хорунжаго, въ которомъ „все записано кратко, но зато упоминается о всякой домашней мелочи“, благодаря чему Кулишъ надѣялся „ознакомиться получше съ бытомъ малороссійскихъ пановъ во времена Петра Великаго“. Въ то же время Кулишъ зачитывался Литовскимъ Статутомъ съ цѣлью опредѣлить состояніе малороссійскаго или, лучше сказать, древнерусскаго языка до того времени, когда онъ началъ ополячиваться“. Погрузившись такимъ образомъ съ головой въ изученіе Украйны, Кулишъ искалъ полнаго кабинетнаго уединенія, освѣжаемаго бесѣдами по душѣ съ избранными людьми. „Люблю“—говорилъ онъ—„только такія собранія, гдѣ сойдутся три-четыре человѣка, связанныхъ или любовью родственной, или любовью къ наукѣ и добродѣтели“.

Между тѣмъ кругъ друзей, малороссійскихъ патріотовъ, постепенно расширялся; вскорѣ Кулишъ подружился еще съ Г. Т. Мизко и В. Н. Волкъ-Карачевскимъ. Молодой ученый жилъ тогда мечтами молодости и то составлялъ проекты поѣздокъ къ друзьямъ и путешествій,—причемъ всегда имѣлась въ виду возможность предаваться на свободѣ излюбленнымъ бесѣдамъ или наблюдать и изучать нравы,—то замышлялъ новый планъ жизни съ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности. Благодаря его просьбамъ, Юзефовичъ назначилъ его (въ 1845 г. на мѣсто Костомарова) учителемъ гимназіи въ Ровно, преду-

предвѣ о невыносимой тамошней скукѣ. „Правду вы говорили“—писалъ вскорѣ Кулишъ своему покровителю,—„что не пройдетъ и мѣсяца, какъ я возопію къ вамъ о переводѣ меня въ Кіевъ. Здѣсь мнѣ такая тоска, что я почти боленъ. Если только представится какая-нибудь возможность, ради Бога, переведите меня въ Кіевъ. Я готовъ даже читать словесность, хотя словесность гораздо труднѣе читать въ гимназіи, чѣмъ исторію. Кіевъ теперь еще привлекательнѣе для меня, потому что тамъ Костомаровъ, котораго общество для меня такъ много значитъ“ 1). Въмѣсто Кіева, однако, судьба перенесла Кулиша въ Петербургъ, чѣмъ онъ былъ обязанъ Плетневу.

Знакомство съ Плетневымъ было въ высшей степени благодарительно для Кулиша. Работая надъ „Черной Радой“, Кулишъ стремился знакомить съ своимъ трудомъ настоящихъ цѣнителей. Поэтому въ августѣ 1843 года, отправившись въ поѣздку по Кіевской губерніи, онъ заѣхалъ къ извѣстному польскому писателю Грабовскому, представился ему и такъ полюбился, что тотъ удержалъ его на нѣсколько времени, предложилъ въ его услугамъ даже деньги для напечатанія „Черной Рады“ и „Орыси“ 2). Тутъ же онъ перевелъ одну часть „Дядювъ“ подъ заглавіемъ „Любовь за громомъ“ и подписалъ подъ переводомъ слова: „переводилъ я подъ вліяніемъ страданій, похожихъ на страданія Густава“ 3). Значеніе этихъ словъ разъяснится намъ въ слѣдующей главѣ.

Въ Кулишѣ Грабовскій видѣлъ талантливаго и мыслящаго человѣка, подававшаго большія надежды. Изъ устъ его онъ охотно и даже съ увлеченіемъ, иногда долго засиживаясь съ ними по

1) «Кіевская Старина», 1899, II, 202.

2) Грабовскій даже говорилъ Кулишу, что онъ «первыя постигъ элементы души запорожской и что со временемъ напишетъ что-нибудь равное «Веверлею» и «Шуртанамъ».

3) Густавъ—дѣйствующее лицо въ этой части, выражающее любовь къ дѣвушкѣ—чистой и экзальтированную въ высшей степени.

ночамъ, слушалъ народныя малороссійскія легенды, рассказы про гайдамаковъ и многое другое изъ сокровищъ народной поэзіи, которыми овладѣлъ Кулишъ въ студенческіе годы ¹⁾). Съ своей стороны Грабовскій замѣчательно умѣлъ дѣйствовать на подъемъ духа своего молодого друга и всячески старался помогать ему, разыскивая и доставляя ему разныя свѣдѣнія. Нѣкоторыя выдержки изъ его поэмъ онъ посылалъ для напечатанія Крашевскому въ его „Ateneum“, но Крашевскій не помѣстилъ ихъ, чтобы „nie parazić się naszej publiczności“ ²⁾. „Можетъ быть, — писалъ Кулишъ Юзефовичу о „Чорной Радѣ“ — „я бы и совсѣмъ не показалъ вамъ этого труда, предпринятаго не съ полною увѣренностію въ своихъ силахъ, но Грабовскій, которому я читалъ, превозноситъ его такими похвалами, что я начинаю вѣровать въ его достоинства“ ³⁾). Вотъ эта вѣра и внушила Кулишу мысль послать первыя пять главъ „Чорной Рады“ Плетневу, какъ лицу, достойному почета и довѣрія, какъ бывшему другу Пушкина и человѣку, извѣстному своей теплою, сердеч-

1) Впоследствии Грабовскій приходилъ въ большой восторгъ отъ сочиненій Кулиша. Однажды онъ ему писалъ: „Ja Pana kochałem zawsze jako człowieka; miałem Pana za jednego z najzdolniejszych i najrozumniejszych ludzi, jakich spotkałem u mem życia; ale wyznaje Pana że jako o pisarzu nie miałem wielkiego wyobrażenia. Dwa ostatnie tomu pańskiego zbioru wyprowadziły mnie z błędu“ („Правда“, 1868, стр. 284).

2) Объ этомъ см. также „Кіевскую Старину“, 1899, II, стр. 191—192.

3) Онъ же сблизилъ Кулиша съ библіоманомъ Свидзинскимъ, почему-то получившимъ прозваніе графа, хотя въ дѣйствительности не имѣлъ этого титула. Кулишъ, впрочемъ, не долюбивалъ или, крайней мѣрѣ, не уважалъ этого человѣка, называя его «старымъ и причудливымъ холостякомъ» и сообщая о томъ, что онъ в Костомаровѣ «допекали его, завятаго аристократа, своими демократическими нападками на бывшее польское орудованье козаками». «Pan hrabia» — говорилъ онъ — «краснѣлъ, пыгтѣлъ, называлъ козаковъ, нашихъ предковъ, наглыми хлопанами, и продолжалъ снабжать насъ рукописями в старопечатными книгами съ довѣрчивостію непостыжливой».

ной отзывчивостью. Избравъ Плетнева своимъ покровителемъ, Кулишъ рассчитывалъ на его благородство и доброту, и не ошибся. Между прочимъ Кулишъ имѣлъ въ виду здѣсь и завѣтную свою мечту о переходѣ на службу въ Петербургъ, куда онъ особенно стремился въ виду завязавшагося у него въ Мотроновкѣ неудачнаго (сначала) романа ¹⁾, чтобы отвлечь свои мысли отъ предмета страсти. Кулишъ имѣлъ въ виду также убѣдить Плетнева присылкой сочиненій въ своемъ знаніи русскаго языка ²⁾, необходимаго для полученія каѳедры въ одномъ изъ петербургскихъ средне-учебныхъ заведеній, которую желалъ завять тогда Кулишъ ³⁾. Съ тѣхъ поръ у Кулиша завязалась

¹⁾ Впослѣдствіи Кулишъ писалъ И. Ф. Хильчевскому: «Ты, братъ, не знаешь, какое важное значеніе имѣеть въ жизни моей Мотроновка».

²⁾ Вскорѣ Плетневъ ближе узналъ Кулиша, приходилъ нѣ въ сторгъ отъ прекраснаго знанія Кулишемъ поэзіи Жуковскаго и Пушкина и даже такихъ поэтовъ, о которыхъ и въ кружкѣ Плетнева никто не зналъ. Плетневъ любилъ говорить о Кулишѣ: «вотъ какъ нужно изучать русскую словесность!» («Русск. Обзорніе», 1897, III, стр. 205).

³⁾ Не имѣя университетскаго диплома, Кулишъ не могъ бы завять мѣсто учителя гимназіи, если бы лично знавшій его Юзефовичъ не рѣшился, въ виду замѣчательныхъ повнаній и талантовъ Кулиша, пренебречь формальностями. Теперь приблизительно то же предстояло сдѣлать Плетневу, который для этой цѣли и рѣшилъ опереться на литературные труды Кулиша. Мало того, по словамъ одного изъ ораторовъ на полугодовомъ поминаніи Кулиша, его шурина О. М. Бѣлозерскаго: „Плетневъ и Жуковскій устроили его отцу ради даровитаго сына сомнительное дворянство“. „Не осудимъ“,—говоритъ г. Бѣлозерскій—„а поблагодаримъ покровителей за это, памятуя слова практической мудрости Екатерины, сказавшей, что ложь позволительна, если кому-либо приноситъ пользу, и никому не причиняетъ вреда“. О покровительствѣ Плетнева Кулишу см. въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ“, т. II, стр. 404, 528, 536, 622—623 и проч. Кулишъ же заочно познакомилъ Плетнева съ Костомаровымъ (тамъ же, 635). На предостереженія Грота, что Плетневъ слишкомъ скоро предался Кулишу (стр. 632), послѣдній отвѣтилъ:

переписка съ Плетневымъ, который, съ свойственной ему про- ницательностью, по первымъ литературнымъ трудамъ уже про- видѣлъ въ Кулишѣ крупную литературную силу и, подобно- тому, какъ раньше Юзефовичъ, подалъ ему руку для возвыше- нія по лѣстницѣ учено-литературнаго прогресса, предоставивъ ему одновременно два мѣста: учителя V петербургской гимна- зіи (Плетневъ исполнялъ тогда должность попечителя округа) и преподавателя русскаго языка студентамъ-иностранцамъ въ уни- верситетѣ. Плетневъ полюбилъ Кулиша, какъ родного сына. Вспоминая о благодареніяхъ и задушевномъ обращеніи съ нимъ Плетнева, Кулишъ говорилъ: „Благодаря пристрастію дилеттанта бюрократіи, нѣкогда дуэлиста-маіора“ (т. е. Юзефовича), „я посланъ былъ на мѣсто Костомарова въ Ровно изъ учителей трехкласснаго дворянскаго училища; подобное же пристрастіе одного изъ столичныхъ администраторовъ, Петра Александров- ляча Плетнева, недѣли черезъ три перенесло меня въ сто- лицу“ ¹⁾. Впослѣдствіи Кулишъ не мало сожалѣлъ о томъ, что не вполне умѣлъ цѣнить чудную личность Плетнева, потому что полной его любви и уваженію къ послѣднему отчасти мѣ- шало нѣкоторое недовольство его невнаніемъ Плетневымъ мало- россійскаго языка и отсутствіе въ немъ горячаго увлеченія Малороссіей, котораго нельзя было и требовать отъ старика- великоросса, но которое въ глазахъ энтузіаста Украины явля- лось обязательнымъ въ человѣкѣ, идеальномъ въ другихъ отно- шеніяхъ. Въ свою очередь, и Плетневъ не могъ раздѣлять восторговъ Кулиша и не сочувствовалъ нѣкоторой исключитель- ности его симпатій, хотя вообще высоко цѣнилъ его, отозвав- шись о немъ такъ въ одномъ изъ писемъ къ Я. К. Гроту: „милый молодой человѣкъ, интересный и наружною, и чисто- той души и умомъ“ ²⁾. Черезъ Плетнева сблизился Кулишъ и

„Кулишъ молодой человѣкъ высокихъ нравственныхъ и религіозныхъ правилъ“ (635 стр.) и что онъ „высокій образецъ чувствованій и дѣлъ“ (стр. 753).

1) „Новь“, 1885, № 13, стр. 62.

2) «Переписка Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 623.

со многими другими замѣчательными и достойными личностями: съ Ишимовой, извѣстной издательницей „Здѣзочки“, съ братьями Гротъ ¹⁾ и Нордштремами.

VIII.

Исторію любви Кулиша къ его будущей женѣ В. М. Бѣлозерскій передавалъ намъ въ слѣдующемъ разсказѣ.

„Въ первое же лѣто (1843 г.) мы вмѣстѣ побѣжали изъ Кіева въ нашъ хуторъ Мотроновку. Здѣсь онъ познакомился съ моей матерью и сестрой Александрой; матери онъ очень полюбился; сестра была имъ очарована: онъ страстно въ нее влюбился. Они оба признались мнѣ въ своихъ чувствахъ, но сестра (ей было только 15 лѣтъ), воспитанная подъ внимательнымъ надзоромъ матери, какъ ея любимица, не помышлявшая даже о возможности чувствовать и мыслить безъ ея вѣдома, не говорила ей, однако жъ, о своихъ чувствахъ и старалась быть сдержанной съ Кулишомъ. Онъ, страстный и нетерпѣливый, хотѣлъ непременно добиться ея признанія, но не могъ, и когда выѣз-

¹⁾ Яковомъ и Константиномъ Карловичами. О Я. К. Гротѣ Кулишъ отзывался такъ: «Онъ такъ-же молчаливъ, какъ и Петръ Александровичъ, но зато каждое его слово имѣетъ значеніе, и ни одно не сказано праздно. Этотъ человекъ не столько удивляетъ меня своими филологическими и другими способностями, сколько правильностью жизни и подчиненіемъ всего себя законамъ разума». Изъ сужденій Грота приводится между прочимъ слѣдующее: «Гротъ замѣтилъ, что идти въ монастырь непростительно, потому что назначеніе человека не въ томъ состоитъ, чтобы молиться только Богу; лучшая молитва, говоритъ онъ, заключается въ нашихъ дѣлахъ». Но религіозный Кулишъ замѣчаетъ: «Нѣтъ, господа, гордо вы мудрствуете, и душа моя невольно отъ васъ отстраняется». Впрочемъ позднѣе самъ Кулишъ высказывался, и весьма энергично, въ томъ же смыслѣ, какъ и Гротъ, противъ монастырей, сильно осуждая даже пушкинскаго Пимена. (См. его письмо къ Галагану въ «Кіевской Старинѣ», 1899, IX, 345—346).

жалъ отъ насъ, по порученію губернатора Фундуклея для путешествія по кievской губерніи, просилъ ее принять его портретъ на память, но она отказалась, и онъ, выѣхавъ отъ насъ, за воротами изломалъ его и бросилъ въ канаву.

„Слѣдующій годъ мы провели въ Кіевѣ, и Кулишъ довольствовался краткими свѣдѣніями, которыя сообщались мнѣ сестрою въ письмахъ, и не разъ говорилъ о томъ, что старается ее забыть. Когда наступило время вакацій, онъ не поѣхалъ къ намъ, но прошло немного времени—и онъ неожиданно вдругъ явился. Помню, это поставило меня въ большое затрудненіе; я чувствовала, что должно произойти что-то рѣшительное. И дѣйствительно, произошло. Сестра, зная, что мать очень любитъ Кулиша, но несогласна на ея замужество съ нимъ, какъ съ человѣкомъ бѣднымъ и безъ опредѣленнаго положенія, стала отъ него сторониться; это доводило его до крайняго нетерпѣнія, и наконецъ онъ рѣшился прямо объясниться съ матерью, попросивъ дать ему свиданіе наединѣ. Мать согласилась, по моему совѣту. Это свиданіе происходило въ нашемъ старомъ домѣ, которымъ впоследствии владѣла сестра и который сгорѣлъ въ 1890 году. Свиданіе происходило въ такъ называемой столовой, дверь изъ которой вела въ дѣтскую, гдѣ мы съ сестрой юмѣстились въ трепетномъ ожиданіи. Дверь была заперта, но мы все слышали. П. А. обратился къ матери съ упрекомъ за то, что она мѣшаетъ его сближенію съ А. М. „Нисколько“, отвѣчала мать: „она совершенно свободна, и сама не желаетъ сближенія“.—„Какъ не желаетъ?! она меня любитъ!“—„Позвольте мнѣ объ этомъ лучше знать!“—отвѣчала мать съ раздраженіемъ.—„Она это вамъ говорила?“ спросила съ насмѣшкой мать. Кулишъ былъ поставленъ въ затрудненіе, но отвѣчалъ, что хотя не говорила, но онъ въ томъ увѣренъ.—„Какая самоувѣренность!“ насмѣшливо замѣтила мать, и зная, что мы находимся въ сосѣднихъ комнатахъ, громко позвала: „Саша! Саша!“ Для сестры наступила рѣшительная минута; она вышла на зовъ матери.—„Саша, Пантелеймонъ Александровичъ говоритъ, что ты его любишь“.—„Да, я люблю Пантелеймона

Александровича", отвѣчала сестра твердымъ голосомъ. „Я этого не знала"! отвѣчала мать и сказала, обращаясь къ Кулишу, что она не выдастъ за него дочери, и тутъ же съ нимъ простилась. Что тогда произошло въ домѣ, трудно разсказать. Кулишъ вышелъ во флигель, въ которомъ мы съ нимъ жили. Мать и сестра молчали; я бросился за П. А. и увидалъ его на кровати съ головой, уткнутой въ подушку, и страшно, спазматически рыдающимъ. На другой день онъ уѣхалъ. Сестра, оставшись съ матерью наединѣ, сказала: „вамъ не угодно, чтобы я вышла за П. А.; я изъ вашей воли не выйду, но никто другой не будетъ моимъ мужемъ".—И это говоритъ барышня! Стыдись, Саша"! отвѣтила мать. Но Саша, 16 лѣтняя дѣвушка, выросла выше своихъ лѣтъ; любовь ее преобразила. И цѣлую ночь мать прислушивалась у дверей къ громкимъ рыданіямъ дочери".

IX.

Такимъ образомъ сердечный романъ на время пріостановился. По переѣздѣ Кулиша въ Петербургъ, онъ первое время былъ всецѣло занятъ, кромѣ своихъ учено-литературныхъ дѣлъ, своими отношеніями къ Плетневу и лицамъ, его окружающимъ. Впослѣдствіи, въ одномъ письмѣ къ И. Ф. Хильчевскому, Кулишъ сказалъ: „Годъ и мѣсяцъ холостой моей жизни передъ 1847 годомъ я прожилъ семьяниномъ между семьей Плетнева" ¹⁾. Въ своихъ ожиданіяхъ отъ представителей столичной печати онъ очень скоро разочаровался. „Современная наша

¹⁾ „Кіевская Старина", 1898, I, стр. 121.—Плетневъ проповѣдывалъ ему одну идею, важную для всякаго талантливаго человѣка, — о необходимости искать такихъ людей, которые въ какомъ-нибудь отношеніи могутъ быть образцами и наставникамъ. Въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ" постоянно встрѣчаемъ упоминанія о томъ, что Кулишъ часто проводилъ время и обѣдалъ у Плетнева.

литература“, писалъ онъ Юзефовичу— „представляетъ печальное зрѣлище. Представителями ея, кромѣ немногихъ истинныхъ жрецовъ поэзіи, все народъ развратный,—другимъ словомъ я не могу опредѣлить этого коммерческаго духа, которымъ давно заражены старыя и молодыя сердца“. Въ концѣ концовъ цвѣтомъ петербургской интеллигенціи Кулишъ доволенъ не больше, нежели кievской. „Молчаливый зритель всѣхъ этихъ грустныхъ явленій“—продолжаетъ онъ,— „я здѣсь заключаюся самъ въ себѣ глубже, нежели въ Кіевѣ, и благодарю Бога, что я не раньше попался въ этотъ хаосъ“.

Повторяется все то-же, что было въ Кіевѣ: такой же дѣятельный трудъ, то же недовольство другими и желаніе трудиться иначе, по новому, разумному плану, и наконецъ снова громко и сильно проявляетъ себя потребность женской любви. Мало-по-малу начинаетъ на себя обращать вниманіе Кулиша единственная дочь Плетнева, Ольга Петровна. О первой встрѣчѣ съ Ольгой Петровной Кулишъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Пріѣзжаю къ Петру Александровичу на вечеръ и застаю двухъ дѣвушекъ, танцующихъ въ сарафанахъ. Одна изъ нихъ была О. П. Въ сарафанѣ она показалась мнѣ совершеннолѣтнею и чрезвычайно привлекательною. Вчера я случайно завелъ съ ней разговоръ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, хорошо образованномъ и свѣтскомъ. Ея отзывъ о немъ удивилъ меня своею солидностью и показалъ въ ней умъ, достойный прекраснаго чела, какимъ природа ее надѣлила. Сегодня новое впечатлѣніе оживило въ моей душѣ вчерашнее, а къ тому прибавилось еще одно обстоятельство: она обыкновенно ведетъ себя по-дѣтски“.— „Сегодня“—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ подъ 3 января 1846 года, „сидя насупротивъ меня за столомъ, Ольга была такъ тиха и задумчива, что я назвалъ ее героиней баллады. Она мнѣ нравилась, и я почувствовалъ, что могу къ ней пристраститься. Надо вести себя какъ можно благоразумнѣе. Не смѣшно ли увѣрять себя и другихъ, что безъ той-то жить

1) „Кіевская Старина“, 1899, 11, 201 стр.
И. А. Кулишъ.

не могу! Время ото всего насъ излѣчиваетъ. Теперь Саша ¹⁾ дорога моему сердцу, какъ сестра, но и безъ нея еще возможно для меня семейное счастье. Впрочемъ, да будетъ воля Божья!“ Тѣмъ не менѣе Кулишъ, полюбивъ Плетнева, какъ отца, такъ привязался къ его дочери, что неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло, если бы однажды, когда онъ, разговорившись съ ней объ украинскіхъ думахъ, сказалъ между прочимъ: „вотъ и вы выучитесь со временемъ по-украински“, она не отвѣтила ему: „никогда“. Это слово отворожило отъ нея Кулиша.

X.

Между тѣмъ Кулишъ получилъ уроки въ только что основанной петербургской пятой гимназіи, гдѣ пока были открыты лишь младшіе классы,—обстоятельство весьма благоприятное для молодого ученаго, нуждавшагося въ свободномъ времени для своихъ литературныхъ занятій ²⁾. Тогда же Кулишъ сдѣлался лекторомъ русскаго языка въ петербургскомъ университетѣ и надѣялся получить заграничную командировку. Такимъ образомъ карьера его подвигалась съ необычной быстротою. Однажды Кулишъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „То, что обыкновенно называютъ счастьемъ, льется на меня рѣкой. Я счастливъ, но счастье мое было бы самое бѣдное, если-бы основывалось только на возвышеніи, съ котораго такъ легко ниспасть. На возвышеніе свое я смотрю, какъ на средство распространять больше добра между людьми“. Удачно устроивъ собственныя дѣла, онъ не переставалъ заботиться и о своихъ друзьяхъ и, пользуясь своей близостью къ Юзефовичу, энергично ходатайствовалъ за нихъ. Почти въ каждомъ письмѣ онъ напоминаетъ Юзефовичу о Чуйкевичѣ, Красковскомъ, Хильчев-

¹⁾ Александра Михайловна Бѣлозерская, впоследствии жена Кулиша.

²⁾ „Кіевская Старина“, 1899, II, 204.

скомъ. „Михаилъ Владиміровичъ, столь добрый для меня и столь равнодушный къ участи моихъ друзей“! писалъ Кулишъ Юзефовичу: „Услыште мою покорнѣйшую просьбу: сдѣлайте Хильчевскаго штатнымъ смотрителемъ въ Малороссіи, а Красковскому тоже какъ-нибудь поблагодѣтельствуйте“¹⁾. И наконецъ, даже такъ: „О Чуйкевичѣ, о Хильчевскомъ и о Красковскомъ до тѣхъ поръ не перестану васъ просить, пока у меня будетъ перо или голосъ. Въ Кіевѣ я стану повторять вамъ каждыя пять минутъ свою просьбу. Я куплю попугая, выучу его кричать: „Хильчевскій, Чуйкевичъ, Красковскій“! и подарю его вамъ“²⁾. Просьбы Кулиша дѣйствительно имѣли поразительный успѣхъ. О Костомаровѣ онъ пишетъ: „Я очень радъ, что Костомаровъ будетъ въ числѣ вашихъ университетскихъ оракуловъ. По крайней мѣрѣ, теперь вы будете имѣть въ словесномъ отдѣленіи хоть одного профессора не ремесленника. Это душа благороднѣйшая, руководимая чистѣйшими побужденіями, и если только хотя нѣсколько студентовъ уразумѣютъ его и пойдутъ его дорогою, благо имъ будетъ!.. Онъ много сдѣлаетъ для вашего университета“³⁾. На мѣсто же Костомарова Кулишъ уже прочитъ въ первую кіевскую гимназію В. М. Бѣлозерскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ: „между тѣмъ вы можете сдѣлать министру представленіе объ отправленіи его за границу для изученія славянскихъ языковъ. Теперь это самое горячее желаніе моего сердца. Прошу васъ, и да будетъ моя просьба стоить тысячи“⁴⁾. А между тѣмъ въ то же время и съ той же просьбой Кулишъ обращался и къ Шлетневу. Здѣсь, однако, надо замѣтить, что сначала, еще не будучи увѣренъ въ успѣхъ своей просьбы за Бѣлозерскаго, Кулишъ намѣтилъ было себѣ въ спутники заграничной поѣздки Чуйкевича, который—говорилъ онъ—будетъ весьма полезенъ, какъ

1) „Кіевская Старина“, 1899, III, 304.

2) Тамъ же, стр. 310.

3) Тамъ же, стр. 309.

4) „Кіевская Старина“, 1899, III, стр. 306.

переписчикъ и исполнитель всякихъ надобностей, на что онъ охотно соглашается¹⁾. Кулишъ просилъ даже исходатайствовать ему бесплатный выѣздъ за границу, а когда Чуйкевичъ былъ въ проектѣ замѣненъ Бѣлозерскимъ, то Кулишъ просилъ перевести его учителемъ въ Бѣлую Церковь²⁾.

Въ это время уже образовалось въ Кіевѣ „Кирилло-Мееодіевское братство принимавшее въ число членовъ людей безукоризненной репутаціи и отнюдь не допускавшее извѣстнаго іезуитскаго девиза. Завѣтная мечта братства заключалась въ объединеніи славянъ въ свободномъ союзѣ подъ протекторатомъ русскаго императора и въ улучшеніи быта и заботы о просвѣщеніи крестьянъ. Эмблемой общества служилъ чугунный перстень съ вырѣзанными на немъ именами святыхъ первоучителей славянства. (Кулишъ былъ противъ этого вѣшняго знака, но другіе члены сильно стояли за него). Дѣйствовать рѣшено было словомъ изустнымъ и печатнымъ.

XI.

24 января 1847 года совершилось знаменательное событіе въ жизни Кулиша: онъ женился на сестрѣ Василя Бѣлозерскаго, Александрѣ Михайловнѣ, получившей впоследствии въ украинской литературѣ почетную извѣстность подъ именемъ Гавяи Барвинокъ. Это была тогда еще совершенно юная дѣвушка, первоначально обратившая на себя вниманіе своего будущаго мужа вовсе не тѣми качествами, которыя онъ такъ высоко цѣнилъ въ ней впоследствии. Молодой литераторъ, въ воображеніи котораго рисовалась блестящая ученая карьера, для чего при его богатыхъ дарованіяхъ у него были несомнѣн-

¹⁾ Тамъ же, стр. 305.

²⁾ Вслѣдъ за этими лицами предполагалось выписать Шевченка для усовершенствованія его таланта въ живописи, и друзья просили его только хлопотать о паспортѣ, а о деньгахъ не заботиться.

ныя данныя, встрѣчаясь съ молодой дѣвушкой, чувствовалъ живое обаяніе отъ ея восторженной и чистой натуры; но, отдавая себѣ наединѣ отчетъ въ зарождавшейся въ его душѣ нѣжной симпатіи, онъ сначала старался всѣми силами противостоятъ своему влеченію въ виду недостаточности средствъ и страха за осуществленіе своихъ завѣтныхъ научныхъ стремленій, которыми онъ рѣшился посвятить всю свою жизнь. Въ то время его петербургскіе друзья, корифей учено-литературнаго міра, возлагали уже на него широкія надежды и побуждали его къ усиленной научной дѣятельности, а самъ онъ былъ, въ свою очередь, воодушевленъ свойственнымъ его страстной натурѣ пламеннымъ желаніемъ работать надъ усовершенствованіемъ своихъ познаній и, вообще, своей внутренней личности. Учено-литературные труды увлекали его, и въ головѣ его создавались все новые планы. Онъ работалъ тогда надъ „Черной Радой“ и отдавалъ этой работѣ значительную часть времени, а примѣръ его друга Шевченка окрылялъ его надеждой осуществить свою завѣтную мечту—создать самостоятельную украинскую литературу и высоко поднять національное знамя, и украинскій языкъ возвести на степень литературнаго. Кулишъ съ жаромъ отдавался избранному призванію и неуспинно стремился дѣйствовать на одномъ полприщѣ съ своими друзьями, въ числѣ которыхъ, кромѣ названнаго украинскаго поэта и Костомарова, наиболѣе видное мѣсто занимали Бодянскій, Метлинскій и другіе. Можно сказать, что онъ совершенно жилъ тогда своими малоросійскими симпатіями, и насколько горячо любилъ, напримѣръ, Костомарова, на столько же относился отрицательно къ Срезневскому и Юзефовичу ¹⁾, несмотря на чувство благодарности къ послѣднему и на хорошія личныя отношенія. „Лѣтопись Самовидца“, имъ найденная и напечатанная, „Исторія Священника“, Плиска, лѣтопись Грабянки, „Исторія Руссовъ“—вотъ чтó привлекало тогда къ себѣ всѣ его явте-

¹⁾ Впрочемъ отношенія Кулиша къ Юзефовичу всегда были довольно загадочныя.

ресы, да къ тому же онъ задумалъ еще изданіе собственнаго украинскаго альманаха и мечталъ даже о романѣ на малоросійскомъ нарѣчїи. „Странно думать“, говорилъ онъ, „что народъ, такъ дѣятельно участвовавшій въ событіяхъ рода человѣческаго, не въ состояніи былъ бы разсказать о своей жизни въ историческомъ романѣ“¹⁾. И вотъ у него въ портфель имѣющей возникнуть редакціи находились уже новыя стихотворенія и статьи Шевченка, Могилы (Метлинскаго), Іеремїи Галки (Костомарова). Эта дружная горсть людей, вся исполненная надеждъ, воодушевленная сознаніемъ разумности и высокой справедливости своихъ чистыхъ и благородныхъ стремленій, вся такъ и кипѣла жаждой завѣтной дѣятельности. Единодушіе этихъ людей было замѣчательное: передъ нами не случайный подборъ случайныхъ сотрудниковъ, но тѣсная корпорація, проникнутая одной общей и всѣмъ имъ дорогой идеей. Русская жизнь не много представляетъ примѣровъ такого идейнаго союза, гдѣ бы каждый членъ вполне подчинялъ соображенія личнаго успѣха интересамъ общаго дѣла, какъ это выразилось во многихъ мѣстахъ переписки Кулиша, между прочимъ хотя бы въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ писемъ его къ Бодянскому: „Шевченко теперъ въ Кїевѣ. Служить при архивной комиссіи; получаетъ 1000 р. жалованья. Этому нужно радоваться, потому что Комиссія посылаетъ его безпрестанно въ разныя мѣста Южной Россїи для снѣтія старинныхъ памятниковъ, а это должно современемъ доставить ему Шекспировское знаніе людей и обычаевъ“²⁾. Какъ здѣсь каждое слово дышитъ любовью, горячимъ сочувствіемъ и радостной надеждой на личные успѣхи прїятеля и на успѣхи общаго дорогаго дѣла! Самъ Кулишъ, только-что успѣвъ приготовить къ печати „Лѣтопись Самовидца“, уже посылаетъ Бодянскому составленную для дѣтей исторію Малороссїи, предпринятую въ сущности съ

¹⁾ «Кїевская Старина», 1897, IX, стр. 399 и «Русскій Архивъ», 1892, XI, стр. 293.

²⁾ Тамъ же.

тайной мыслью въ краткомъ и наименѣе отвѣтственномъ изложеніи затронуть интересующіе его вопросы, чтобы „предложить знатокамъ нашей исторіи нѣсколько мыслей, извлеченныхъ изъ изученія источниковъ историческихъ и самого украинскаго народа, чтобы окончателно рѣшить нѣкоторые вопросы, опредѣляющіе значеніе украинцевъ въ нравственной дѣятельности славянскаго міра“. Ему хочется, чтобы его трудъ „имѣлъ дѣйствіе камня, брошеннаго на неподвижную поверхность воды“¹⁾.

Между тѣмъ по рекомендаціи Плетнева, С.-Петербургскій университетъ, нуждавшійся, послѣ смерти Прейса, въ ученое славистѣ, и Академія наукъ успѣли уже оцѣнить этого украинскаго Иссарова, а послѣдняя рѣшила послать его за границу для усовершенствованія въ славянскихъ языкахъ²⁾. Въ ожиданіи почетной командировки, Кулишъ, съ упоеніемъ энтузіаста, утопаетъ въ архивахъ, но онъ менѣе всего могъ бы напомнить всей своей, тогдашней и послѣдующей, исполненной кипучей страсти, дѣятельностью сухого кабинетнаго отшельника. Письма Кулиша этого времени живо показываютъ, какъ его мысли и чувства были поглощены всѣмъ, касающимся Украины, и какъ его занимали украинскіе сборники, альманахи и другія изданія, не говоря уже о лѣтописяхъ; какъ, наконецъ, его интересовали большіе и малые дѣятели на поприщѣ изученія Украины: Максимовичъ, Бантышъ-Каменскій, Шевченко, Квитка, Стороженко, Срезневскій. Однимъ словомъ, украинскія увлеченія Кулиша были въ полномъ ходу и энтузіазмъ его достигалъ самаго высокаго градуса.

Въ это-то время, какъ мы знаемъ, въ семействѣ, относившемся съ такимъ же пыломъ къ прошлому и настоящему Украины, сочувственное вниманіе Кулиша обращаютъ на себя пре-

1) „Русскій Архивъ“, 1892, XI, 294 и „Кіевская Старина“, 1897, IX, 400.

2) „Русскій Архивъ“, 1892, XI, стр. 293. „Кіевская Старина“ 1897, IX, 401. См. также въ „Черепискѣ Грота съ Плетневымъ“, II, 813 и проч. особенно 949.

имущественно Василий Михайлович Бѣлозерскій, получившій отъ него символическое прозваніе Ивана Коновченка и „ангелоподобнаго Васи“, и его сестра, будущая невѣста нашего украинскаго патріота. Въ душѣ послѣдней, въ свою очередь, зрѣла и крѣпла симпатія къ нему, но, замѣтивъ въ ней жилку домоводства, онъ даетъ ей шутовское прозвище „Хозяйственныя способности“. Въ своемъ дневникѣ отъ 20 августа 1847 г. онъ пишетъ: „кто узналъ любовь болѣе достойную человѣка, тотъ уже не придастъ столько цѣны любви женской“, и „я не смѣю рѣшиться на бракъ, который, поглотивъ всѣ мои доходы, лишитъ меня возможности располагать ими для цѣлей благороднѣйшихъ“. Но не такова была дѣятельность и жезнерадостная натура Кулиша, чтобы остановиться передъ призракѣмъ препятствій, хотя его отчасти, можетъ быть, и пугало, что для женитбы онъ долженъ будетъ отказаться отъ литературныхъ замысловъ и предпріятій, которые составляли отраду всей его жизни. „Вмѣсто изданія народныхъ пѣсенъ, лѣтописей, антиковъ, буду“, продолжалъ онъ, „заботиться о домашнихъ потребностяхъ“. Въ то же самое время ему „пріятно было жить въ пріязни между людьми въ хуторскомъ затишьѣ, и сколько было въ сердцѣ отмѣрено чувства для любви къ матери, которой цѣну онъ узналъ только по ея смерти, сколько дано ему было отъ природы способности любить сестру, которой у него не было, столько онъ принесъ въ жертву этимъ двумъ женщинамъ, т. е. Хозяйственнымъ Способностямъ и ея матери“. Чтобы оцѣнить вполнѣ колебанія Кулиша, укажемъ также выраженіе, встрѣтившееся въ одномъ изъ его писемъ къ Бодянскому: „Вступивъ въ храмъ исторической правды, я чувствую въ душѣ такое благоговѣніе, что совершенно забываю о своей личности“ ¹⁾. Посылая Бодянскому рукопись „Черной Рады“, онъ писалъ: „вѣряю вамъ мое сокровище съ такимъ чувствомъ, съ какимъ мать передаетъ свое дитя мужу. Знаю, что оцѣните его

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1897, IX, 400; „Русскій Архивъ“, 1892, XI, стр. 295.

по достоинству, сбережете и въ дѣло употребите какъ нельзя лучше" 1). Но страсть къ наукѣ и страсть къ женщинѣ не всегда исключаютъ другъ друга, и наконецъ Кулишъ однажды сообщилъ тому же Бодянскому: „люблю вже я давно одну гарну дивчину на Украини. Знаю добре, що никого, опричь її, не визьму за себе, вернувшись изъ нѣмеччини. Дакъ щобъ її не було у столыци якось моторошно, що, бачыте, не зна языквивъ, беру зъ собою за гряницю. А въ її и грошенята йе,— буде за що жыты у Нѣмеччини. И братъ її йиде зъ нами. Не судите жь мене и не корите за се. Безъ сердца я бь ничего въ свити не врадывъ: така моя натура" 2). Такъ разрѣшились мучительныя колебанія, но ни передъ свадьбой, ни въ такъ называемый медовый мѣсяць, Кулишъ не разставался съ своими обычными занятіями, а равно и съ своими украинскими друзьями, какъ живыми, такъ и мертвыми, но неотлучно жившими въ его воображеніи; переписываясь съ Костомаровымъ, онъ, напр., горячо убѣждалъ его въ тождественности „Исторіи презѣльной брани“ съ лѣтописью Грабянки; въ письмахъ къ Бодянскому убѣдительно умоляетъ „освободить изъ подъ лапы“ цензора Никитенка вычеркнутыя имъ мѣста и восстановить ихъ въ „Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей“, „пользующагося благодѣтельнымъ правомъ собственной цензуры“ (причемъ, между прочимъ, „страха ради цензорска“ въ рукописи, представленной Никитенку, въ одномъ разсказѣ имя Потемкина вездѣ было замѣнено вымышленнымъ „Верходумовъ“ 3); наконецъ рекомендуетъ Бодянскому Сердюкова, „человѣка неизвѣстнаго, но великаго знатока украинской исторіи и заохотившаго его къ критическому разбору нѣкоторыми своими замѣчаніями весьма дѣльными“ 4). Словомъ, на каждомъ письмѣ его попрежнему

1) Тамъ же, стр. 405.

2) „Кіевская Старина“, 1897, X, 35.

3) „Кіевская Старина“, 1897, X, 27 и „Русскій Архивъ“, 1892, XI, 297.

4) „Кіевская Старина“, 1892, XI, 32.

лежитъ печать полнѣйшаго погруженія въ интересы украинской исторіи, для которыхъ предпринималась поѣздка въ Москву и предполагались сношенія съ харьковскими учеными по вопросу о народных пѣсняхъ, и все это почти наканунѣ свадьбы. „Если харьковцы такъ малодушны, что не рѣшаются передавать вамъ своихъ рукописей“—пишетъ онъ Бодянскому, „то не думаю, чтобы они были такъ низки, что не позволяютъ списать ихъ человѣку, нарочно для того пріѣхавшему“¹⁾, и особенно волнуетъ Кулиша, что „послѣ повѣстей Основьяненка, малороссіяне совсѣмъ уснули со своею литературою“²⁾.

ХІІ.

Между тѣмъ приближалось время отъѣзда за границу. По свойственной ему живости, Кулишъ не можетъ переносить официальныхъ проволочекъ. Онъ жалуется Бодянскому: „я уже двѣ недѣли свободенъ отъ своихъ должностей, но академія дѣйствуетъ чрезвычайно медленно“.³⁾ Надо было пройти рядъ формальностей. Предстоящее бракосочетаніе также не могло не вызвать нѣкоторыхъ пертурбацій въ обычномъ теченіи жизни. Прежде всего произошла важная перемена въ самомъ главномъ и коренномъ рѣшеніи, именно въ вопросѣ о времени свадьбы. Заграничная жизнь грозила продолжительной отсрочкой супружества, чего не хотѣла ни та ни другая сторона, во избѣжаніе всякихъ превратностей, что и оправдалось на судьбѣ Костомарова и его невѣсты. Рѣшено было отпраздновать свадьбу передъ отъѣздомъ, но относительно подробностей дѣла возникли несогласія, по поводу которыхъ невѣста потребовала было даже возвращенія обручальнаго кольца. Дѣло было такъ: Кулишъ настаивалъ однажды, чтобы невѣста прочла ему одно стихотвореніе Пушкина, но она не рѣшалась

¹⁾ Тамъ же стр. 28.

²⁾ Тамъ же стр. 29.

³⁾ Тамъ же, стр. 28.

читать при немъ и настойчиво отказывалась. Подъ вліяніемъ мысли о предполагаемомъ неимоверномъ упорствѣ ея характера, Кулишъ воскликнулъ: „Ахъ, я несчастный!“ Въ отвѣтъ на это невѣста сняла обручальное кольцо и, войдя въ комнату жениха въ его отсутствіе, положила на письменномъ столѣ при запискѣ: „Я никакъ не желала быть несчастьемъ другого, а тѣмъ болѣе вашимъ, и потому возвращаю кольцо, пока есть время“. Но это была минутная вспышка, на которую Кулишъ отвѣчалъ такъ: „несмотря на то, что для васъ такъ легко потребовать отъ меня кольца, я не возвращу его вамъ никогда. При всѣхъ вашихъ недостаткахъ, я васъ люблю, какъ родное дитя, и не только не отрекусь отъ васъ добровольно, но буду противостоять до послѣдней возможности всѣмъ тѣмъ, которые окружаютъ васъ туманомъ. Мнѣ жаль васъ. Вы дитя моего сердца, и я испытываю отъ васъ такія противорѣчія. Впрочемъ, не вы виноваты. Да не смущается сердце ваше. То, что я прочелъ, написала не будущая супруга Кулиша, а разсерженная дѣвочка. На дѣтей сердиться не могу, а только жалѣю о нихъ. Впрочемъ утѣшаюсь надеждой, что дѣти въ свое время будутъ взрослыми“. Но недоразумѣніе было непродолжительно и скоро улеглось. 18 января было написано названное письмо, а черезъ нѣсколько дней молодая чета стояла уже подъ вѣнцомъ.

Объ этомъ знаменательномъ событіи въ жизни Кулиша сообщимъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Передъ самой свадьбой сгорѣла кухня, и мать, выйдя во время пожара на крыльцо, простудилась и потомъ не выходила къ гостямъ, что имѣло свои неудобства и нѣкоторыми было принято, какъ несчастливое предзнаменованіе.

Незадолго до вѣнчанія пріѣхалъ Шевченко, принимавшій участіе въ церемоніи въ качествѣ шафера, и здѣсь произошло приключеніе, сначала смутившее и разстроившее многихъ, а потомъ обрадовавшее. „О пріѣздѣ Тараса Григорьевича“ — рассказываетъ Александра Михайловна Кулишъ — „непремѣнно хотѣлъ знать Николай Даниловичъ Бѣлозерскій, и мы поспѣшили его извѣстить. Онъ пріѣхалъ вечеромъ. Зная, что Шевченко не бла-

говолить къ панамъ, но издавна восхищаясь его поэтическими произведеніями, онъ вошелъ въ залъ молча и молча же подаль руку Шевченку, который только-что передъ тѣмъ пѣлъ. Николай Даниловичъ сѣлъ, а мы, желая занять гостя, приступили къ Шевченку съ просьбой что-нибудь спѣть; но Шевченко неожиданно уперся и на нѣсколько разъ повторенныя просьбы пѣть отказался. Пантелеймонъ Александровичъ въ смущеніи оставилъ его и обратился съ бесѣдой къ Николаю Даниловичу. Шевченко продолжалъ мѣрными шагами ходить изъ угла въ уголъ по залѣ, и когда мы уже совсѣмъ перестали ждать, вдругъ запѣлъ козацкую пѣсню: „Ой морозе, морозенку! Ой ты славный козаче! За тобою, Морозенку, вся Украина плаче“. Казалось, онъ никогда не пѣлъ съ такимъ совершенствомъ. Пѣсня его раздавалась по залѣ, какъ, бывало, по степи. Онъ кончилъ, и тутъ произошло нѣчто невиданное и неслыханное: Николай Даниловичъ быстро сошелъ съ мѣста, бросился къ Шевченку, обнялъ его и зарыдалъ на груди. Шевченко едва могъ его успокоить; все, что было въ душѣ обоихъ, родное, завѣтное, поднялось и обнаружилось въ этихъ слезахъ, въ этихъ объятіяхъ и рыданіяхъ. Съ этой минуты Николай Даниловичъ никогда не забывалъ его и потомъ посылалъ ему въ ссылку деньги“. О Шевченкѣ, какъ превосходномъ исполнителѣ украинскихъ пѣсенъ, восторженно воспоминалъ потомъ Кулишъ, называя его въ одномъ письмѣ къ В. В. Тарновскому сыну ¹⁾ тройнымъ поэтомъ: слова, кисти и пѣнія, причемъ, по его мнѣнію, скорѣе можно было найти въ немъ недостатки въ двухъ первыхъ отношеніяхъ, но какъ пѣвецъ, „онъ былъ совершенствомъ, и судьей надъ нимъ было само сердце“ „Ничего лучшаго“—говорить Кулишъ въ подтвержденіе—„мы не слыхали—такое покрайней мѣрѣ у насъ осталось воспоминаніе хотя бы о томъ, какъ онъ пѣлъ на нашей свадьбѣ“.

¹⁾ «Кіевская Старина», I, 1899 (январь), стр. 87.—В. В. Тарновскій отецъ, школьный товарищъ Гоголя, очень любилъ Кулиша, а также и сынъ его, скончавшійся лѣтомъ 1899 года.

Во время свадебнаго бала стѣхалось много гостей; было весело, играла музыка. Шевченко былъ въ ударѣ, шутилъ, вызывалъ изъ кадрили старшихъ сестеръ молодой и экзаменовалъ ихъ въ малороссійскомъ языкѣ. Онѣ сначала церемонились, но потомъ стали отвѣчать на вопросы бойко и удовлетворительно. Присутствующіе, удивленные тѣмъ, что, муштруя другихъ сестеръ, Шевченко все время оставлялъ въ покоѣ молодую, стали въ шутку упрекать его въ пристрастіи, на что Шевченко отвѣтилъ: „Я не экзаменую ее потому, что она будущая жена Кулиша, а онъ иначе и не женился бы, еслибы она была неспособна выдержать экзаменъ въ родномъ словѣ“. Въ тотъ же вечеръ еще до прїѣзда гостей Шевченко превосходно пѣлъ „Зирочку вечернюю“ и нарисовалъ портретъ молодой и написалъ въ альбомъ ея стихи (онъ былъ въ сѣромъ пальто и красномъ шерстяномъ шарфѣ). Отзывъ Шевченко о Ганнѣ Барвинокъ подтверждается и слѣдующими словами о ней Кулиша къ Бодянскому: „Оженившись 24 числа. Гарна и розумна дуже въ мене жинка. Знае добре нашу исторію, а песни такъ спивае (та все насъки), що ажъ сердце радуется“. ¹⁾ Дѣйствительно, будучи самъ горячимъ малороссійскимъ патріотомъ, Кулишъ, конечно, только и могъ полюбить такую же восторженную любительницу всего относящагося къ Украинѣ. ²⁾ Она знала даже всѣ народныя малороссій-

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897, X, 36.

²⁾ Это обстоятельство и было главной причиной, вслѣдствіе которой любовь къ Ганнѣ Барвинокъ вытѣснила изъ сердца Кулиша зарождавшуюся было въ его душѣ страсть къ дочери Плетвева, чѣмъ можемъ ясно видѣть на основаніи дневника Кулиша. Однако, нѣкоторое время въ его душѣ происходила борьба, и любопытно, что уже почти передъ свадьбой, сравнивая обѣихъ дѣвушекъ, онъ объяснялъ свое предпочтеніе невѣстѣ именно ея кореннымъ малороссійскимъ происхожденіемъ: „О. П. не малороссіянка, иначе, можетъ быть, она воспреобладала бы надъ моимъ сердцемъ. Я ее нѣжно люблю; но Саша, воспитанная матерью, будетъ лучшею женою“. Душевное настроеніе Кулиша передъ свадьбой было крайне неспокойно отъ множества разнообразныхъ хлопотъ и отъ столкновенія въ его душѣ раз-

скія повѣрья, и между прочимъ во время бракосочетанія очень радовалась, что восковыя свѣчи, перевязанныя пышнымъ бантомъ, горѣли ровно; свѣчи были, по народному обычаю, вложены въ стаканы, насыпанные рожью, и были поставлены передъ молодыми. По примѣтѣ выходило, что оба супруга умрутъ въ одно время. По указанной же причинѣ, т. е. въ силу пламеннаго согласія въ любви къ родинѣ, Кулишъ любилъ и мать и тетку своей невѣсты, родную сестру ея отца.

ХІІІ.

Послѣ свадьбы молодые вскорѣ двинулись за границу. Еще 26 ноября 1846 г. была получена Кулишомъ бумага о выѣздѣ за границу для путешествія по славянскимъ землямъ. Отмѣчая этотъ фактъ въ своемъ дневникѣ, Кулишъ восклицаетъ: „одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни“. Это была уже вторая бумага; первая, о назначеніи заграничной поѣздки, пришла мѣсяцемъ раньше. Кулишъ поспѣшилъ подѣлиться своей радостью съ лучшимъ другомъ и патрономъ, П. А. Плетневымъ, который былъ, въ свою очередь, очень обрадованъ и при этомъ сказалъ

народныхъ влеченій. Ему снялись тревожные сны: то та, то другая интересующая его дѣвушка, т. е. то его невѣста, то Плетнева оказывались въ сновидѣніяхъ выходящими замужъ за кого-то другого: Бѣлозерская должна была ѣхать вѣнчаться съ его пріятелемъ Чуйкевичемъ, который, подобно самому Кулишу, собирался ѣхать за границу, Плетнева же выходила замужъ неудачно и совершенно несогласно съ желаніями и принципами отца—за знатнаго и богатаго человека, безъ всякихъ личныхъ достоинствъ. Въ другой разъ Кулишъ видѣлъ во снѣ, напротивъ, Бѣлозерскую выходящую за глухаго, но богатаго человека, но онъ убѣждалъ ее отказать недостойному жениху и, заступивъ его мѣсто, рѣшилъ ѣхать съ нею за границу. Все это показываетъ, что рѣшеніе такого великаго шага, какъ бракъ, далось Кулишу не легко, и что сердечныя влеченія въ немъ сильно боролись. Отсюда происходила какая-то временная нервная надломленность, напугавшая его невѣсту.

слѣдующее небольшое напутствіе: „Помните только, что въ счастьи гораздо труднѣе сохранить благоразуміе, нежели въ несчастіи; отъ несчастья рѣдко сходятъ съ ума, а отъ счастья весьма часто. Это запишите въ своемъ дневникѣ“. Спустя нѣсколько дней Кулишъ встрѣтилъ у Плетнева молодого ученаго Вернадскаго, ¹⁾ „представившаго ему путешествіе въ самомъ привлекательномъ видѣ“. Эта встрѣча произвела на него самое отрадное впечатлѣніе; довольство его случайнаго собесѣдника своей долей не могло не сообщаться такому воспримчивому человѣку, какъ Кулишъ, притомъ уже приготовленному къ восторгамъ. „Онъ уѣхалъ худымъ и измученнымъ“—пишетъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ,—„а возвратился полнымъ силъ и свѣжести. Отъ него такъ и вѣетъ жизнью. Онъ такъ наэлектризовалъ меня радостью, что восгоргъ могъ показаться даже страннымъ. Правда, я былъ расположенъ радоваться: въ немъ я видѣлъ себя черезъ три года“.

Съ этихъ поръ для Кулиша наступаетъ непродолжительный переходный фазисъ его жизни: онъ находится въ самомъ напряженномъ оживленіи; не оставляя своихъ обычныхъ интересовъ и занятій, онъ волнуется восторженнымъ ожиданіемъ идеальной новой жизни за границей, переносится въ разговорахъ съ Вернадскимъ въ ласково манящее близкое будущее, хотя его вскорѣ же нѣсколько охлаждаетъ недостатокъ въ его новомъ пріятелѣ эстетическаго вкуса: „онъ романы Евгенія Сю“—съ досадою отмѣчаетъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ—„ставитъ во всѣхъ почти отношеніяхъ выше романовъ Вальтеръ Скотта. Вообще онъ, кажется, вездѣ хромаетъ, гдѣ дѣло касается эстетическихъ вопросовъ. Въ немъ преобладаетъ направленіе раціональное. Художественная сторона въ немъ очень слаба.“

Передъ отъѣздомъ за границу Кулишъ рѣшилъ повидаться съ нѣкоторыми знакомыми и родными и предпринять цѣльн

¹⁾ О Вернадскомъ см. въ „Перепискѣ Грота съ Плетневымъ,“ т. II, 851—859. Кулишъ такъ быстро сошелся съ Вернадскимъ, что, говоря о послѣднемъ въ письмахъ къ Гроту, онъ уже называетъ его пріателемъ Кулиша. См. также «Кіевск. Стар.», 1898, II, 187.

рядъ поѣздокъ, начиная съ Москвы, куда, какъ мы знаемъ, онъ уже раньше собирался къ Бодянскому, знакомому съ нимъ впрочемъ пока лишь заочно. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга случился забавный анекдотъ. „Все благопріятствовало“—разсказываетъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ,—„моему отъѣзду изъ Петербурга. Зная, что на почтовой станціи въ большихъ городахъ трудно сразу достать лошадей, я велѣлъ гимназическому солдату нанять вольныхъ. Но онъ привелъ мнѣ почтовыхъ. Онъ наговорилъ смотрителю, что я важный человѣкъ, что я ѣду за границу по Высочайшему повелѣнію и проч.—„Да зачѣмъ онъ ѣдетъ“? спрашивали его. „Онъ ѣдутъ“—отвѣчалъ солдатъ—„для малороссійскаго языка... отыскать отъ начала вѣковъ. Они издатели малороссійскаго языка“.—„Да гдѣ жъ онъ тамъ его отыщетъ“?—„Да ужъ онъ знаютъ—гдѣ. Велѣно отыскать отъ начала вѣковъ“.—«Послѣ этого»—добавляетъ Кулишъ—«всякій согласится, что не дать лошадей было невозможно». Дорбогой одинъ старикъ, узнавъ, что Кулишъ ѣдетъ въ разныя государства, перепугался за него и сказалъ: „что нашъ братъ говорить, что господамъ легко: черезъ такіе народы надо проѣхать! Вотъ и теперь поѣдете на Кіевъ, а вѣдь тамъ народъ—хохолъ“! ¹⁾)

Явившись къ Бодянскому, Кулишъ „вознамѣрился привѣтствовать его по-малороссійски, какъ человѣкъ ѣдущій за границу для отысканія малороссійскаго языка „отъ начала вѣковъ“. Находясь все еще въ самомъ отрадномъ настроеніи и подъ впечатлѣніемъ недавней забавной рекомендаціи его, какъ „издателя малороссійскаго языка“, Кулишъ въ шутивномъ тонѣ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ впечатлѣніе отъ первой встрѣчи съ московскимъ ученымъ, котораго онъ засталъ больнымъ, съ пиявками на рукѣ. „Я воображалъ его очень худощавымъ и притомъ безобразнымъ“—писалъ Кулишъ въ дневникѣ: „такое понятіе о его на-

¹⁾ Въ послѣднее время жизни въ Петербургѣ Кулишъ, кромѣ научнаго приготовленія къ предстоящей командировкѣ, особенно усердно занимался рисованіемъ (см. напр. «Череписку Грота съ Плетевымъ», т. II, стр. 823, 825 и проч.)

ружности составилъ я по разсказамъ знакомыхъ. Но не нашелъ ни того, ни другого. Блѣдное и довольно полное лицо его не лишено пріятнаго выраженія; даже одинъ Кутузовскій его глазъ, который при томъ смотритъ въ сторону, не безобразитъ великаго славянофила, напротивъ придаетъ его физиономіи какое-то поэтическое выраженіе, такъ что, когда съ нимъ бесѣдуешь, то кажется, будто лѣвый его глазъ вникаетъ въ современность, а правый устремленъ въ начало тѣхъ вѣковъ, въ которыхъ я долѣнъ женъ отыскать малороссійскій языкъ“. Съ Бодянскимъ Кулишъ бы въ два своихъ посѣщенія все время говорилъ по-малороссійски и; и о малороссійской исторіи.

Изъ Москвы Кулишъ поѣхалъ на свою родину въ мѣстечко Воронежъ (черниговской губерніи), но отъ свиданія съ болынымъ и окруженнымъ сомнительнымъ обществомъ отцомъ вынесъ тяжелое впечатлѣніе. Оттуда онъ проѣхалъ къ роднымъ молодой въ Мотроновку.

ХІІІ.

„Первые дни послѣ нашей свадьбы“—писалъ Кулишъ въ своемъ дневникѣ—„наполнены были впечатлѣній высокихъ: то читали мы Пушкина, то восхищались пѣснями Шевченка, то радовались письмамъ бездѣннаго Петра Александровича и его домашнихъ. Къ увлеченію нашихъ духовныхъ наслажденій, Петръ Александровичъ прислалъ намъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ пріятелями“ (sic) Гоголя, съ наказомъ запереться отъ всѣхъ съ Сашей и заразъ прочитатъ внимательно всю книгу“. „Переписка съ друзьями“ была прислана авторомъ Плетневу для напечатанія въ одной изъ наименѣе посѣщаемыхъ типографій и съ просьбой о полнѣйшемъ секретѣ, который въ другихъ случаяхъ, дѣйствительно, свято сохранился Плетневымъ, но для Кулиша было сдѣлано исключеніе, какъ для особенно близкаго человѣка и притомъ горячо интересовавшагося всѣмъ, что касалось Гоголя: такимъ образомъ въ этомъ исключительномъ довѣрїи до нѣкоторой степени сказалась степень дружеской

довѣрчивости Плетнева къ Кулишу. Сохранились впрочемъ даже извѣстія, что Плетневъ хотѣлъ передать Кулишу свой „Современникъ“, ¹⁾ а предъ выѣздомъ за границу рекомендовалъ Кулиша Жуковскому слѣдующимъ выраженіемъ: „посылаю тебѣ другого себя“.

Кулишъ поѣхалъ съ женою въ Кіевъ и Варшаву. Въ Кіевѣ онъ видѣлся съ Юзефовичемъ, Юскевичемъ, бібліографомъ Сви-
дзинскимъ, съ княжной Вар. Ник. Репниной и познакомился съ Ригельманомъ, о которомъ даетъ самый лучший отзывъ какъ въ письмѣ, такъ и въ дневникѣ. Въ Варшавѣ же онъ познакомился съ молодымъ ученымъ полякомъ Микуцкимъ, желавшимъ поступить въ московскій университетъ и уже представившимъ одно филологическое изслѣдованіе въ Академію наукъ, которое удостоилось тамъ одобренія, переданнаго ему черезъ Плетнева. Кулишъ рекомендуетъ его вниманію Бодянскаго. Въ дорогѣ онъ дышитъ полною грудью и наслаждается всѣми фибрами своего существа, раздѣлая восторги съ женою, о которой съ удовольствіемъ замѣчаетъ въ дневникѣ: „Спутница моя—великая охотница до развалинъ, и въ Корцѣ налюбовалась ими вдоволь“. Общее настроеніе самое счастливое: „Благодарю Провидѣніе и чувствую, какъ много долженъ я поработать, чтобъ оправдать его необыкновенную благодать ко мнѣ“. ²⁾

¹⁾ См. Переписку Грота съ Плетневымъ т. II, стр. 613 и проч.

²⁾ Болѣе подробный маршрутъ Кулиша можетъ быть намѣченъ на основаніи его дневника: изъ Кіева онъ поѣхалъ черезъ Волынскую губернію, миновалъ Радомысль и Житомиръ, Новоградъ-Волыньскъ, Корецъ, наконецъ прибылъ въ Варшаву. Вездѣ его вниманіе привлекали красоты мѣстностей, остатки древностей, развалины; онъ постоянно ихъ рисовалъ, интересъ археолога и живое чувство эстетика находили себѣ повсюду обильную пищу; на все Кулишъ смотрѣлъ глазами любозательнаго и мыслящаго человѣка, безъ всякаго искусственнаго напряженія и почти незамѣтно для самого себя схватывая въ каждомъ заслуживающемъ вниманія предметѣ черты, часто совершенно ускользающія отъ людей, усердно старающихся осматривать въ путешествіи достопримѣчательное, но не умѣющихъ найти... Кулишъ же былъ и драгоцѣннымъ спутникомъ для менѣе наблюда-

Со временемъ Кулишъ въ весьма поэтическихъ краскахъ выражалъ свои чувства въ письмахъ къ жевѣ, напр., говоря о хуторѣ Мотроновкѣ, онъ однажды писалъ: „Здѣсь все оживляетъ въ моей душѣ воспоминанія сладкихъ минутъ любви моей, и ты, будучи наконецъ старушкою, въ этихъ мѣстахъ вѣчно будешь одарена сіяніемъ молодости, которая даровала мнѣ столько счастливыхъ минутъ и поэтическихъ страданій“. Въ другомъ письмѣ и въ другое время онъ говорилъ: „Я нашелъ наши вѣнчальныя свѣчи и возьму ихъ съ собою. Священный памятникъ! я не желалъ бы оставить его въ чьихъ-бы то ни было рукахъ послѣ моей смерти; оскорбительна и самая мысль объ этомъ. О Саша, да будетъ благословенъ день нашего знакомства! Много горя испыталъ я отъ своего собственнаго и твоего неблагоразумія, но душа моя удовлетворена сознаніемъ, что меня любила и любитъ такая благородная, прекрасная женщина“. Такія чувства онъ сохранилъ къ жевѣ до золотой свадьбы, т. е. до послѣднихъ дней жизни.¹⁾

Веселые и счастливые ѣхали Кулишъ съ женой и В. М. Бѣлозерскій; въ самомъ радостномъ настроеніи были они въ Варшавѣ, гдѣ много бесѣдовали съ своимъ землякомъ, сенаторомъ Стороженкомъ, который привлекалъ къ себѣ Кулиша своими украинскими симпатіями и интересами и хранившимися у него рѣдкими національными документами высокой цѣнности. Стороженко рекомендовалъ Кулиша намѣстнику, извѣстному Паскевичу—также малороссу—какъ возака чистой крови.— „Приводи его ко мнѣ!“ съ живостью воскликнулъ Паскевичъ, но въ эту самую минуту получилъ изъ Петербурга приказъ объ

тельныхъ людей, невольно открывая имъ глаза на эти «ускользающія достопримѣчательности».

¹⁾ Въ одномъ письмѣ къ Чуйкевичу Кулишъ говоритъ: «Да, я счастливъ своею жинкою: такая украинка, что просто восхищеніе: Шевченка наизусть знаетъ, а въ исторіи заткнетъ за поясъ много и студента; женщина разумная, твердая въ намѣреніяхъ, чувствительная къ бѣдностямъ человѣчества—однимъ словомъ, достойная самой высокой степени въ обществѣ» («Кіевская Старина», 1893, IX, стр. 357).

арестъ Кулиша, и Кулишъ съ Бѣлозерскимъ немедленно были отправлены обратно.

XIV.

Трехлѣтнее пребываніе въ Тулѣ было самой безотраднѣйшей полосой въ многострадальной жизни Кулиша. ¹⁾ Испытаніе казалось тѣмъ ужаснѣе, чѣмъ рѣзче и беспощаднѣе чувствовался переходъ отъ мелькнувшаго свѣтлымъ лучемъ счастья и радужныхъ блестящихъ надеждъ недавняго прошлаго къ мукамъ беспросвѣтнаго горя. Все порвалось сразу, но молодость и избытокъ душевныхъ силъ имѣли спасительное дѣйствіе на Кулиша, облегчая тяжесть наложенныхъ на него веригъ. Благодаря имъ, блѣднѣло сознаніе неожиданно рухнувшей карьеры и бодрѣе переносились тяжелыя матеріальныя невзгоды, хотя ничто не было въ силахъ заглушить въ таковой энергичной и дѣятельной натурѣ болѣзненнаго ощущенія невольнаго перерыва дѣятельности. Въ то время какъ другого прежде всего стала бы въ подобномъ положеніи угнетать мрачная неизвѣстность въ будущемъ и невыносимая окружающая обстановка, „горячій“ Кулишъ жестоко страдалъ всѣмъ своимъ существомъ, какъ человекъ, призванный къ дѣятельности и борьбѣ, полный силъ и по самому темпераменту рвущійся въ водоворотъ жизни, но въ это же время обреченный на несвойственное ему бездѣйствіе; его терзала насильная и бесплодная задержка на неопредѣленное время на только-что начатомъ пути, тогда какъ жизнь не ждала, и лучшіе годы уходили. Разлученный съ друзьями, оторванный отъ литературнаго міра, онъ былъ поставленъ въ необходимость,

¹⁾ Первоначально Императоромъ Николаемъ было назначено: «запретить писать и на службу въ Вологду». («Русскій Архивъ», 1892, XI, стр. 292).

отложивъ лучшія мечты и надежды молодости, сживаться съ несимпатичной и чуждой средой, съ которой мало имѣлъ общаго и въ особенности не былъ, связавъ самыми интимными, задушевными стремленіями. Находясь на положеніи ссыльнаго, онъ былъ, наконецъ, обреченъ терпѣть всякія придирки и стѣсненія со всѣхъ сторонъ и считаться съ предубѣжденіями мѣстныхъ обывателей. Дневникъ былъ теперь надолго забытъ Кулишемъ, и только 6 октября 1848 г. онъ записалъ въ немъ слѣдующія строки: „Этотъ большой промежутокъ времени“ (съ начала ссылки) „исполненъ былъ разнаго рода горестями, которыхъ не имѣю духу писать, потому что до сихъ поръ не вышелъ изъ бѣдственнаго положенія, въ которое попалъ, какъ въ яму. Надѣюсь, что съ перемѣной обстоятельствъ я примусь за описаніе этой эпохи моей жизни съ удовольствіемъ пловца, рассказывающаго о минувшихъ опасностяхъ. Теперь, для ясности дневника, скажу только, что въ Варшавѣ я былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, а оттуда послали меня на службу въ Тулу. Здѣсь я нашелъ въ людяхъ, съ которыми я долженъ былъ имѣть сношенія, такую суровость нравовъ, какъ будто я опальный временъ Бориса Годунова. Должности по службѣ мнѣ до сихъ поръ не дали (т. е. не дали такой, которая была бы для меня сносною), и я живу съ женой въ тѣсной квартирѣ, посвящая все свое время литературнымъ занятіямъ“. ¹⁾ Въ исходѣ перваго года ссылки онъ въ такихъ выраженіяхъ жаловался на свое житіе О. М. Бодянскому: „Я живу одинъ и, не замѣтивъ ни въ комъ изъ моихъ сослуживцевъ той человѣчности, которая понимаетъ состояніе души несчастнаго пришельца и сама подаетъ ему руку—не замѣтивъ до сихъ поръ ни въ комъ къ себѣ участія и желанія вступить со мною въ пріятельскія отношенія, а напротивъ, видя и чувствуя, какъ всѣ примѣтно устраниются отъ меня, я служу и едва знаю, какъ зовутъ по имени правителя канцеляріи“. Въ то же время онъ утѣшалъ Бодянского,

¹⁾ «Кіев. Ст.», 1897, X, 43 и „Рус. Арх.“ 1892, XI, 299—300.

переведеннаго за напечатаніе извѣстнаго сочиненія Флетчера въ казанскій университетъ изъ московскаго. 24 ноября 1848 г. Кулишъ писалъ Бодянскому: „Полежимъ на прилавкѣ и посмотримъ на чужія пляски. Мы имѣемъ полное право безопасно веселиться зрѣлищемъ тревоженій свѣта. Мы трудились, работа вырвана у насъ изъ рукъ: отчего жъ бы намъ не быть веселыми во время отдыха, какъ и ходячи за плугомъ? Щобъ нашимъ врагамъ было тяжело: пускай видить свѣтъ, что честный человѣкъ можетъ быть веселъ на всякомъ мѣстѣ владычества его“. ¹⁾ „Къ счастью, тайный голосъ твердитъ мнѣ безпрестанно, что истинное и прекрасное на свѣтѣ живуще въ вывокой степени и невозможно ничѣмъ убить его“.

XV.

Виѣшняя обстановка Кулиша была, конечно, также самая печальная. Еще въ самое первое время было немного легче: молодому и полному энергіи идеалисту какъ-то не вѣрилось, чтобы судьба надолго захотѣла забросить его въ Тулу, и онъ, несмотря ни на что, нѣкоторое время не терялъ надежды на скорое избавленіе. Молодые супруги заняли недурную квартиру въ домѣ какого-то кузнеца, стоявшую четыреста руб-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1892, XI, 302, и «Кіевск. Стар.», 1897, XI, 242. Впослѣдствіи, когда, по минованіи кары, Бодянский былъ снова возвращенъ на московскую кафедру, Кулишъ писалъ ему: «Нужно ли увѣрять васъ, что я отъ всей души раздѣляю вашу радость. Я впрочемъ долго досадовалъ на себя, отчего я не радуюсь возвращенію вашему на кафедру такъ, какъ радуюсь какому-нибудь событію въ собственномъ уголкѣ. Но теперь вижу, что радость эта разставута въ тонкую проволоку, которая тонкою, но непрерывною

лей въ годъ, что показываетъ въ нихъ недостаточное пока сознание всей трудности своего положенія; они старались, насколько возможно, украсить свое изгнанническое жилище согласно съ требованіями развитаго вкуса. Но мѣсяцы тянулись длинной вереницей и рѣшительно не приносили съ собой ничего похожего на смягченіе участи, а между тѣмъ понемногу проживалось все приданное, такъ что вскорѣ пришлось переселиться уже на маленькую дешевую квартирку, состоявшую всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ съ мебелью. Здѣсь-то начинались всякія невзгоды и непріятности. Въ противоположность прежнему доброду, хотя и совершенно простому хозяину-кузнецу, котораго Кулишъ въ своемъ идеалистическомъ увлеченіи безуспѣшно хотѣлъ сколько-нибудь образовать и съ этой цѣлью нерѣдко приглашалъ къ себѣ на чай или на вечеръ, новые хозяева стали обращаться съ своими жильцами, какъ съ людьми отверженными и беззащитными, которыхъ можно было тѣснить сколько душѣ угодно, потому что они, какъ люди опальные и безправные, не могли жаловаться. Рѣшивъ, что съ ссыльными церемониться нечего, эти люди начали мало-по-малу, основываясь на томъ, что для двоихъ не надо много мѣста, постепенно отнимать у жильцовъ то комнату, то сѣни, то сарай для дровъ, и даже начали застѣпывать сундуками выходъ изъ квартиры. „Дней десять или болѣе назадъ“, писалъ однажды Кулишъ одному изъ родственниковъ,—„мы испытали отъ своихъ хозяевъ такія непріятности, что должны были перемѣнить квартиру. Къ нимъ изъ Москвы возвратились ихъ прежніе жильцы, и этого было достаточно, чтобъ загородить сундукомъ дверь въ общую переднюю и заставить насъ принимать гостей черезъ кухню и спальню—другого средства выжить насъ въ ихъ головахъ не отыскалось. И послѣ этого еще приходитъ хозяинъ прощаться какъ ни въ

нятью будетъ тянуться черезъ множество лѣтъ. За все время отсутствія Бодянскаго изъ Москвы Кулишъ часто спрашивалъ его, не нуждается ли онъ, и предлагалъ ему деньги.

чемъ не бывало. Мы перенесли эту скверность съ образцовымъ терпѣніемъ“. Квартирной платы такіе люди, разумѣется, не хотѣли ждать ни одного лишняго дня, и каждый разъ передъ приближеніемъ срока хозяйка цѣлый день съ утра не уставала напоминать о ней. Но особенно возросла ихъ наглость; когда молодымъ изгнанникамъ пришлось столкнуться лицомъ къ лицу съ ницетой. Они могли бы, правда, написать о своемъ положеніи въ деревню, къ тещѣ Кулиша, но этому мѣшало то, что послѣдняя, слишкомъ живо принимая къ сердцу всѣ интересы молодой чсты, была намѣренно и весьма заботливо оставляема въ невѣдѣніи о томъ, что происходило на самомъ дѣлѣ; если-бы она могла только представить себѣ, какую нужду, какую горькую участь терпѣла съ зятемъ на чужой сторонѣ ея любимая дочь, только что выпорхнувшая изъ теплаго родительскаго гнѣздышка и всегда балованная не только своей семьей, но даже всѣми сосѣдями! Трудно было-бы поручиться, какія послѣдствія могло имѣть не прикрашенное правдивое извѣстіе, способное, можетъ быть, ее, не привыкшую къ самой мысли о ссылки мужа своей дочери, убить въ буквальномъ смыслѣ слова. „Жена уѣхала въ Малороссію“—писалъ Кулишъ Бодяискому въ октябрѣ 1847 г., слѣдовательно уже по прошествіи полугода ихъ ссылки—„чтобы отдохнуть отъ своихъ горестей, которыя злая наша судьба слишкомъ щедрою рукою посѣяла при самомъ началѣ ея жизненнаго поприща“. 1) Но при свиданіи она не рѣшилась рассказать матери всю истину о ихъ житьѣ-бытьѣ, хотя послѣднее становилось совершенно невыносимымъ, когда даже ихъ собственная крѣпостная прислуга, видя беззащитность господъ, начала имъ заявлять съ презрѣніемъ, что она не привыкла къ ихъ порядкамъ, что у настоящихъ господъ долженъ быть собственный домъ, а не наемная квартира, что они должны держать цѣлый штатъ слугъ и занимать просторные покои. Эти мелочи, при всемъ своемъ ничтожествѣ, не давали забывать о горькой безправности,

1) «Кіевская Старина», 1897, X, 49.

въ осознанности когда надо было перебиваться, отказывая себя въ необходимомъ, спать на полу и скрывать отъ окружающихъ размѣры своей нужды, во избѣжаніе того смѣшаннаго съ ненавистью презрѣнія, съ какимъ относятся всякаго рода холопы къ обѣдѣвшимся господамъ“. 1) Жестокое однообразіе ворчанья хозяйки и горничной, не безъ ядовитости любившей напоминать женѣ Кулиша о прежней лучшей порѣ, о коляскахъ и другихъ принадлежностяхъ былого довольства, всякія дразги въ родѣ совершенно открытаго и наглаго грабежа дровъ въ сараѣ, и т. п.—до того разстраивали и выводили изъ себя, что Кулишъ далъ своимъ гонительницамъ разныя нелестныя для нихъ прозвища въ городѣ: проклятущая баба № 1, проклятущая баба № 2 и т. п. Въ то же время приходилось иногда подвергаться обидному обращенію и со стороны людей, принадлежавшихъ къ такъ называемому образованному классу. Такъ, однажды съ чувствомъ глубокаго возмущенія Кулишъ сообщалъ своей женѣ объ одномъ родственникѣ ихъ общихъ знакомыхъ: „Сегодня онъ присылаетъ мнѣ солдата сказать мнѣ, что у него есть какое-то письмо ко мнѣ изъ Петербурга и что не угодно ли мнѣ съ нимъ повидаться. Я разспросилъ солдата обстоятельно, какъ именно онъ говорилъ, и убѣдился, что дѣйствительно, вмѣсто визита мнѣ, послалъ за мной, какъ за сапожникомъ. Хоть бы записку написалъ и, какъ водится между порядочными людьми, извинился чѣмъ-нибудь, что не можетъ самъ побывать у меня, а просить къ себѣ, а то отыскалъ какого-то десятскаго и, для перваго знакомства, прислалъ пригласить къ себѣ въ гостиницу“.

Тяжело было все это, но еще несравненно тяжелѣе было невольное отчужденіе отъ общества, происходившее отъ того, что «все или недоступны, или слишкомъ ниже того образованія,

1) Злосчастная чета должна была даже прибѣгать къ хитростямъ, чтобы скрыть свое истинное положеніе; такъ, нѣсколько мѣсяцевъ сряду приказывали ставить самоваръ, не пользуясь имъ, частью для вида, частью только для прислуги.

при которомъ знакомство было бы пріятно», такъ что — писалъ Кулишъ въ дневникѣ: «одинъ только художникъ А. да его сестра у насъ бываютъ». При такихъ условіяхъ осталось только совершенно утонуть въ литературныхъ занятіяхъ, ¹⁾ какъ и дѣлалъ Кулишъ, изучая лѣтописи и „Книгу Большого Чертежа ²⁾ и работая надъ собственными трудами; но натура подвижного сангвиника требовала болѣе разнообразной дѣятельности и больше непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью. Тѣмъ не менѣе свойственная Кулишу бодрость духа и спокойная совѣсть значительно облегчали трудность его положенія. 27 іюня 1840 г. онъ писалъ Бодянскому: „Въ отношеніи здоровья и расположенія духа мы благодарствуемъ. Живемъ въ концѣ города и ходимъ гулять каждый вечеръ въ поле. Невдалекѣ отъ города на низменномъ холмѣ виднѣется прекрасная церковь съ деревьями и хатками сбоку; подлѣ церкви кладбище съ сельскими невышными крестами; за нею и вокругъ—поля и лѣса.“ ³⁾ Любовь къ природѣ является прекраснымъ бальзамомъ для душевныхъ мукъ. Позднѣе, 10 мая 1850 года, Кулишъ также писалъ Бодянскому: „Я совершилъ новый переѣздъ на квартиру и теперь живу посреди сельской природы. Кругомъ сады и нруды, въ которыхъ безъ умолку распѣваютъ воздушные и водяные жители, чтѣ мнѣ очень нравится. Подлѣ моей квартиры есть чей-то запущенный садъ. Туда я хожу гулять и дышать запахомъ черемухи“ ⁴⁾

¹⁾ Кулишъ написалъ въ Тулѣ «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и Димитріѣ Самозванцѣ», историческій романъ «Алексѣй Однорогъ», романъ «Искатели счастья» (потомъ сожженный, но изъ него напечатана часть подъ названіемъ «Потомки Гайдамаковъ».

²⁾ «Русскій Архивъ», 1892, XI, 299; «Кіевская Старина», 1897, XI, стр. 42.

³⁾ «Кіевская Старина», 1897, XI, стр. 253.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 258.

XVI.

Черезъ нѣкоторое время, однако, нашлись въ Тулѣ образованные люди, понимающіе значеніе идей и дѣятельности Кулиша и умѣвшіе цѣнить его какъ талантливаго представителя серьезнаго умственнаго труда. Между такими людьми онъ нашелъ потому даже друзей и почитателей, что, безъ сомнѣнія, не могло не ободрить его въ нравственномъ отношеніи, когда онъ уже совсѣмъ готовъ былъ „считать себя похожимъ на зачумленнаго, который не долженъ прикасаться къ тѣмъ, кого любить“. ¹⁾ Впрочемъ, самочувствіе его было все-таки, можетъ быть, лучше, нежели его товарищей по изгнанію; онъ все-таки „благоденствовалъ, поколику это возможно въ Тулѣ“, ²⁾ тогда какъ Н. И. Костомаровъ приблизительно около того же времени жаловался на то, что его въ Саратовѣ „томитъ такая убійственная грусть, которую описать невозможно. Заняться нечѣмъ, читать нечего“. ³⁾ „Горе мнѣ на чужинѣ и только“, писалъ онъ, а его мать значительно позднѣе сокрушалась о томъ, что „Николай безъ должности; мѣста не дають ни въ одномъ университетѣ; теперь безъ жалованія, больно, постарѣлъ, посѣдѣлъ“, ⁴⁾ А между тѣмъ Костомаровъ пользовался несравненно лучшимъ обществомъ, къ которому принадлежали между прочимъ люди, также интересовавшіеся исторіей, какъ напр. сдѣлавшійся внослѣдствіи профессоромъ петербургскаго Александровскаго лицея Е. А. Бѣловъ и другіе. Мы едва ли ошибемся, если эту разницу объяснимъ неодинаковымъ семейнымъ положеніемъ обоихъ друзей; жизнь Костомарова была некрасна, помимо неволи, отъ стеченія цѣлаго ряда неблагоприятныхъ обстоятельствъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимала потеря имъ около того времени

1) «Кіевская Старина», 1897, X, стр. 43.

2) Тамъ же, стр. 44.

3) Тамъ же, стр. 133.

4) Тамъ же, стр. 139.

восьми слишкомъ тысячъ руб. денегъ и необезпеченная жизнь безъ жалованья, грозившая разореніемъ, и все-таки въ матеріальномъ отношеніи онъ, разумѣется, былъ въ гораздо лучшихъ условіяхъ въ сравненіи съ почти круглымъ бѣднякомъ Кулишомъ. Но недо-зволениѣ ѣхать въ Кіевъ для женитьбы, безпокойство за жизнь матери, долго оставившей его безъ писемъ въ холерный 1848 годъ, хлопоты и заботы по поводу веденной ею тяжбы, а главное—отсутствіе живой нравственной поддержки въ средѣ домашней удручали его до того, что онъ однажды характе-ризовалъ свое нравственное состояніе въ слѣдующей фразѣ: „цѣль горестей вяжетъ всю жизнь мою“. ¹⁾ Кулишу, напро-тивъ, сильно облегчала бремя ссылки его жена, бывшая для него не только вѣрной спутницей, но и главной его нравствен-ной опорой. Это было существо, преданное ему въ высшей сте-пени, энтузіастка любви и преданности, готовая всюду идти за нимъ, подвергаться для него всякимъ испытаніямъ. „Видя пе-редъ собой человѣка съ божественнымъ ореоломъ“,—говорила она,—я молилась его образу, дивилась ему, наглядѣться не могла“. Всѣ планы, большіе и малые, каждый жизненный шагъ обсуждались обоими супругами сообща, безъ разногласій и не-удовольствій. Но особенно Кулишъ почерпалъ всегда энергію въ беззавѣтной преданности своей жены, встрѣчая въ тяжелыя ми-нуты ея заботливый, любящій взоръ. По своей практичности имъ случалось иногда обоимъ ради насущнаго хлѣба придумы-вать совершенно неподходящіе для нихъ предпріятія, напр. на-нимать огородъ для обработыванія овощей, но, съ другой стороны, иногда удавалось въ самомъ дѣлѣ прискаты полезный и благо-дарный трудъ; такъ, по цѣлымъ часамъ работалъ Кулишъ за столярнымъ верстакомъ, трудясь надъ выдѣлкой подставокъ для иконъ, такъ называемыхъ „божниковъ“, чтобы продажей ихъ выручить хоть какія-нибудь деньги. Такая нравственная вы-держка и энергія молодой четы, такое умѣнье обегчать другъ другу общее бѣдствіе были высоко оцѣнены тѣми людьми, кото-

¹⁾ Тамъ же, стр. 136.

рымъ случалось ближе узнать въ то время жизнь Кулишей и которые умѣли уважать нравственныя достоинства, не смущаясь бѣдностью обстановки. И вотъ Тула, а отчасти Москва, дають Кулишу нѣсколько новыхъ драгоцѣнныхъ друзей, сохранившихъ къ нему навсегда теплую привязанность. Въ то время прежде всего съ нимъ сблизился жившій въ Москвѣ директоръ Московско-Тулскаго банка Николай Яковлевичъ Макаровъ. Изъ признательности къ его теплой, безкорыстной дружбѣ и изъ уваженія къ его уму и рѣдкой добротѣ, Кулишъ, лишившійся по волѣ императора Николая I права писать и подъ своими произведеніями подписывать собственную фамилію, какъ бы слилъ на время свою литературную личность съ его именемъ, такъ что и до сихъ поръ нѣкоторые его труды не успѣли появиться въ новыхъ изданіяхъ подъ именемъ своего настоящаго автора. Главный же другъ Кулиша въ Тулѣ былъ жандармскій капитанъ Петръ Ивановичъ Гусевъ, служившій впослѣдствіи комендантомъ динабургской крѣпости. Сближеніе съ нимъ Кулиша было настолько тѣсное, что они даже задумали написать вмѣстѣ романъ, не составивъ, однако, предварительно общаго плана, но поступаая такъ: напишетъ одинъ изъ нихъ главу и, не сообщивъ даже товарищу по работѣ содержанія написаннаго, получить отъ него продолженіе—и такъ было написано нѣсколько главъ...¹⁾ Очень оригинальна была первая встрѣча и начало знакомства Кулиша съ Гусевымъ. Однажды въ концѣ іюля, наканунѣ именинъ Кулиша,²⁾ его жена, занимаясь убран-

1) Объ этомъ романѣ Кулишъ писалъ въ 1865 г. В. В. Тарновскому (см. «Кіевская Старина», 1898, IV, 111 стр.) Копія съ рукописи хранится у одного изъ родственниковъ Кулиша, И. И. Бѣлозерскаго.

2) Именины Кулиша всегда праздновались нашей изгнанныческой четой по возможности весело, для чего обыкновенно они пользовались квартирой своего пріятеля Гусева. Однажды онъ такъ описывалъ это Боданскому: „Играли на фортепіано, пѣли, танцевали, смотрѣли въ окно на прекрасный мѣсяцъ, который, поднимаясь надъ темною глубиной полей, обнаружилъ въ ней своимъ отраженіемъ

ствомъ комнаты и устраивая гирлянду изъ полевыхъ цвѣтовъ для семейнаго праздника, стала на подоконникъ и вдругъ, къ величайшему ужасу своему, видитъ на улицѣ неизвѣстнаго человека въ синемъ мундирѣ, направляющагося самымъ несомнѣннымъ образомъ примехонько къ ихъ калиткѣ. Этого было достаточно, чтобы науганное воображеніе нервной женщины нарисовало страшную картину, и Александра Михайловна едва могла удержаться на ногахъ. Поспѣшно соскочивъ съ подоконника, она едва успѣла, показавъ въ окно, шепнуть мужу: „Кажется, насъ ждетъ новое несчастіе!“. Но вотъ непрошенный гость уже входитъ въ калитку. Пантелеймонъ Александровичъ, только-что вернувшійся съ кладбища, на которое любилъ ходить, любясь тамъ цвѣтами, выходитъ на встрѣчу посѣтителю, а жена его, оставшись въ комнатахъ, переживаетъ ужасныя минуты. Но чтѣ это? отчего они долго не идутъ? чтѣ тамъ еще между ними? Выглянувъ въ окно, Александра Михайловна видитъ нѣчто совершенно невѣроятное: мужъ ея спокойнымъ тономъ говоритъ съ человекомъ въ синемъ мундирѣ; еще минута—они дружески обнимаются, слышатся привѣтствія и радостныя восклицанія. Наконецъ дѣло разъясняется; незнакомецъ оказывается близкимъ родственникомъ одного изъ братьевъ Нордштремовъ, служившаго въ третьемъ отдѣленіи и просившаго его зайти навѣстить своихъ пріятелей-изгнанниковъ. Говорятъ, что Гусеву Нордштремы на прощанье совѣтовали понравиться Кулишу и заслужить его уваженіе, и вотъ на вопросъ его, чтѣмъ онъ можетъ достигнуть этого, Кулишъ съ живостью отвѣчалъ: „только правдою. Судите по совѣсти, защищайте невинныхъ, будьте милостивы къ заключеннымъ, и вы будете имѣть во мнѣ друга, и синій мундиръ не помѣшаетъ моему уваженію къ вамъ“.

Вскорѣ послѣ этого Гусевъ сдѣлалъ второй визитъ своимъ новымъ знакомымъ—уже съ женой, и оба семейства быстро подружились. „Прелестные люди во всѣхъ отношеніяхъ!“ вспо-

струю воды и заставилъ наше воображеніе чертить въ этомъ мѣстѣ прелестный, полный таинственности, пейзажъ.

минаетъ о нихъ Александра Михайловна. „Мы у нихъ очень часто бывали. Онъ пріятно пѣлъ „Бородушку“ и другія народныя пѣсни. Онъ предлагалъ намъ выстроить флигель на своемъ дворѣ“. Потомъ эти близкія отношенія были на короткое время прерваны смертью молодой жены Гусева, что повергло его въ глубочайшее отчаяніе; она скончалась въ Торжкѣ, куда поѣхала погостить у матери. Оставшись вдовцомъ съ двумя дѣтьми, Гусевъ нанялъ для нихъ нѣмку бонну, но глубоко чувствовалъ свое сиротство. Кулиши тогда приняли его предложеніе и поселились въ его домѣ въ мезонинѣ, избавившись тѣмъ отъ своихъ прежнихъ хозяевъ. ¹⁾

Въ числѣ лицъ, умѣвшихъ съ тактомъ и деликатностью относиться къ Кулишу, слѣдуетъ назвать преемника тульского губернатора Крузенштерна, Козодаева, человѣка умнаго и просвѣщеннаго, пріѣхавшаго первымъ къ Кулишу съ визитомъ. Наконецъ, къ тульскому времени жизни Кулиша относится также знакомство его съ будущимъ докторомъ И. П. Славницкимъ, любопытное потому, что здѣсь завязались добрыя отношенія между ученымъ и смѣло обратившимся къ нему за совѣтомъ подросткомъ—гимназистомъ, который оказался потомъ горячимъ его почитателемъ. Неожиданное обращеніе къ Кулишу юноши встрѣтило въ немъ, считавшемъ всегда умственный трудъ общимъ дѣломъ и общей задачей развитыхъ людей, теплый отголосокъ. „Милостивый государь“,—отвѣчалъ Кулишъ въ письмѣ: „мнѣ очень пріятно, что вы наугадъ или почему бы то ни было считаете меня человѣкомъ, готовымъ оказать ближнему услугу. Отчасти вы не ошибаетесь; но, какъ человѣкъ прямой, я дол-

¹⁾ Ко времени жизни въ домѣ Гусева относятся первые уроки рисованія, данныя Кулишомъ его женѣ.—Были также и другіе случайные знакомые у Кулиша въ Тулѣ, какъ напр. вѣкто Шиманскій, о которомъ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ писемъ къ Бодянскому, Чарнецкій, получившій отъ Кулиша польскія книги и въ благодарность доставлявшій ему книги изъ завѣдываемой имъ казенной бібліотеки.

женъ васъ предупредить, что не на всякую услугу станеть у меня великодушiя. Я занятъ своими дѣлами очень сильно и при томъ съ такою (можетъ быть, и ошибочною) мыслью, что этимъ самымъ исполняю и обязанности любви къ ближнему. Вы почтили меня названiемъ „ученаго“, слѣдовательно должны предполагать въ моемъ умѣ цѣль, къ которой я стремлюсь, по возможности всѣми моими силами. И такъ вы можете и даже имѣете право ожидать совѣта и даже, можетъ быть, немного болѣе того, если вы нуждаетесь въ немъ для какого-нибудь сочиненiя, или для облегченiя вашихъ трудовъ въ изученiи какой-нибудь хорошо извѣстной мнѣ отрасли знанiй. Вы видите, что я высказываюсь вамъ просто и откровенно, и если эта записка не перемѣнитъ вашего намѣренiя лично со мною побесѣдовать, то не угодно ли вамъ завтра пожаловать ко мнѣ въ 10 часовъ утра. Можетъ быть, я буду дома одинъ, а если и не одинъ, то васъ будутъ слушать лучшiя уши, какiя когда-либо природа помѣстила на женской головѣ: ¹⁾ это вначитъ не что иное, какъ то, что ваши, положимъ, юношескiя идеи не покажутся имъ непонятными или смѣшными. Вашъ покорный слуга П. К. ²⁾

Письмо это кажется намъ любопытнымъ какъ потому, что оно дышетъ правдивостью и полной готовностью притти на помощь юношѣ—корреспонденту, такъ и по выраженiямъ въ немъ чувствамъ любви и уваженiя, которыми онъ былъ всегда связанъ съ женой. ³⁾

¹⁾ Т. е. его жены.

²⁾ По поводу этого письма г. Славиндкiй сдѣлалъ на подлинномъ слѣдующую помѣтку: „первое письмо ко мнѣ, лично еще не знакомому. Я былъ тогда гимназистомъ въ предпоследнемъ классѣ, а Кулишъ жилъ въ ссылкѣ въ Тулѣ“.

³⁾ О служебной дѣятельности Кулиша въ Тулѣ мы имѣемъ слѣдующiя официальные данныя: „опредѣленъ въ канцелярiю начальника Тульской губерни 17 сентября 1847 года; назначенъ исполняющимъ должность корректора губернской типографiи октября 24, 1848 года“. Волѣе подробныя данныя о службѣ и другихъ занятiяхъ Кулиша находимъ въ его перепискѣ.

XVII.

Въ исходѣ 1847 года Кулишу жилось уже значительно легче и представилось было, благодаря ходатайству тульскихъ знакомыхъ, правда, незначительное мѣсто при городской больницѣ. 16 декабря 1847 года онъ писалъ одному изъ братьевъ жены: „Быль я сегодня въ первый разъ у Крузенштерна. Онъ предложилъ мнѣ мѣсто смотрителя больницы; жалованья 400 р. (1500 р. асс.) и квартира. Я принялъ съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что предложеніе сдѣлано очень внимательно“. О томъ же онъ сообщалъ Бодянскому отъ 27 декабря: „новый губернаторъ, спасибо ему, обратилъ на меня свое милостивое око и хочетъ сдѣлать меня смотрителемъ какой-то больницы“¹⁾. Но отъ этого мѣста, однако же, Кулишъ потомъ отказался, отгороженный женой, которая страшилась за него возможности, къ довершенію всѣхъ бѣдъ и страданій, еще заразиться какой-нибудь инфекціонной болѣзью. О предложеніи губернаторомъ Кулишу должности помощника редактора губерскихъ вѣдомостей за 600 р. въ годъ, мы находимъ въ перепискѣ указаніе, что занятіе это было принято временно, за неимѣніемъ другихъ, по крайней нуждѣ, хотя Кулишъ, сберегая свое время для боѣ производительныхъ и пріятныхъ трудовъ, систематически отказывался отъ многихъ другихъ предложеній, напр. отъ уроковъ: „Недавно къ П. А. являлся какой-то чиновникъ съ предложеніемъ, не хочетъ ли онъ въ домахъ давать уроки, но П. А. отказался, потому что здѣсь самая хорошая цѣна 2 р. с. за урокъ, а тѣмъ болѣе онъ отказался, что ребенокъ десяти только лѣтъ: да за эти деньги, право, не стоитъ изъ нашей улицы выбираться“!

Таковы были условія жизни Кулишей въ Тулѣ. Отмѣтимъ въ заключеніе нашего обзора ихъ тульской жизни еще одно тяжелое приключеніе, хотя и не отразившееся ничѣмъ въ ихъ

1) «Кіевская Старина», 1897, X, 44.
П. А. КУЛИШЪ.

дальнѣйшей жизни и даже не особенно замѣтно вырисовывающееся на общемъ мрачномъ фонѣ ихъ изгнанническаго существованія, но тѣмъ не менѣе заслуживающее упоминанія. Этимъ происшествіемъ было наводненіе, чрезвычайно рѣдко случающееся въ Тулѣ (последнее передъ тѣмъ наводненіе было 30 лѣтъ назадъ). „Однажды“—вспоминаетъ Александра Михайловна Кулишъ—„мы услышали какой-то необычайный гулъ; потомъ, смотримъ, понемногу появляется вода. Наконецъ, изъ находившихся напротивъ избъ, изъ оконъ плывутъ рѣшета, мычки, нитки и разныя хозяйственныя снадобья. На кровлѣ сидятъ женщины съ люльками, плачутъ дѣти, поютъ пѣтухи, воютъ собаки и иногда вода несетъ ихъ прикованными на цѣпи къ будкѣ, и будка куврыкается и толкаетъ ее во всѣ стороны; потомъ плывутъ люди на доскахъ, на челнокахъ, въ воздухѣ слышится какое-то гудѣнье, а вода все прибываетъ. Встревоженный мужъ мѣряетъ воду каждыя десять минутъ, посматривая на часы, а вода все прибываетъ“. Такъ рассказывала намъ объ этомъ происшествіи Ганна Барвинокъ. „Сердце у насъ замираетъ, дѣваться намъ некуда и нѣтъ знакомой души“! прибавляетъ она: „недостаетъ уже трехъ вершковъ, чтобы хлынуть черезъ порогъ въ нашу кухню; вотъ уже и два вершка только.. Книжки и все погибаетъ, да и намъ то какъ выбраться. Не помню, сколько было часовъ ночи. Ждемъ дальше, чтѣ будетъ. Стоитъ вода полчаса, но уже не прибываетъ. Къ свѣту стала упадать, а потомъ все больше уменьшаться и наконецъ совсѣмъ исчезла“. Вскорѣ послѣ этого супруги наняли квартиру у бѣдныхъ дворянъ, переимѣнивъ свое жилище уже чуть не въ десятый разъ, но и тутъ повторилась прежняя исторія: то подъ благовиднымъ предлогомъ хозяева выпросятъ картинку, на томъ основаніи, что братъ де рисуетъ, а назадъ не возвращаютъ, то зачитываютъ книгу...

XVIII.

Въ началѣ декабря 1848 года Александра Михайловна Кулишъ, движимая любовью къ мужу и желаніемъ улучшить ихъ общую участь, рѣшилась ѣхать хлопотать въ Петербургъ, гдѣ, кромѣ другихъ вліятельныхъ знакомыхъ, она могла рассчитывать особенно на содѣйствіе сенатора Кочубея, благодаря покровительству котораго воспитывались на казенный счетъ ея братья. Здѣсь она снова встрѣтилась и съ братьями, навѣстила по нѣскольку разъ всѣхъ друзей мужа и совершенно перенеслась въ иную, отраднѣю сферу. Обыкновенно по утрамъ она ѣздила (часто въ сопровожденіи брата Виктора Михайловича, не разъ хлопотавшаго также по дѣламъ Костомарова) хлопотать въ разныя учрежденія и къ разнымъ власть имѣющимъ лицамъ, а свободные часы и вечера проводила въ пріятномъ обществѣ Плетневыхъ и Ишимовыхъ. При наступленіи новаго года она писала мужу: „о Боже, если бы этотъ годъ былъ для насъ отрадой за всѣ наши многія, многія страданія! Неужели судьба наша не перемѣнится?.. Но я надѣюсь на что-то лучшее“. Первую встрѣчу съ П. А. Плетневымъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, она описываетъ такимъ образомъ: „Петръ Александровичъ заѣхалъ къ Ишимовой съ Оленькой (дочерью). Петръ Александровичъ входитъ въ гостинную, а я стояла у другихъ дверей, прямо противъ него; онъ улыбнулся, увидѣвши меня, и долго держалъ за руку. Потомъ мы удалились съ нимъ въ другую комнату, и онъ долго разспрашивалъ о тебѣ. Еще до его пріѣзда Оленька очень просила меня пріѣхать къ ней въ среду, но я не могла дать ей слова; она пригласила меня въ воскресенье и потомъ вмѣстѣ въ концертъ, и я обѣщала. Потомъ Петръ Александровичъ ту же самую просьбу повторилъ“. И вотъ снова передъ Александрой Михайловной мелькаютъ симпатичныя лица Плетневыхъ, Нордштремовъ, братьевъ Гротъ и другихъ. Иногда она въ дружескомъ кругу проводитъ вечера, ей играютъ на фортепіано, поютъ, читаютъ, но она ни

на минуту не забывает своей заботы, соединенной впрочемъ съ отрадной надеждой на освобожденіе. Въ одной дружеской семьѣ ее просятъ подольше посидѣть, остаться почевать; возвращается домой—тамъ снова ее ожидаетъ радушная встрѣча знакомыхъ. „Боже, опять ласки, вниманіе! да паградить ихъ всѣхъ Господь“! восклицаетъ Александра Михайловна. Но посреди хлопотъ, по разнымъ причинамъ сильно затянувшихся, внезапно начались новыя волненія: оставшійся въ Тулѣ бобылемъ мужъ заждался и наконецъ, захворавъ, дошелъ въ своемъ нетерпѣнн до того, что совершенно въ разрѣзъ съ своими прежними инструкціями, ¹⁾ настойчиво потребовалъ скорѣйшаго возвращенія жены. Главное же было то, что его затворническая жизнь не оживлялась и не скрашивалась теперь постояннымъ присутствіемъ преданнаго существа. Извѣстія изъ Петербурга сильно взволновали его, живо переноса въ счастливое прошедшее ²⁾, и дразнили своимъ убійственнымъ контрастомъ съ переживаемыми впечатлѣніями, хотя, съ другой стороны, онъ получалъ возможность слѣдить за всѣмъ, касающимся друзей, причемъ иногда до него доходили интересныя и важныя извѣстія. Что было дѣлать? Александра Михайловна стала совѣтоваться съ Плетневымъ, который сказалъ ей: „онъ похожъ на ребенка; напишите ему нѣжное письмо, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгое и убѣдительное“. Такое мнѣніе Плетнева было вызвано, можетъ быть, какимъ-нибудь неожиданно рѣзкимъ отвѣтомъ ему Ку-

¹⁾ Прежде онъ писалъ ей такъ: «Если нужно оставаться въ Петербургѣ для успѣха въ нашемъ дѣлѣ, то оставайся, не портъ его выѣздомъ; но если отказъ или рѣшеніе, то не медли ни одного дня, потому что дни мнѣ кажутся годами».

²⁾ Съ другой стороны, вспоминались, конечно, и печальныя эпизоды изъ прошлой жизни; напр., однажды Александра Михайловна писала мужу: «положеніе мое въ эту минуту похоже на давно прошедшее», (т. е. на то, что происходило съ ней во время его заключенія въ Третьемъ Отдѣленіи, когда она жила у брата Виктора): «лежу на томъ же диванѣ, гляжу на куполь Исаакіевскаго собора, освѣщенный солнцемъ, испытываю тѣ же мученія, думаю о тебѣ».

лиша. Настроеніе послѣдняго въ его письмахъ къ Плетневу являлось иногда слишкомъ переменчивымъ, такъ что случалось, что похвалы Плетнева мужеству и терпѣнію, съ какими Кулишъ переносилъ свое несчастіе, вызывали неожиданно цѣлую бурю неудовольствія со стороны послѣдняго, заставъ его въ минуту отчаянія. Въ маѣ 1849 г. Плетневъ писалъ Кулишу: „Ни съ чѣмъ не сравню я утѣшенія, какое доставили мнѣ письмомъ своимъ отъ 14 мая. Въ немъ я встрѣтилъ все, чѣмъ такъ давно усиливался наполнить сердце ваше, потрясенное бурей и долго смущаемое волнами житейскаго моря. Теперь, сколько я долженъ судить по всему заключающемуся въ письмѣ вашемъ, вы достигли благополучной пристани“ и проч... Въ другомъ письмѣ онъ писалъ: „Вы прекрасно сказали, что высшее награжденіе—въ самомъ трудѣ“ и проч. На это послѣдовалъ очень рѣзкій отвѣтъ: „Сытый голоднаго не разумѣетъ. Восхищались люди и умирающимъ гладіаторомъ“ и проч.

Въ концѣ 1849 года Кулишъ уже началъ отчаяваться и терять терпѣніе. Однажды онъ писалъ: „Если надо просить намъ графа Орлова, то увѣдомьте и дайте наставленіе, какъ. Я право, не знаю, о чемъ просить. Я уже перепробовалъ все, и ничего не хотятъ для меня сдѣлать—такъ не лучше ли дать покой себѣ и другимъ и довольствоваться тѣмъ, чего меня не лишили. Притомъ же не знаю, буду ли я счастливѣе съ переменною своего положенія. Я такъ вошелъ въ свою колею, что мнѣ тяжело и подумать о другой. Впрочемъ, какую бы мнѣ надали службу, если только она доставитъ мнѣ средства жить, я ее приму съ благодарностью. Но если и ничего не дадутъ, то не стану ни на кого жаловаться: мнѣ хорошо и такъ на свѣтѣ; жаль бѣдной Саши, но все-таки грѣхъ жаловаться на тоску, когда я очень рѣдко даже припоминаю, гдѣ я и въ какомъ положеніи. Съ утра до вечера я всегда занятъ самымъ пріятнымъ образомъ и желаю одного—чтобъ заниматься такъ вѣчно“.

Черезъ жену доходили до Кулиша извѣстія о другихъ дорогихъ ему людяхъ, хотя и не жившихъ въ Петербургѣ, но находившихся съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Но всего перелать въ письмахъ были невозможно, а часто и неудобно, и потому приходилось многое откладывать до личнаго свиданія: „Сердце мое! мнѣ будетъ нужно много о чемъ рассказать тебѣ при свиданіи“, писала однажды Александра Михайловна мужу. Такъ она рвалась всей душой къ мужу и, въ свою очередь, долго безуспѣшно ждала свиданія съ любимымъ братомъ Василюмъ, который отчасти взялъ на себя потомъ продолженіе хлопотъ и въ началѣ 1850 года такъ извѣщалъ о своихъ предполагаемыхъ дѣйствіяхъ: „въ Петербургѣ буду умолять достопочтеннѣйшаго генерала Дуббелта—оказать вамъ свою милость—перевести васъ въ Москву или дать лучшую должность“. Но долго не удавалось, однако, добиться исполненія не только этихъ просьбъ, но и простого свиданія. Зная нетерпѣливое ожиданіе своей сестры, онъ же съ грустью писалъ ей: „и стувъ колесъ, и визжаніе савей—все обманываетъ твое ожиданіе. Я здѣсь и здѣсь, на дальнемъ сѣверѣ и ни на шагъ не подвигаюсь къ югу“. Наконецъ благодаря отчасти содѣйствію сенатора Кочубея, административная кара была снята съ Кулиша. Но больше здѣсь имѣло вліяніе представленіе Кулиша въ Тулѣ, по желанію губернатора, великимъ князьямъ во время ихъ проѣзда черезъ городъ. 6 сентября 1850 года Кулишъ писалъ Бодянскому: „Совершилъ путешествіе на Куликово поле, нарисовалъ памятники Димитрію Донскому для представленія великимъ князьямъ, во время ихъ проѣзда черезъ Тулу. Сегодня все эго представлено, причемъ я удостоенъ губернаторомъ чести быть представленнымъ ихъ Высочествамъ“¹⁾. Когда онъ получилъ первое извѣстіе объ осво-

¹⁾ Есть въ одномъ заграничномъ изданіи, въ біографическомъ очеркѣ, составленномъ, повидимому, на основаніи сообщеній самого Кулиша, свѣдѣніе о томъ, что Кулишъ, описавъ мѣстную старину во время своего заточенія въ Тулѣ, снабдилъ свой трудъ въ видѣ иллюстраціи археологическими и другими акварелями, и когда императоръ Николай увидѣлъ ихъ, то заинтересовался узнать имя художника. Это обстоятельство будто бы имѣло немалое вліяніе на болѣе раннее прощеніе Кулиша сравнительно съ его товарищами по несчастію.

божденіи черезъ жандармскаго полковника Шварца, (это было 14 декабря 1850 года), радость совершенно лишила его употребленія слова и онъ едва былъ въ состояніи на клочкѣ бумаги написать своей женѣ священное слово: „свобода“; клочекъ этотъ навсегда получилъ съ тѣхъ поръ для супруговъ драгоцѣнное значеніе и сохраняется до настоящаго времени у его вдовы. Плетневъ и другіе друзья Кулиша сочувствовали его освобожденію отъ всей души ¹⁾. Костомаровъ, узнавъ о радостномъ событіи, писалъ Виктору Михайловичу Бѣлозерскому: „Извѣстіе объ освобожденіи Пантелеймона Александровича доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я желаю ему всякаго добра и благополучія, и надѣюсь, что Богъ дастъ ему счастье по кратковременномъ страданіи“ ²⁾.

ХІХ.

Получивъ снова полныя гражданскія права, Кулишъ немедленно поспѣшилъ, конечно, оставить Тулу и перебраться въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ получилъ должность. При первомъ свиданіи съ родными послѣ Тулы, Кулишъ былъ встрѣченъ съ величайшимъ восторгомъ; старая бабушка жены Кулиша, нѣкогда при слухѣ объ арестѣ простоявшая весь молебенъ на колѣняхъ, горько рыдая, теперь при радостной встрѣчѣ бросилась цѣловать руки Александры Михайловны. Какъ выздоровленіе послѣ тяжелой болѣзни бываетъ источникомъ величайшихъ наслажденій, такъ точно необычайное счастье охватило Кулиша послѣ освобожденія отъ ссылки, что было вполнѣ естественно при его энергіи, жаждѣ дѣятельности и скромныхъ требованіяхъ отъ жизни. Въ Тулѣ онъ трудился по цѣлымъ днямъ, и если не предавался любимымъ литературнымъ трудамъ, то работалъ на верстахъ, занимался рисованьемъ и гальванопластикой. И всѣмъ этимъ Кулишъ занимался съ увлеченіемъ, а жена его

¹⁾ Кулишъ былъ тоже въ хорошихъ отношеніяхъ съ Погдинымъ и переписывался съ нимъ; см.—«Жизнь и труды Погодина», IX, 433—435; также VП, 141—145; VШ, 251—252; тамъ же о катастрофѣ 1847 г. XII, 147—150.

²⁾ «Кіевская Старина», 1897, X, 136.

исполняла домашнія работы, помогала мужу, въ чемъ могла, и переписывала его рукописи. При такомъ необыкновенномъ трудолюбіи и самоограниченіи, а особенно при сознаніи еще богатыхъ „свѣжихъ силъ“, оба супруга бодро смотрѣли въ будущее; къ тому же самыя требованія ихъ отъ жизни были легко осуществимы, при условіи только устраненія внѣшнихъ стѣсненій.

Еще въ концѣ своей жизни въ Тулѣ, лишь-только на горизонтѣ загорѣлась заря близкаго освобожденія, Кулишъ уже рисовалъ въ своемъ воображеніи привлекательныя перспективы, хотя и старался принимать на себя видъ равнодушія: „я теперь сдѣлался великимъ философомъ, такъ что равнодушно ожидаю переменъ обстоятельствъ“, писалъ онъ женѣ: „Онѣ не могутъ не перемениться, но когда—это меня мало занимаетъ. Мало-численность нашей семьи заставляетъ меня безопасно думать о будущемъ: много ли надобно двоимъ? Жизнь коротка; надобно въ ней какъ можно больше уловить счастливыхъ ощущеній. Кто умѣлъ наслаждаться въ душѣ чаще и больше другихъ, тотъ и мудрецъ, тотъ понялъ цѣну жизни. Всѣ другіе—жалкіе люди. Мнѣ теперь представляется чудная перспектива въ будущности, потому что я въ уединеніи и въ удаленіи отъ людей успѣлъ освободиться отъ нѣкоторыхъ предубѣжденій и желаній. Именно: если мнѣ дадутъ хорошее мѣсто по службѣ, буду служить, но не карьера къ возвышенію, почестямъ и богатству будетъ моею цѣлью. Оставлю всѣ лишніе труды, сброшу съ плечъ всѣ чиновническія обязанности въ отношеніи къ начальству, удалюсь отъ всѣхъ бесполезныхъ знакомствъ и все свое время отдамъ однимъ искусствамъ! постараюсь въ живописи сдѣлать шагъ, котораго не достааетъ мнѣ, чтобы быть художникомъ, займусь скульптурою, займусь музыкою; стану читать только такія книги, которыя будутъ улаждать мою душу, не обременяя памяти и не томя разсудка! стану учиться крѣпости и умѣнію ни на кого ни за что не сердиться. Право, мнѣ кажется, что я буду съ такимъ порядкомъ жизни и образомъ мысли счастливейшимъ изъ смертныхъ“. Сколько въ этихъ словахъ юношеской бодрости! сколько волшебной заманчивости въ самой неопредѣленности

судьбы въ молодые годы, когда будущность представляется какой-то несмѣтной сокровищницей и грудь дышетъ вольно и радостно!

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Кулишъ какъ бы возродился къ новой жизни; все рисовалось жизнерадостному взору въ самомъ лучезарномъ свѣтѣ, и онъ не могъ нахвалиться ни самой столицей, ни даже нанятой квартирой и всей вновь заведенной обстановкой. Еще въ прежніе годы Пантелеймонъ Александровичъ сильно любилъ Петербургъ, но теперь къ этому присоединилось еще благодатное чувство нравственнаго удовлетворенія, которое, окрашивая все въ розовый цвѣтъ, еще болѣе возвышало въ его глазахъ достоинства столицы. „Викторко расскажетъ вамъ“— писалъ Кулишъ тещѣ,—„какая теперь у насъ прекрасная квартира, хотя мы платимъ только 206 рублей серебромъ въ годъ (съ водою, но безъ дровъ); мебель у насъ, могу сказать, такая, что вы не найдете ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ домовъ въ борзенскомъ уѣздѣ, но все это куплено не вдругъ и не по самому старательному выборѣ. Многое нужно было привести въ надлежащій видъ послѣ покупки, и это мнѣ стоило не малыхъ хлопотъ, но зато мало-по-малу устраиваемъ себѣ комфортъ, какого только можетъ пожелать цивилизованный человѣкъ... Сторы вышли образцовыя. Комнаты хотя меблированы и снабжены всѣмъ необходимымъ, но далеко не доведены еще до того совершенства, въ какомъ онѣ будутъ со временемъ. Такъ, напримѣръ, плющъ оббиваетъ у насъ только одно окно, а надобно, чтобы по всѣмъ стѣнамъ, гдѣ окна, была раскинута кудрявая зелень... Въ Петербургѣ можно достать богатѣйшія вещи, имѣя постоянно запасныя деньги и пользуясь разными представляющимися неожиданно случаями. Этой системы я рѣшился держаться, и увѣренъ, что у насъ со временемъ все, относящееся къ удобству и пріятностямъ жизни, будетъ въ самомъ лучшемъ видѣ“. Въ эту минуту Кулишъ до такой степени былъ счастливо настроенъ, что душевное довольство его ярко отражается почти въ каждомъ письмѣ. Онъ готовъ прославлять не только удобства интеллектуальной жизни въ столицѣ, но

даже погоду и удачныя мелкія покупки. Однажды онъ съ восторгомъ писалъ В. М. Бѣлозерскому: „Мы благоденствуемъ! Какое солнце свѣтитъ въ наши окна и играетъ по полу, по книгамъ и по стѣнамъ тѣнью плющей! Эга осень будетъ достопамятна для Петербурга... Въ книжномъ царствѣ я нашель и купилъ нѣсколько очень нужныхъ книгъ и притомъ очень дешево“. Заботы о внѣшнемъ комфортѣ были теперь пріятны уже потому, что дѣло касалось постоянного устройства на опредѣленномъ мѣстѣ. 1)

Недостатокъ въ книгахъ и въ живой бесѣдѣ съ людьми, интересующимися наукой и особенно прошлымъ Украйны, сильно чувствовался во время пребыванія въ Тулѣ, и это неудобство, разумѣется, также совершенно исчезло въ Петербургѣ, когда Кулишъ снова получилъ доступъ во всѣ архивы и библіотеки. Прежде ему приходилось съ трудомъ выписывать самыя необходимыя книги черезъ В. М. Бѣлозерскаго и Бодянскаго 2). До какой степени Кулишъ могъ себя чувствовать и въ этомъ отношеніи удовлетвореннымъ по переѣздѣ въ Петербургъ и какъ онъ этимъ воспользовался, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ словъ составленной для насъ записки о знакомствѣ съ нимъ одного изъ близкихъ пріятелей, художника Л. М. Жемчужникова. 3) Вотъ чтó пишетъ г. Жемчужниковъ: „Познакомился я съ нимъ въ началѣ пятидесятихъ годовъ, какъ и черезъ кого—не помню. Въ то время онъ былъ въ загонѣ у правительства и не имѣлъ права писать статьи, и помѣщалъ свои замѣтки, статьи и повѣсти не подъ своимъ именемъ, но подъ именемъ Николай М.

1) Уже въ Тулѣ у Кулиша явилась мысль о приобрѣтеніи домика и фортеціано.

2) И даже журналы, издаваемые его друзьями, какъ напр. «Современникъ» и Чтенія въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей» доставлялись ему неаккуратно; по самому незначительному поводу надо было кого-нибудь просить, давать порученія.

3) См. также въ письмахъ И. С. Аксакова. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. III, стр. 40, 42.

(Это былъ Николай Яковлевичъ Макаровъ, человѣкъ чрезвычайно хорошій, добрый и благородный, принимавшій въ Кулишѣ горячее участіе, а такъ какъ онъ былъ близокъ къ старикамъ Кочубеямъ, Демьяну и Александру Васильевичамъ,¹⁾ то пользовался ихъ вліяніемъ, чтобы облегчить судьбу Кулиша.) Я познакомился съ Пантелеймономъ Александровичемъ въ Петербургѣ. Жилъ онъ скромно, и я нашелъ въ немъ то, чего искала моя душа, горячо полюбившая Малороссію со всею ея исторіей, пѣснями, обычаями, одеждой,—словомъ, полюбилъ въ ней все, все безъ исключенія. Кулишъ посѣщалъ меня рѣдко въ моей уединенной, такъ сказать секретной, мастерской, въ саду на Васильевскомъ Острове. Тамъ онъ мнѣ читалъ свои произведенія, думы народныя, и мы вдвоемъ засиживались нерѣдко за полночь. Въ это время онъ подарилъ мнѣ „Исторію Малороссіи“ (имѣ написанную маленькую книжку), и думы, собранныя имъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. То и другое предназначалось пустить въ народъ и публику, но то и другое цензурой не было до этого допущено. Экземпляры же, къ сожалѣнію, у меня сгорѣли въ числѣ многихъ, составляющихъ теперь рѣдкость.

XX.

Изъ предыдущаго видно, насколько Кулишъ былъ удовлетворенъ новой обстановкой и измѣнившимися условіями жизни. Это внутреннее удовлетвореніе оказало самое благотворное вліяніе на его дѣятельность, и въ томъ числѣ служебную; по протекціи А. В. Кочубея и П. А. Плетнева, онъ получилъ вскорѣ должность редактора статистическаго отдѣленія²⁾, которой по

¹⁾ Черезъ мать своей жены.

²⁾ По официалънымъ даннымъ, Кулишъ былъ перемѣщенъ въ департаментъ сельскаго хозяйства 24 іюня 1851 года, а должность редактора статистическаго отдѣленія занималъ съ 1 іюля 1851 года по 22 октября 1852 года и уволенъ отъ службы по прошенію, вслѣдствіе болѣзни, 11 февраля 1854 года.

своей натурѣ отдавался съ увлеченіемъ. Служба казалась ему нетрудной, но въ Отдѣленіи, при его вступленіи, дѣла оказались сильно запущенными, такъ что явилась необходимость „привести дѣла его въ порядокъ и наблюдать за трудами подвѣдомственныхъ чиновниковъ“. Новость эта была не особенно пріятной для его жены, привыкшей постоянно дѣлится съ нимъ все свое время, живя общими съ нимъ интересами. Но здѣсь на помощь явилось искусство: было куплено давно страстно желаемое фортепьяно, и она могла вполне предаваться своей любви къ музыкѣ. И долго не могъ Кулишъ привыкнуть къ выгодамъ своего новаго положенія, восхищаясь имъ. Жажда дѣятельности заговорила въ немъ съ необыкновенной силой: мало того, что онъ занимается службой, совмѣстнымъ съ женой чтеніемъ классическихъ произведеній всемірной литературы, гальванопластикой, живописью,—онъ постоянно находится въ движеніи и не забываетъ мелочей окружающей обстановки, посвящая крохи свободнаго времени улучшенію своего скромнаго домашняго комфорта, устраивая все вокругъ по своему вкусу. Въ каждой строкѣ писемъ чувствуется, что человекъ ожилъ и природная энергія вновь забила въ немъ ключемъ, сообщаясь неволью и окружающимъ. Подъ вліяніемъ Кулиша жена его много читаетъ, изучаетъ французскій языкъ, а самъ Кулишъ, уже въ Тулѣ энергично предавшійся изученію итальянскаго и немецкаго языковъ, находитъ еще время изучать англійскій языкъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ какъ собственному влеченію, такъ и доброжелательнымъ совѣтомъ Костомарова, который такъ же склонялъ его къ изученію древнихъ языковъ. Въ одномъ письмѣ Костомарова къ Виктору Бѣлозерскому еще въ 1848 г. находимъ между прочимъ слѣдующія строки: „Если будете писать Кулишу и Василию Михайловичу, передайте обоимъ отъ меня искреннѣйшее желаніе всякаго земнаго счастья и нравственнаго совершенства, да сверхъ того Кулишу совѣтъ мой завяжутся древними языками, въ особенности греческими: Пантелеймонъ Александровичъ, безпорно, созданъ, для изящной литературы, слѣдовательно лучше не можетъ онъ употребить вре-

мени своего изгнанія, какъ на образованіе вкуса, который ничѣмъ такъ не улучшается, какъ правильнымъ изученіемъ античнаго міра и чтеніемъ вѣковыхъ изящныхъ произведеній, заслуживающихъ справедливое удивленіе народовъ¹⁾ Что Костомаровъ хорошо понималъ и цѣнилъ дарованія своего друга и умѣлъ правильно опредѣлять его призваніе, это несомнѣнно, но относительно греческаго языка совѣтъ Костомарова не былъ имъ выполненъ въ той степени, въ какой это представлялось необходимымъ послѣднему. Кулишъ, превосходно изучившій, кромѣ русскаго и малороссійскаго языка, также польскій, нѣмецкій, французскій и знавшій языки латинскій, итальянскій, англійскій, еврейскій и испанскій, значительно меньше былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ.

Возвращаемся къ прерванному разсказу. Мы видѣли, что Кулишъ вновь нашелъ смыслъ и радость существованія и наслаждался дѣятельной жизнью, какъ необыкновеннымъ райскимъ счастьемъ. Заботясь о покупкѣ фортепіано, выписывая интересующія его книги, штудиря англійскій языкъ, онъ убѣжденъ былъ, что все это дѣла, не терпяція отлагательства, и что „хорошо бы было выиграть даже недѣлю при наступившей чудной погодѣ и при такомъ расположеніи жены къ музыкѣ, а меня къ джонулизму“. Весной слѣдующаго (1852) года, поздравляя тещу съ праздникомъ Пасхи, Кулишъ пишетъ: „у насъ, слава Богу, всегда весело. Погода началась весенняя, и мы помышляемъ о дачѣ. Дача имѣетъ въ Петербургѣ особенную прелесть. Несмотря на сѣверный климатъ, нигдѣ вы въ Малороссіи не увидите, какъ здѣсь, столько цвѣтовъ на дачахъ. Люди здѣсь болѣе умѣютъ дорожить благотворною теплотою солнца и самыми лучшими цвѣтами. Здѣсь стоитъ только заплатить деньги—такъ и принесутъ и приберутъ такъ, какъ самому не придетъ и въ голову. Мы же, слава Богу, въ деньгахъ не нуждаемся и умѣемъ ихъ довольно не только на необходимое, но и на разныя удовольствія“. Вскорѣ, однако, Кулишъ долженъ былъ отка-

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897, X, 133.

заться отъ такого безусловнаго прославленія Петербурга: „Благословенный Петербургъ, если-бъ только онъ не стоялъ въ болотѣ!“—говоритъ онъ: „но жалкое мѣсто здѣшнее просто мучительно: невозможно описать томленіе, которое овладѣваетъ моею душою, когда я вижу первые пожелтѣвшіе листья, тогда какъ лѣто только обѣщало наступить, но не наступило. Деревья остаются жидкими до самой осени, какъ у насъ бываетъ раннею весною. Вотъ что всего убійственнѣе для человѣка, который работаль всю зиму и желаетъ лѣтомъ освѣжить силы въ прохладѣ садовъ и рощъ. Здѣсь есть только сырость, а прохлады нѣтъ“.

XXI.

Въ своемъ свѣтломъ, ликующемъ настроеніи Кулишъ съ особеннымъ участіемъ помнилъ о томившихся въ ссылкѣ друзьяхъ и съ обычной теплой отзывчивостью относился къ нуждамъ тѣхъ, кому случалось обратиться въ нему съ какой-нибудь просьбой, въ особенности если дѣло касалось историко-литературныхъ интересовъ или лицъ, имъ служившихъ.—Въ этомъ отношеніи у Кулиша рано выработался принципъ, постоянно высказываемый имъ, когда что-либо подавало къ тому поводъ,—что въ интеллектуальномъ трудѣ эгоистическіе интересы личной выгоды и репутаціи должны уступать мѣсто безкорыстному служенію общему дѣлу, служенію идеѣ. ¹⁾ У него были любимыя изреченія, имѣвшія прямое или косвенное отношеніе къ этому принципу, какъ напр. „жатва многа, а дѣлателей мало“, „*magna est veritas et praevalebit*“ ²⁾ и проч. Въ силу этого принципа онъ употребилъ

¹⁾ „Кіевская старина“, 1897, X, 133.

¹⁾ Впрочемъ, случалось Кулишу волноваться по поводу недоразумѣнія съ Срезневскимъ, изъ-за украинскихъ пѣсенъ, записанныхъ первымъ и будто-бы присвоенныхъ послѣднимъ.

²⁾ Однажды Кулишъ такъ высказался въ этомъ отношеніи: «будущее время постоитъ само за себя; не бойтесь: его не собьете разными воззрѣніями, ибо *magna est veritas et praevalebit*. См. Кіев. Стар. 1897 г., X, 396, а также XII, 437.

въ продолженіе своей жизни массу времени на труды безыменныя, совершенно безкорыстныя во всѣхъ отношеніяхъ. Каждый развитой и не чуждый высшихъ интересовъ начинающій писатель, ученый, интересующійся дѣломъ студентъ—свободно могли найти благосклоннаго и доброжелательнаго брата. Это часто чувствуется въ самомъ тонѣ упоминаній о Кулишѣ разныхъ лицъ. ¹⁾

XXII.

Лѣтомъ 1852 года удалось Кулишу осуществить свое давнее завѣтное желаніе погостить съ женой у тещи въ Малороссіи. Въ это время у него и у жены мелькала даже мысль совершенно оставить Петербургъ и переселиться навсегда въ Малороссію. Въ объясненіе этого обстоятельства слѣдуетъ замѣтить, что отношенія Кулиша къ Петербургу и Малороссіи всегда отличались замѣчательной перемѣнчивостью. Такъ, 9 марта 1853 года онъ извѣщалъ Бодянского о своемъ намѣреніи перѣхать навсегда въ Малороссію, а 23 октября того же года *ему же* писалъ, что онъ никогда не будетъ въ состояніи оставить Петербургъ. Точно также и теперь (въ 1852 г.) онъ рѣшилъ покинуть Петербургъ, причемъ сборы его были такъ энергичны и поспѣшны, что жена Кулиша писала: „Половина мебели уже уложена, ожидаемъ погоды. Плетневы завидуютъ намъ,

¹⁾ Такъ, въ письмѣ одного студента петербургскаго университета, Алексѣя Тихменева, напечатанномъ въ «Кіевской Старинѣ», читаемъ слѣдующія строки, мимоходомъ рисующія отношенія Кулиша къ этому юношѣ: «Пантелеймонъ Александровичъ, знакомствомъ котораго я имѣю честь пользоваться, и Василій Михайловичъ, котораго я на дняхъ имѣлъ удовольствіе видѣть у Пантелеймона Александровича, ободрили меня и заставили рѣшиться написать вамъ это письмо, увѣривъ меня, что вы благосклонно примете его и почтите меня вашимъ отвѣтомъ, оживленнымъ участіемъ къ Николаю Ивановичу и Татьянѣ Петровнѣ Костомаровой». (См. «Кіевскую Старину», 1897, X, 140).

что мы уѣзжаемъ, и удивляются искусству Пантелеймона Александровича укладывать мебель“¹⁾ и проч. Поѣздка въ Малороссію была для Кулиша источникомъ давно неиспытанныхъ любимыхъ наслажденій, которымъ онъ предавался теперь отъ всей души. Съ необыкновенной живостью и съ поэтическимъ воодушевленіемъ описываетъ онъ прелесть своей горячо любимой родины въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому: „Что за чудный климатъ въ этой сторонѣ! Здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ что-то подобное Пушкинскому „ключу забвенія“, который... „слаще всѣхъ жаръ сердца утолить“. Ѣдешь степью, по дорогѣ, ровной какъ столъ, дышешь полной грудью, довѣрчиво дышешь... и ничего не желаешь. Въдъ это чудное состояніе души—не желать ничего!.. Ничего не помнишь, ни о чемъ не жалеешь, чувствуешь только, что жизнь, т. е. просто ощущение бытія—драгоценнѣйшій даръ Провидѣнія, источникъ всѣхъ радостей, всѣхъ поэтическихъ движеній сердца. Это сознаешь постоянно, подъ влияніемъ живительнаго движенія степного воздуха и полного произвола въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ городахъ, и особенно въ большихъ городахъ, гдѣ люди оспариваютъ другъ у друга каждый шагъ и на нѣсколькихъ квадратныхъ саженихъ строятъ тысячи своихъ затѣй, отревшись отъ простой природы, вытѣснивъ ее совершенно душевною цивилизаціей,—человѣкъ никогда не добудетъ этого чувства изъ-подъ груди разныхъ ощущеній, бременающихъ его сердце.. Петербургъ опротивѣлъ мнѣ, наконецъ, смертельно. Не умѣю вамъ рассказать, какъ я тосковалъ по своимъ густымъ широкошумнымъ деревьямъ, глядя на жидкія березы и липы, на печальныя ели петербургской природы. За то теперь я упоенъ до пресыщенія шумомъ украинскихъ дубровъ. И нигдѣ, кажется, онѣ такъ

¹⁾ Въ слѣдующемъ году были же такіе сборы. 13 апрѣля 1853 г. Кулишъ опять писалъ Водянскому: „Мы собираемся въ путь-дорогу съ тѣмъ, чтобы прожить въ Малороссіи лѣто, зиму и лѣто. Сборы наши будутъ лишніи, потому что мы отправляемъ въ Малороссію лучшую мебель, книги и разныя вещи“. (Кіевск. Стар., 1897, XI, стр. 270).

не хороши, какъ въ Лубнахъ и ихъ окрестностяхъ. Собственно городъ, т. е, главная улица въ Лубнахъ, съ базаромъ, аптекою и проч. имѣетъ пошлую наружность, но лишь своротите въ сторону, въ тѣ улицы или, лучше сказать, захопустья, съ которыми *порядокъ* не въ силахъ справиться, вамъ представляется множество самыхъ романическихъ скатовъ, съ живописными мазанками, съ природными рощами и, кажется, также природными садами, съ разнообразными тропинками, плетнями, перелазами, и все это подѣлено на такіе картинные планы, которыхъ никогда не выдумать воображенію художника. Для меня всего утѣшительнѣе здѣсь этотъ дикій беспорядокъ линіи, эта безпечная неправильная жизнь на распахну, это странное смѣшеніе грязнаго и убитаго съ раскошнымъ и блистающимъ. Кажется, эти мягкіе клены не горѣли бы такъ ярко на солнцѣ вдоль стѣны богатаго дома, какъ надъ ветхимъ корытомъ, у котораго толпятся коровы и босые, въ лохмотьяхъ, пастухи“...

Такъ живо отражается художественная натура Кулиша въ его письмахъ. Читая ихъ, не только живо и ясно представляешь себѣ описываемое, но переживаешь и впечатлѣнія, и чувства автора-художника,—до такой степени прозрачно и отрадно свѣтится въ каждомъ словѣ чистое, счастливое настроеніе души, такъ все это согрѣто любовью и свѣтлымъ задушевнымъ сочувствіемъ. И во многомъ, что, можетъ быть, не обратило бы на себя ни малѣйшаго вниманія зауряднаго и болѣе равнодушнаго наблюдателя, поэтически настроенный Кулишъ относится съ живымъ участіемъ, умѣя мыслящимъ взоромъ находить достопримѣчательное въ предметахъ, повидимому, самыхъ обыкновенныхъ. По поводу какой-нибудь незначительной встрѣчи съ слѣпцомъ-нищимъ онъ въ частномъ, случайно сохранившемся письмѣ, даетъ цѣлый художественно-этнографическій очеркъ, который мы позволимъ себѣ здѣсь привести. „Устроивъ кое-какіе дѣла въ Лубнахъ, пустились мы далѣе въ степи. Первый предметъ, привлекшій къ себѣ мое вниманіе на пути нашемъ, былъ нищій—слѣпецъ, просившій милостыни, сидя надъ дорогой. Здѣсь нищіе поютъ, а не говорятъ свою просьбу, и Лубенскій уѣздъ славится

трогательностью этого рода напѣвовъ. Слѣпецъ сидѣлъ подъ горою, и я, поднимаясь медленно вверхъ, долго слушалъ его стихи, направленные на чувствительность прохожихъ. Будучи горожаниномъ и человѣкомъ, что называется, цивилизованнымъ, я не вдругъ поддался его просьбѣ. Мы, жители Петербурга, нищихъ не терпимъ, и не терпимъ подѣломъ, но напѣвъ лубенскаго старца до того проникнулъ въ мое сердце, что я остановилъ лошадей на горѣ и сбѣжалъ внизъ, чтобы подать ему милостыню. Случилось, что вслѣдъ за нами вѣхали съ ярмарки нѣсколько телѣгъ. Нищій, слыша стукъ колесъ, не переставалъ напѣвать свое воззваніе къ состраданію ближнихъ, и я записалъ его вопль въ своей книжкѣ. Меня плѣвила эта естественная поэзія чувства, не прибѣгающая ни къ какимъ украшеніямъ. 1) Нищій объясняется съ вами здѣсь благородно и убѣждаетъ васъ удѣлить ему отъ своего избытка съ такимъ достоинствомъ, какъ и тѣ люди, которые сдѣлались нищими для спасенія міра отъ пагубнаго эгоизма. По крайней мѣрѣ, я былъ пораженъ человѣчностью его плача“.

Наконецъ, Кулишъ съ любовью сына Украйны описываетъ приднепровскую равнину: „Кругомъ пустыня и безмолвіе. Здѣсь можно задуматься глубоко—ничто не помѣшаетъ. Ъдемъ десять, двадцать, пятьдесятъ верстъ—только небо да земля. Небольшія удоля, могилы, хутора и скирды сѣна въ степи исчезаютъ въ огромныхъ размѣрахъ площади, со всѣхъ сторонъ замкнутой небосклономъ. Наконецъ, на краю горизонта, вырѣзывается разорванная гряда синихъ холмовъ. Это задднепровскія горы—отдаленный предѣлъ нашей поѣздки. Онѣ кажутся берегами острова, омываемаго золотисто-зеленымъ океаномъ. Съ минуты ихъ появленія перестаешь вглядываться въ пастушьи хижины, съ двумя-

1) Ср. съ этимъ впечатлѣніемъ отъ малороссійскихъ нищихъ у И. С. Аксакова («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», т. III. стр. 80: «Очень жалѣю, что я не музыкантъ, а то бы непременно положилъ на музыку ихъ пѣніе, совершенно отличное отъ пѣнія нашихъ нищихъ и довольно пріятное»).

тремя деревьями вокругъ, з стада овецъ, рогатаго скота и лошадей, которыя кажутся брызгами другихъ красокъ, случайно упавшими на широкіе мазки великанской кисти. Тутъ еще миниатюрнѣе дѣлаются слѣды человѣческой дѣятельности въ этомъ, можно сказать, необитаемомъ краю. Для путника, незнакомаго съ нимъ, синяя кайма горъ, выглядывающихъ изъ-за обрѣза степи, кажется великанскимъ лѣсомъ, поднявшимся внезапно на безлѣсной равнинѣ; а бывалому они напоминаютъ роскошную панораму низменной днѣпровской равнины, извивающейся вдоль огромнаго ряда горныхъ пейзажей, нежели какой существуетъ гдѣ-либо въ картинныхъ галереяхъ. Днѣпръ для меня здѣсь кажется чѣмъ-то священнымъ и возбуждаетъ во мнѣ чувство, близкое къ фетишизму“.

XXIII.

Красота малороссійской природы снова пробудила въ Кулишѣ стремленіе приобрести себѣ уютный уголокъ на родинѣ. Въ бытность свою въ Тулѣ, не будучи въ состояніи слѣдить лично за ходомъ дѣлъ въ деревнѣ и опасаясь злоупотребленій, о которыхъ не разъ доносились до него слухи, Кулишъ задумалъ, такъ сказать фиктивно, продать свое имѣніе отцу своего школьнаго товарища Чуйкевича съ тѣмъ, чтобы онъ не отказался перепродать его, когда, наконецъ, будутъ возвращены изгнанникамъ ихъ гражданскія права. Подъ впечатлѣніемъ малороссійской поѣздки Кулишъ, какъ мы видѣли, уже не одобряетъ петербургской весны, похожей развѣ на малороссійскую осень; теперь онъ хвалитъ уже преимущественно тамошнюю зиму. Ему очень понравилось изящное помѣстье на Михайловой горѣ,¹⁾ но о покушкѣ его нечего было и думать, и пришлось, спрятавъ въ карманъ свои эстетическія увлеченія, помириться на чемъ-нибудь болѣе

1) Хуторъ М. А. Максимовича на берегу Днѣпра въ Полт. губ., Золотонош. у.

доступномъ и скромномъ. „Жаль мнѣ Михайловой горы!“—писалъ онъ,—„но она только брала бы съ насъ деньги, а намъ ничего, кромѣ эстетическихъ впечатлѣній, не доставляла. Здѣсь же мы будемъ имѣть независимый кусокъ хлѣба. Такъ-то я, при всей привязанности ко всему изящному и поэтическому, долженъ иногда отдавать преимущество холодной расчетливости, и хорошій черноземъ съ сѣнокосами и лѣсомъ предпочесть живописнымъ, но голоднымъ мѣстамъ. Будь у меня сто тысячъ въ карманѣ, я бы половину положилъ въ банкъ, а на другую построилъ бы себѣ на Михайловой горѣ итальянскую виллу; но, какъ такового количества денегъ, волею судьбы, въ моемъ карманѣ не обрѣтается, то я долженъ смириться до смиреннаго пахарскаго хутора и радоваться, что могу ѣсть собственные вареники и пить собственные наливки. Изящное же отъ насъ не уйдетъ: мы его отыщемъ и за тридевять земель и возьмемъ съ него свою взятку, какъ пчела съ цвѣтка“.

За покупкой земли послѣдовали заботы о покупкѣ домика и о возможности зимою дѣлать наѣзды въ Мотроновку. Впрочемъ и Мотроновкой Кулишъ былъ уже доволенъ: „оставивъ Мотроновку, я какъ-будто оставилъ какой-то рай. Она полна блаженствомъ беззаботности, и окрестности ея не имѣютъ ничего себѣ подобнаго.“ Здѣсь съ тѣхъ поръ Кулишъ считалъ свою главную осѣдлость, а пока оставались съ нами теща Кулиша и Викторъ Михайловичъ Бѣлозерскій, недавно переселившійся туда изъ Петербурга.

По возвращеніи въ Петербургъ, Кулишъ, „безъ всякихъ контраверсій раздѣлался передъ начальствомъ за свою просрочку“ и снова погрузился въ дѣятельную жизнь.

Изъ поѣздки на родину Кулишъ возвратился раньше жены, которая осталась у матери до зимы, и по обыкновенію вскорѣ сильно соскучился по ней, а къ концу своей разлуки съ ней сталъ ждать ее съ такимъ нетерпѣніемъ, что рѣшилъ никогда съ ней больше не разставаться. „Но вотъ“—писалъ онъ тещѣ, „не сегодня—такъ завтра она засілетъ въ моей квартирѣ, которая безъ нея кажется тюрьмою. А убралъ я наше новое жи-

лице очаровательно. Каждая вещь уже на своемъ мѣстѣ. Разные хозяйственные запасы, какъ-то: сахаръ, рисъ, пряные коренья, а также и дамскія бездѣлушки закуплены, такъ что кажется, будто хозяйка отлучалась только на одинъ часъ изъ дому и вотъ-вотъ позвонитъ на лѣстницѣ въ колокольчикъ. Но проходятъ часы за часами и дни за днями, она до сихъ поръ не звонитъ, моя милая барышня“ (такъ любилъ Кулишъ называть свою жену въ воспоминаніе перваго знакомства съ ней). „Я сижу безвыходно дома въ надеждѣ, что съ каждымъ поѣздомъ по желѣзной дорогѣ прилетитъ и она на огненной кобылицѣ, а ея нѣтъ и нѣтъ! Сколько экипажей, сколько санокъ проѣзжаетъ мимо моихъ оконъ по Большой Морской, и ни одни глаза не устремляются съ любящимъ нетерпѣніемъ въ домъ Елисеева! Кому какая надобность, что здѣсь человекъ по цѣлымъ часамъ смотритъ въ окна и подъ каждую шляпой старается еще узнать черты Мотроновской барышни“!

Кулишъ попрежнему продолжалъ свою службу въ комитетѣ и сверхъ того предпринялъ цѣлый рядъ новыхъ литературныхъ работъ, къ числу которыхъ принадлежали разныя компиляціи изъ книгъ нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и польскихъ, при чемъ самою замѣчательною нельзя не считать его „Исторію Испанской литературы“. Испанскимъ языкомъ онъ занимался особенно въ Петербургѣ уже въ 1851 г. и тогда же сталъ изучать испанскую литературу, начавъ съ „Донъ-Кихота“, и читать испанскія историческія сочиненія. „Но практическаго приложенія изъ своего язычества“,—писалъ онъ въ 1852 г. Бодянскому, „я еще не сдѣлалъ... При всѣхъ моихъ стараніяхъ, я все еще не приобрѣлъ права или возможности поставять въ какой-нибудь журналъ переводы и живу однимъ жалованьемъ“. ¹⁾ Но не одно это практическое соображеніе руководило здѣсь Кулишемъ, какъ видно изъ того, что непосредственно послѣ этихъ строкъ Кулишъ просилъ Бодянскаго отрекомендовать его въ ученики

¹⁾ «Кіевск. Стар.» 1897, XI, стр. 263.

по древнимъ языкамъ возвращавшемуся тогда въ Петербургъ изъ временной отлучки профессору Коссовичу и извѣщаль уже о сдѣланныхъ имъ успѣхахъ въ изученіи классическаго міра.

Кромѣ того, онъ много переводилъ съ тѣхъ же названныхъ иностранныхъ языковъ. Будучи доволенъ своими дѣлами и пріисканіемъ новой удачной квартиры, Кулишъ сообщаетъ одному изъ родственниковъ: „Слава Богу, все идетъ покамѣстъ успѣшно. Что касается до кабинетной части, то здѣсь я самъ и вѣдокъ, и станціонный смотритель; оставовки у меня не бываетъ, и я пробѣгаю въ сутки такое пространство, какое самъ себѣ предвечертаю. Дѣло идетъ у меня живо, и вы скоро будете имѣть вѣсти о моихъ новыхъ трудахъ“. Къ этимъ трудамъ, какъ потомъ оказалось, принадлежали дѣйствительно капитальныя работы Кулиша: „Записки о южной Руси“ и „Опытъ біографіи Гоголя“. „Очаровательный Петербургъ!“—продолжаетъ Кулишъ— „сколько здѣсь для всего находишь времени! какою чудною силою наэлектризованъ здѣсь человѣкъ! Какъ вѣрно исполняются расчеты на возможное въ нашихъ обстоятельствахъ! Если-бы мнѣ какъ-нибудь поладить съ его климатомъ, то я бы никогда не разстался съ нимъ навѣки. Даже мои сдѣлали слѣдующее весьма справедливое замѣчаніе,—что здѣсь трудишься изо всѣхъ силъ и чувствуешь себя совершенно спокойнымъ и довольнымъ; а въ Малороссіи сидишь сложа руки, лѣнишься, сколько душѣ угодно, не заботишься ни о чемъ, и часто мучишься или досадою, или скукою, или недовольствомъ и собой, и людьми. Мы рѣшились ограничить кругъ своихъ знакомыхъ, но бывать регулярно у нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы не отставать отъ свѣта и его требованій“.

12 марта 1853 года Кулишъ писалъ тещѣ изъ Петербурга, что по пріѣздѣ въ Малороссію онъ непременно отправится на берегъ Днѣпра и устроить тамъ себѣ помѣщеніе, а потомъ заѣдетъ за женой и вмѣстѣ будутъ наблюдать за постройкой домика. Для этой цѣли онъ досталъ у знакомыхъ прекрасный планъ дома, но вмѣсто фантастическаго домика на Днѣпрѣ пришлось

строиться въ Баньщинѣ у М. Т. Симонова, гдѣ потомъ онъ непрерывно проводилъ лѣто. ¹⁾

XXIV.

Въ это время Кулишъ усиленно трудился надъ разысканіемъ и собираніемъ писемъ Гоголя для составленія его біографіи. Ему нетрудно было получить ихъ отъ Плетнева, Н. Д. Бѣлозерскаго ²⁾ и нѣкоторыхъ другихъ своихъ друзей, но затѣмъ предстояло завязывать новыя знакомства и отношенія, добиваться рекомендацій, вступать въ переписку со многими незнакомыми лицами. Здѣсь, разумѣется, его ожидало также немало трудностей и разочарованій: надо было преодолѣть недовѣрчивость или просто нежеланіе дѣлиться драгоценными матеріалами. Между прочимъ Кулишъ употреблялъ для достиженія своей цѣли слѣдующій приемъ, имѣвшій обыкновенно большой успѣхъ. Заручившись коллекціею въ количествѣ трехъ или четырехъ десятковъ писемъ, онъ охотно сообщалъ ихъ въ копіяхъ друзьямъ и близкимъ знакомымъ Гоголя, а равно передавалъ и свои разнообразныя, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ данныя и взамѣнъ получалъ подлинники или копіи писемъ Гоголя къ этимъ именно лицамъ. „У меня собралось десятка три-четыре болѣе или менѣе важныхъ писемъ Гоголя,“ писалъ онъ Бодянскому, — „которыя составятъ интереснѣйшія страницы въ моемъ сочиненіи. Думаю, что если я сообщу копіи онаго господамъ Аксаковымъ, то они добудутъ мнѣ еще кое-что или, по крайней мѣрѣ, что-нибудь въ моей рукописи дополнять и исправять“. ³⁾ Кулишъ ожидалъ при этомъ дружескаго содѣйствія въ сношеніяхъ съ Аксаковыми отъ Бодян-

¹⁾ По словамъ галицкаго журнала «Правда», на эту покупку Кулишу далъ денегъ П. А. Плетневъ (1868, стр. 311).

²⁾ Н. Д. Бѣлозерскій зналъ Гоголя, когда послѣдній еще учился въ Нѣжинѣ.

³⁾ „Кіевская Старина“, 1897, XII, 450.

скаго. Но Бодянский, почему-то съ нѣкотораго времени начавшій таготиться порученіями и просьбами Кулиша, кажется, и на этотъ разъ пробоваль отговориться, ссылаясь на свое несогласіе съ проектомъ, выраженнымъ въ письмѣ Кулиша. Можетъ быть, онъ потому относился теперь холодно къ желаніямъ Кулиша, что послѣдній, строго сохраняя свое литературное инкогнито, хлопоталь не за себя лично, а за другое, неизвѣстное Бодянскому, лицо, именно за Николая Я. Макарова. ¹⁾ Кулишъ, однако, слишкомъ большую цѣну придаваль занимавшему его литературному дѣлу и рѣшился парировать возраженія: „Откладывая въ сторону всѣ недоразумѣнія—и да погибнетъ память ихъ съ шумомъ!—буду бесѣдовать съ вами о томъ, что важнѣе временныхъ нашихъ нуждъ, удовольствій и неудовольствій. Я думаю, что худа оттого не будетъ, если я сообщу господамъ онымъ копію вышеупомянутаго сочиненія, а польза можетъ быть. До охоты и неохоты, съ которою они сдѣлаютъ въ немъ поправки и дополненія, мнѣ мало нужды, ибо я прошу у нихъ этого не по имя свое, а во имя того, которому недостойнъ есмь развязать ремень у обуви“. ²⁾ Въ концѣ концовъ, Кулишу удалось устроиться помимо Бодянскаго, и тогда онъ извѣщалъ его объ успѣхѣ своего дѣла. ³⁾ Въ дѣйствительности, Аксаковы отнеслись къ Кулишу съ самымъ теплымъ доброжелательствомъ и осыпали похвалами его трудъ. Мрачныя предсказанія Бодянскаго оказались не имѣющими ни малѣйшаго основанія. При личномъ свиданіи Кулишъ вынесъ такое отрадное впечатлѣніе отъ личности С. Т.

¹⁾ Именемъ послѣдняго Кулишъ пользовался для того, чтобы въ случаѣ какихъ-нибудь официальныхъ запросовъ, Макаровъ могъ принять на себя номинальное авторство.

²⁾ Тамъ же, стр. 450—451.

³⁾ Въ подобныхъ случаяхъ Кулишъ умѣль тонко дать почувствовать свое недовольство. Однажды онъ писалъ Бодянскому: „Ошибшись такъ неловко въ своей увѣренности, я отнынѣ буду разборчивѣе въ своихъ просьбахъ къ вамъ, и въ этомъ случаѣ буду уже соображаться не съ чувствомъ дружеской расположенности, которое—какъ вижу—улетучивается, подобно эфирному маслу, а съ вашими существенными выгодами“. („Кіевская Старина“, 1897, XII, 449).

Аксакова и его сыновей, что всегда потомъ вспоминать съ удовольствіемъ о немъ и его семействѣ; о первомъ же, въ одномъ письмѣ къ кн. Н. В. Шаховскому онъ сказалъ въ послѣдствіи, что онъ былъ „чудо изъ чудесъ, юноша въ сѣдинахъ, горячій ко всякой полезной предпріимчивости“. 1) Кромѣ своей общей симпатичности, С. Т. Аксаковъ привлекъ къ себѣ сердце Кулиша еще особенно тѣмъ, что онъ былъ прекраснымъ знатокомъ украинскихъ пѣсенъ и часто просилъ мадамъ Кулишъ пѣть пѣсни „по дивочому“, а потомъ „по старушечьи.“ Въ большомъ восторгѣ былъ также Кулишъ и отъ сыновей Аксакова, особенно отъ „Консты“, т. е. Константина Сергѣевича.

Кулишъ горячо сочувствовалъ литературнымъ успѣхамъ всѣхъ Аксаковыхъ, но особенно наиболѣе любимаго имъ Сергѣя Тимофѣевича. „А вѣдь воспоминанія Аксакова—прелесть!“—писалъ Кулишъ о „Семейной Хроникѣ“ и „Дѣтскихъ годахъ Багрова внука“: „Это вовсе не автобіографія, а исторія сердца матери, въ высокой степени благороднаго. Это также параллель домашняго и казеннаго воспитанія, которая говоритъ уму убѣдительно въ всякихъ диссертаціяхъ. На мой вкусъ, это одна изъ лучшихъ книгъ въ повѣствовательномъ родѣ, какія только и читалъ. Я могу быть пристрастнымъ къ Аксакову, котораго очень уважаю и люблю, но слезы, мѣшавшія мнѣ читать его воспоминанія, убѣждаютъ меня самого, что тутъ замѣшалось дѣло поглубже дружескаго пристрастія“. 2) Впрочемъ, Аксаковъ еще въ рукописи читалъ Кулишу отрывки изъ „Семейной Хроники“. Въ одномъ письмѣ Кулишъ такъ сообщалъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него этимъ чтеніемъ: „Чытавъ намъ винъ дальше свою хронику. Славно, дуже гарно! Нарошне для мене чытавъ, и вибралось людей чымало: Хомяковъ и вся братія. Тамъ така дытына, що и видно вже, що буде Богомъ! 3) Гарно, дуже гарно“. Также Галагану Кулишъ писалъ: „Ста-

1) „Русское Обозрѣніе“, 1897, III, стр. 202.

2) Кіевская Старина, 1898, IV, стр. 112.

3) Въ письмахъ Кулишъ очень часто величаетъ С. Аксакова *богомъ*.

рикъ Аксаковъ читатъ намъ новую свою хроніку, почавши одъ самого малечку. Дуже гарна и проч. ¹⁾

Въ большой дружбѣ былъ также Кулишъ въ началѣ и съ И. С. Аксаковымъ, который, впрочемъ, громилъ его впоследствии въ своей газетѣ не хуже Каткова. Напротивъ, въ болѣе ранніе годы, во времена ихъ взаимнаго расположенія и согласія, они во многомъ сходились и особенно въ общей имъ обоимъ симпатіи къ Малороссіи. „Прйшовъ Иванъ Аксаковъ“—разказывалъ однажды Кулишъ—, и розмовлявъ зо мною розумно про Малороссію. Винъ же самъ їи изйиздивъ, то й дывується теперъ, якъ тамъ, чы панокъ, чы мищанинъ, чы козакъ тамошній чує себе ривно чоловикомъ. Не видно такъ, якъ у Россіи, що се купецъ, а се мищанинъ. Comme il faut прыстало въ насъ до всякои шляхетноурожденной людныи; и купецькіи комедіи Островського трудно зрозумити украинцєи; бо нашъ купецъ не одособывсь такъ одъ нашихъ панивъ, якъ великоруській. И багато де-чого говорылы мы до своєи любосты про Малороссію. Шкода, що тебе тутъ не було. Иванъ не завсигда розговорытся“.

XXV.

„Опытъ біографіи Н. В. Гоголя“ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими работами, какъ напр., повѣстью „Лѣто въ Малороссіи“, Кулишъ передалъ въ „Современникъ“, ²⁾ можетъ быть, въ виду своихъ прежнихъ отношеній къ этой редакціи ³⁾, но потомъ онъ

¹⁾ Киевск. Стар., 1899, IX, стр. 350.

²⁾ Въ пятидесятихъ годахъ Кулишъ пользовался большимъ успѣхомъ въ литературномъ мірѣ; его труды (подъ псевдонимомъ Н. М.) охотно печатались тогда въ журналахъ. О повѣсти «Лѣто въ Малороссіи» въ письмѣ къ Д. С. Каменецкому см. «Кіевская Старина», 1898, XII, 350.

³⁾ Рукопись труда Кулиша о Гоголѣ была потребована имъ для передачи въ «Сынъ Отечества», но его упростили оставить ее въ ре-

рѣзко разошелся съ „Современником“ и питалъ сильное предубѣжденіе къ журналу до самой смерти, какъ это видно изъ напечатанной незадолго до его кончины въ „Русскомъ Обозрѣніи“ повѣсти „Омутъ“, гдѣ въ самомъ вѣлестномъ свѣтѣ выставлены руководители „Современника“ въ 60-хъ годахъ, Панаевъ и Некрасовъ. Но досада на „Современникъ“ начинается уже съ первой половины пятидесятихъ годовъ, когда Кулишъ заправилъ редакціей называлъ „повѣсами“—еще до того, какъ прервалъ съ ними сношенія.

Продолжая свои хлопоты по собиранію писемъ Гоголя, Кулишъ нашелъ дорогу къ семейству великаго писателя, съ которымъ потомъ дружески сошелся. „Высоцкій сообщилъ живыя воспоминанія о временахъ дѣтства своего знаменитаго товарища“, читаемъ мы въ одномъ письмѣ Кулиша. „Мать Гоголя сообщила мнѣ свои замѣтки о сынѣ; нѣкоторые, знавшіе Гоголя за границей, вызвались описать свои съ нимъ встрѣчи“. 1) Въ опечатанномъ въ Москвѣ по смерти Гоголя шкапу нашлись клочки изорванной рукописи, оказавшіеся уничтоженнымъ отвѣтнымъ письмомъ Гоголя Бѣлинскому, выдержки аттестацій Гоголя въ школьное время, сдѣланныхъ въ классныхъ журналахъ его наставниками. Мать Гоголя прислала нѣкоторые рукописные отрывки изъ повѣстей Гоголя и познакомила съ комедіями отца писателя. Кромѣ того, имъ была получена масса писемъ разныхъ лицъ къ Гоголю и „26 большихъ писемъ въ видѣ дневника, къ Гоголю писанныхъ одною весьма близкою и любимую

дакціи «Современника», предложивъ ему 1000 руб. См. также враждебный отзывъ Кулиша о Некрасовѣ въ «Кіевск. Стар.» 1899, IX, стр. 342 и 1899, — стр. 97.

1) Въ одномъ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому Кулишъ говоритъ: «Я, кажется, просилъ васъ послать копію записокъ Гоголихи къ старику Аксакову». Когда онѣ были получены Аксаковымъ, онѣ привели его въ такой восторгъ, что онъ сказалъ по словамъ Кулиша: «Ни одинъ изъ великихъ писателей не производилъ на меня такого впечатлѣнія, какъ эти простыя, безыскусственные, даже иногда неправильно написанныя душевные записки».

имъ дамою, которой имени я не долженъ пускать въ оборотъ, изъ уваженія къ ея прекраснымъ способностямъ ума и сердца“. ¹⁾ Дама эта была А. О. Смирнова.

Послѣ каждаго успѣха значительно облегчались хлопоты по собиранію писемъ Гоголя. Такъ, однажды Кулишъ сообщалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „Погодинъ сообщилъ мнѣ часть писемъ къ нему Гоголя, а остальные, по мѣрѣ переписки, обѣщаль прислать. Вызывается даже написать записки. Я особенно расположилъ его къ себѣ (но это послѣ сообщенія первыхъ писемъ, чего я не ожидалъ, несмотря на его обѣщанія), подаривъ ему памятникъ плутовства Панаева: „Дѣтство и первые годы юности Вальтеръ-Скота, представленныя по отношенію ихъ къ литературной его дѣятельности“.

Надо прибавить, что всѣ эти занятія не исключали также заботъ надъ лѣтописью Грабянки и вообще другими, всегда интересовавшими Кулиша предметами.

XXVI.

Лѣтомъ 1854 года Кулишъ ѣздилъ въ Малороссію, жилъ въ Зарогѣ, Мотроновкѣ, Баивщинѣ, при чемъ много времени провелъ съ своимъ другомъ Ник. Даниловичемъ Бѣлозерскимъ, которому онъ потомъ въ память совмѣстнаго пребыванія въ Малороссіи подарилъ экземпляръ „Опыта біографіи Н. В. Гоголя“, когда онъ вышелъ отдѣльной книгой по отпечатанію въ „Современникѣ.“ ²⁾ Такимъ образомъ, мы имѣемъ ясное доказательство,

¹⁾ «Кіевск. Стар.», 1897, XII, 459.

²⁾ Въ этотъ экземпляръ во многихъ мѣстахъ были вклеены исписанныя красивымъ почеркомъ Кулиша листки почтовой бумаги, на которыхъ были новыя замѣтки и выписки изъ новыхъ добытыхъ писемъ. Такъ поступалъ обыкновенно Кулишъ при передѣлкахъ и расширеніи своихъ литературныхъ работъ, и одинъ совершенно сходный экземпляръ, какъ намъ извѣстно, сохраняется въ библіотекѣ Духовной академіи въ Сергіевскомъ посадѣ.

что въ эту пору Кулишъ исправно продолжалъ, и притомъ съ большимъ успѣхомъ, собраніе документовъ, относящихся къ жизни Гоголя.

Лѣтомъ въ Малороссіи Кулишъ попробовалъ заняться хозяйствомъ и, несмотря на разносторонность своихъ дарованій, съ трудомъ справлялся съ непривычными заботами, хотя не только приостановилъ для нихъ всякую литературную работу, но даже не находилъ времени приняться за корреспонденцію. „Хуторская жизнь“—жаловался онъ—„своею грубою простотою, своими нестройными явленіями, своими безконечными заботами располагаетъ къ письменному бездѣйствію. Иногда я отдыхаю лежа отъ ходьбы или физическихъ трудовъ и мечтаю, какъ я сяду за письма, какъ я разложу передъ собой бумагу, какъ открою чернильницу,—самое содержаніе писемъ снуется въ моемъ умѣ; а наступитъ время исполнить мечту на дѣлѣ, такъ и воровишь заняться чѣмъ-нибудь другимъ, лукавишь предъ самимъ собой и съ наслажденіемъ откладываешь письма на неопредѣленный срокъ. „Будетъ еще время! еще успѣю!—напишу послѣ“, это любимыя фразы въ головѣ хуторянина. Не знаю, такъ ли оно будетъ, когда дѣла мои придутъ въ порядокъ и когда у меня будетъ кабинетъ; но теперь я никуда не гожусь по литературной части. Зато какой изъ меня вышелъ хозяинъ—такъ мое почтеніе! Но какъ самому себя хвалить не престоало, то я скажу только одно: мнѣ казалось, что стоитъ только повелѣть—создастся; а на дѣлѣ я вижу, что создать хозяйство съ маленькими средствами есть дѣло однихъ хозяйственныхъ геніевъ. Тутъ, сударь мой, нужны всѣ способности человѣческія а выше всѣхъ ихъ поставлены терпѣніе и постоянство.“

Но въ то же самое лѣто Кулишъ прогостилъ нѣкоторое время у родныхъ Гоголя въ Яновщинѣ или Васильевкѣ.¹⁾ Здѣсь

¹⁾ «Стара Гоголяха»—говорить Кулишъ «п іи дочкы—прелюбезни люде» („Кіевск. Стар.“, 1898, II, стр. 307). Въ Васильевкѣ Кулишъ бывалъ и позднѣе и жывалъ по нѣскольбу мѣсяцевъ; такъ, онъ былъ тамъ въ 1860 г. (см. „Кіевск. Стар.“, 1898, II, 239).

онъ получилъ много новыхъ матеріаловъ, а равно и писемъ отъ разныхъ близкихъ къ Гоголю лицъ изъ обѣихъ столицъ, и въ силу сдѣланной жатвы, ему вновь предстояло много снѣжнаго и напряженнаго труда. 1) „Матеріалы, собранныя мною въ Яновщинѣ“—писалъ онъ Л. М. Жемчужникову—„и полученные мною изъ Петербурга и Москвы здѣсь, такъ объемисты, что если я не посижу на мѣстѣ за работой цѣлаго мѣсяца, то у меня не будетъ въ эту зиму сдѣлано дѣло“. А между тѣмъ около того же самаго времени, какъ онъ писалъ Бодянскому, судьба послала ему Новгородсѣверскую лѣтопись, исторію о Варлаамѣ и Іосафѣ, „Мессію“ Галятовскаго, „Дѣянія и посланія Апостоловъ“ и 1600 пѣсенъ, записанныхъ Нѣговскимъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Кромѣ того, онъ извѣщалъ того же Бодянского, что „Николай М. приготовляетъ къ цензурѣ интересный сборникъ преданій, думъ, сказокъ, легендъ и критическихъ взглядовъ на многое въ малороссійской жизни по поводу объясненій нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей. 2) Чтобы понять такую необыкновенно оживленную и плодотворную дѣятельность, слѣдуетъ имѣть въ виду относительную свободу Кулиша, не обремененнаго, подобно Бодянскому, университетской кафедрой, по необходимости налагающей множество сложныхъ, многотрудныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей. Между тѣмъ Кулишъ, довольный своимъ успѣхомъ, подшучиваетъ надъ медлительностью Бодянского, 3) занятаго своей кафедрой и редактированіемъ

1) Впослѣдствіи всѣ эти матеріалы и состоявшіяся на основаніи ихъ біографическій трудъ были Кулишемъ прочитаны какъ Аксаковымъ, такъ и Плетневу.

2) „Кіевская Старина“, 1897, XII, стр. 462—463.

3) Тамъ же, 484. Надо замѣтить при этомъ, что Кулишъ, ободренный достигнутыми имъ въ короткое время успѣхами результатами, возлагалъ, кромѣ того, вообще широкія надежды на будущее. Такъ, „Этнографическія Записки о южной Руси“, переименованныя потомъ просто въ „Записки о южной Руси“, онъ предполагалъ выпустить въ гораздо большемъ числѣ томовъ, при чемъ думалъ помѣстить здѣсь также матеріалы, собранныя Костомаровымъ и В. В. Тарновскимъ. (См. Кіевская Стар. 1898, XII, 357).

„Чтеній“. Кулишъ писалъ ему по поводу Николая М, что давно бы слѣдовало ему заняться изданіемъ сборника, „чтобы оживить и расшевелить изслѣдователей Малороссіи; но лучше поздно, нежели никогда. Если Богъ поможетъ, то за этимъ томою послѣдуетъ еще одиннадцать. Вы спросите съ недовѣрчивымъ изумленіемъ: откуда у него возьмется столько матеріаловъ? Но дѣло, дѣйствительно, на такомъ ходу. Надобно поднять на ноги все, что было писано о Малороссіи, и пустить въ ходъ все, что о ней не напечатано,—разумѣется, если цензура не воспрепятствуетъ. Планъ у него обширенъ, и вы пожалуйста не покоивайте головою, что человѣкъ, не подождавши васъ, затѣялъ великую затѣю, а радуйтесь, что хоть одинъ человѣкъ во всей Малороссіи чувствуетъ готовность трудиться съ энтузіазмомъ“. А въ другомъ мѣстѣ того же письма читаемъ: „Напишите, не думаете ли вы соперничать въ быстротѣ своихъ намѣреній съ Максимовичемъ, который стяжалъ себѣ безсмертіе мѣшкотностью. Однимъ словомъ, я хочу знать, что вы думаете объ изданіи своихъ писемъ, и есть ли надежда читать ихъ въ печати на этомъ свѣтѣ, или уже прочитаемъ на томъ“. 1)

Все это было очень пеловко въ отношеніи къ Бодянскому и возбудило въ немъ чувство недовольства. Тонъ его писемъ рѣзко и внезапно переимѣнился. Бодянский не вытерпѣлъ, между прочимъ, чтобы не сказать Кулишу, что ему „везетъ“, на что Кулишъ, въ свою очередь, имѣлъ полное право отвѣтить ему такъ: „Я долженъ везти, а не мнѣ везетъ. Мнѣ ужъ никогда, можетъ быть, везти не будетъ, какъ человѣку, выскочившему изъ рельсовъ“; 2) и наконецъ Бодянский самымъ откровеннѣйшимъ образомъ заявилъ Кулишу, что онъ его „задираетъ“, и „осыпалъ его самыми грубыми насмѣшками“. 3) Кулишъ, въ свою очередь, отвѣтилъ ему: „Если бы безкорыстныя побужденія и показались вамъ смѣшными, то изъ уваженія къ моей довѣренности вы не

1) См. «Кіевск. Стар.», 1897, XII, стр. 462—463.

2) См. „Кіевская Старина“, 1897, XII, стр. 464.

3) Тамъ же, стр. 465.

должны были такъ грубо надо мной смѣяться“, и далѣе: „вы для меня, во первыхъ, Осипъ Максимовичъ, а во вторыхъ— Бодянской: видя ваши чисто человѣческія достоинства (не слѣпой же я, слава Богу!) и ваши заслуги литературныя и ученныя, я никогда не примѣриваю ни тѣхъ, ни сихъ къ своимъ собственнымъ, даже и для того, чтобы опредѣлить васъ: я знаю вамъ цѣну, независимо отъ собственнаго существованія и отъ собственнаго участія въ дѣлахъ человѣческихъ. Откуда же у васъ явились такія фразы: „И мы когда-то вѣжали не хуже другихъ! Плохо, Осипъ Максимовичъ, плохо!—сознайтесь хоть передъ самимъ собой“. ¹⁾

Но хуже было то, что Бодянской, раздосадованный Кулишемъ, заслужилъ со стороны послѣдняго слѣдующій упрекъ: „Я подарилъ вамъ нѣсколько вещей, имѣющихъ въ вашихъ глазахъ болѣе или менѣе цѣну; одна изъ нихъ мнѣ понадобилась, и вы имѣете безстыдство отвѣчать мнѣ: „что съ возу упало, то пропало“. Покажите эти строки кому угодно изъ нашихъ общихъ пріятелей и попросите, чтобы они сказали, искренно: имѣю ли я право назвать вашу отвѣтъ безстыднымъ?“ Кулишъ предложилъ Бодянскому даже уступить ему свое право на изданіе пѣсенъ, такъ, чтобы его собственное имя стояло только въ числѣ сотрудниковъ и собирателей, ничѣмъ не выдѣляясь, а заканчивался бы списокъ словами: „изданныя О. Бодянскимъ“, и даже хотѣлъ достать деньги для этого предпріятія, „но вы“—говорилъ онъ—„не дадите мнѣ и понюхать вашего сборника, а смыслъ моего изданія таковъ, что я, именно я, долженъ имѣть въ рукахъ сперва все, что напечатается, привести пѣсни въ извѣстный видъ, и потомъ печатай и пишись издателемъ кто угодно. Деньги для изданія Кулишъ надѣялся получить отъ Галагана, но, на бѣду, Бодянскому сдѣлалось какъ-то извѣстно, что Галаганъ назвалъ его въ письмѣ къ Кулишу „крутенькимъ“, ²⁾ и Кулишъ послѣ даже вынужденъ былъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Съ самимъ Галаганомъ добрыя отношенія потомъ также пошатнулись у Кулиша. (См. Кіевск. Стар. 1899, III, 319).

прислать касавшуюся его выдержку въ письмѣ Галагана, заключающую въ себѣ буквально лишь слѣдующія слова: „Бодянскому я напишу, тильки винъ, знаете, трошки крутенький, то Богъ знае, чи погодится винъ на яке-небудь дило“. Результатъ былъ тотъ, что Бодянский отказался отъ участія въ изданіи сборника. Кулишъ возражалъ ему: „вы изъ-за своего неудовольствія отказываетесь издать книгу, нужную для многихъ! Вы имѣете полное право не искать денегъ, но когда для нашего изданія ищутъ другіе, то вы не въ правѣ не соглашаться на то ни на какихъ условіяхъ. Я не о васъ тутъ хлопочу, я хлопочу о дѣлѣ, интересующемъ многихъ, кому вовсе неизвѣстно, что дѣло отъ васъ зависитъ. Слѣдовательно, если я успѣю добыть денегъ (а добыть я могъ бы, можетъ быть, не отъ одного Галагана), то вы тутъ нисколько не будете мнѣ обязаны“. 1) Въ числѣ предлагавшихъ деньги на изданіе пѣсенъ былъ, кромѣ Галагана, В. В. Тарновскій (бывшій нѣкогда товарищемъ Гоголя и извѣстный своей почтенной дѣятельностью въ комитетѣ по освобожденію крестьянъ), и нѣкоторые другіе.

XXVII.

Между тѣмъ по дѣлу о сборникѣ украинскихъ пѣсенъ Кулишъ постоянно продолжалъ свои сношенія съ малорусскими этнографами: братомъ своей жены Н. М. Бѣлозерскимъ и Метлинскимъ; съ послѣднимъ онъ даже дѣлилъ трудъ самаго собранія и записыванія ихъ. Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ Кулиша подталкивать и подогрѣвать энергію своихъ сотрудниковъ, было между прочимъ то обстоятельство, что ему хотѣлось выпустить свой сборникъ раньше сборника пѣсенъ давно уже нелюбимаго имъ Срезневскаго, хотя это личное предубѣжденіе вскорѣ уступило мѣсто желанію видѣть пѣсни, не попавшія въ

1) Тамъ же 1899, XII, стр. 467.

особый сборникъ, напечатанными подъ вѣдѣніемъ хотя бы Срезневскаго въ „Академическихъ извѣстіяхъ“, но въ исправномъ и вполне приличномъ видѣ. Впрочемъ, и самое мнѣніе Кулиша о Срезневскомъ, по извѣстнымъ намъ, но во всякомъ случаѣ, надо полагать, въ виду крупныхъ научныхъ заслугъ послѣдняго, не особенно уважительнымъ причинамъ, поколебалось, такъ что уже Кулишъ уговаривалъ Н. М. Бѣлозерскаго не быть опрометчивымъ въ сужденіяхъ: „Надобно узнать сперва всѣ обстоятельства, а потомъ уже судить, да и то оглядываясь. У меня много горестныхъ замѣтокъ въ душѣ по случаю скорого осужденія ближнаго. Я думаю, что онъ ¹⁾ не только правъ, но чуть не святъ. Соберите всѣ факты, и тогда увидите, кто изъ насъ ближе къ истинѣ“. Это было именно нетерпѣніе видѣть въ печати пѣсни никакъ не ради личнаго интереса, а ради науки, что доказывается между прочимъ сообщеніемъ Н. М. Бѣлозерскому въ томъ же письмѣ, что „думы, напечатанныя у Метлинскаго, были уже доставляемы ему Кулишемъ“. Послѣдній былъ нѣсколько недоволенъ передачей ихъ Метлинскому, „но я“—говорилъ онъ—„съ досады, что никто не издаетъ, готовъ былъ отдать ихъ для напечатанія чорту или, что все равно, Срезневскому“. Кулишъ лично трудился совместно съ Н. М. Бѣлозерскимъ, но относился къ нему, какъ руководитель, подобно тому, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Уважая на свою страсть къ чтенію и къ ручнымъ механическимъ работамъ, онъ рекомендовалъ тѣ или другія своему пріятелю: онъ совѣтовалъ ему ради его будущности заниматься изученіемъ иностранныхъ языковъ, чему, какъ извѣстно, самъ всегда придавалъ большое значеніе какъ въ теоріи, такъ и на дѣлѣ; ему же онъ хотѣлъ, хотя и безуспѣшно, передать оставленную еще въ 1858 г. должность редактора статистическаго комитета, наконецъ поощрялъ его къ составленію записокъ, даже совѣтовалъ для этого ему

1) Срезневскій. Объ отношеніяхъ Кулиша къ Срезневскому см. также «Кіевск. Стар.», 1899, II, 287, 281, 293; 1897, X, 45 и проч.

извѣстный планъ и приемы, стараясь вообще пробудить его литературныя наклонности, тогда какъ Н. М. Бѣлозерскій трагилъ свои умственныя силы на неблагодарное дѣло редактированія губернскихъ вѣдомостей. Ему же онъ хвалилъ свои столярныя работы: „Сдѣлалъ я для Саши шкатулку изъ кусковъ краснаго дерева, которое оставалось еще отъ тульскихъ работъ. Жаль, что вы безъ руки: механическіе труды заостряютъ аппетитъ къ умственнымъ, и тотъ еще не вполне человѣкъ, кто годится только для грамотнаго общества. Надобно умѣть что-нибудь такое, что было бы интересно и для самаго темнаго люда. Вообразите, напримѣръ, что вы очутились между такимъ народомъ, которому вѣтъ никакой надобности до вашихъ свѣдѣній. Чѣмъ вы купите у него независимость положенія? Вы поневолю будете тунейдцемъ, а я не буду“. Но выхлопотать для Ник. Мих. оставленное мѣсто ему не удалось, и вотъ по какимъ причинамъ: „Знакомства мои вовсе не таковы, чтобъ могли доставить кому-нибудь мѣсто: со мной знаютъ люди ученые или артисты, которые на службѣ такъ-же мало значатъ, какъ я и самъ; если же я и приму гдѣ-нибудь въ высокопревосходительномъ или сѣятельномъ домѣ, то это еще не значитъ, что я могу протезировать другихъ въ этихъ домахъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служить то, что мнѣ самому не даютъ до сихъ поръ такое мѣсто, которое бы привязало меня къ Петербургу; ласковое слово и пожатіе руки не приносятъ намъ въ столицѣ никакой пользы и могутъ обманывать надеждою только самыхъ неопытныхъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, Кулишу давно пришлось убѣдиться, что и собственное его положеніе было крайне непрочное. Когда онъ былъ представленъ къ чину, то, по донесеніямъ Третьяго Отдѣленія, императоръ Николай собственноручно начерталъ: „Не производить“. При тогдашнемъ значеніи чиновъ, Кулишъ не хотѣлъ помириться съ отказомъ и рѣшилъ просить директора статистическаго отдѣленія заступиться за него. „Вамъ навредило Третье Отдѣленіе“—отвѣчалъ директоръ,—„его и просите поправить дѣло“.—Въ Третьемъ отдѣленіи затребовали одобрительнаго

отзыва о службѣ, который и былъ безпрепятственно данъ, но все-таки изъ этого дѣла, конечно, ничего не вышло, кромѣ того, что въ Третьемъ Отдѣленіи начальнику Кулиша сказали: „мы не знали, что онъ вашъ protégé“.

Эту независимость Кулиша, какъ человѣка свободной профессіи уже по самой натурѣ, необходимо имѣть въ виду, для того, чтобы понять и его быстрое охлажденіе къ Петербургу, гнѣзду чиновничества, и его практическую неспособность пристраиваться къ теплымъ мѣстечкамъ и административнымъ пирогамъ. Теперь, сдѣлавшись вольнымъ человѣкомъ, онъ стремится въ Кіевъ и снова погружается въ интересы украинскаго міра. До какой степени неудержимо влекло тогда Кулиша въ Малороссію, мы видимъ изъ одного письма его къ И. С. Аксакову, который вмѣстѣ съ остальными членами своей семьи настойчиво приглашалъ его въ свою подмосковную. Несмотря на сильную любовь къ Аксаковымъ, Кулишъ отговаривался самымъ энергичнымъ образомъ, ссылаясь на то, что „съ того времени, какъ его опредѣлили въ уѣздное училище для вѣтверживанія учебниковъ, изданныхъ по повелѣнію императрицы Екатерины II, „а было мнѣ тогда“—продолжаетъ Кулишъ—„лѣтъ яко же семь“—я не видѣлъ ни одинъ разъ малороссійской весны... О веснѣ съ ея чудесами я слыхалъ только въ сказкахъ, а собственныя воспоминанія представлялись мнѣ въ видѣ сна. Давно уже мечтаю я о свободномъ распоряженіи своимъ временемъ, но всегда что-нибудь мѣшало. Наконецъ, я пренебрегъ всѣ такъ называемые расчеты и рѣшился провести хоть нѣсколько лѣтъ жизни по человѣчески. Я бы этого не сдѣлалъ, если-бы пользовался болѣе цвѣтущимъ здоровьемъ; а то меня преслѣдуетъ мысль о позднемъ сожалѣніи въ предсмертныхъ мукахъ среди болота, вдали отъ родины, отъ ея неба и земли“.

Одно время въ серединѣ пятидесятихъ годовъ Кулишъ говорилъ, что онъ предполагалъ чередовать хуторскую жизнь съ столичною. „Зачѣмъ это мнѣ нужно?“ спрашивалъ онъ самъ себя: „Мудрено объяснить. Можетъ быть потому, что хочется видѣть свѣтъ послѣ уединенныхъ трудовъ; можетъ быть потому,

что я не могу удовлетвориться скромною деревенскою жизнью и желаю хоть нѣсколько мѣсяцевъ въ году раздѣлять удовольствія, въ родѣ литературныхъ и ученыхъ новостей; а, можетъ быть, просто потому, что отъ поѣздокъ я ничего не теряю въ денежномъ отношеніи, а пожалуй, еще выигрываю“.

Отсутствіе опредѣленныхъ обязательныхъ и служебныхъ занятій даетъ ему эту возможность, а наступленіе новой политической эры съ воцареніемъ императора Александра II, открывъ широкій горизонтъ всѣмъ мыслящимъ людямъ, какъ бы сразу придала крылья тѣмъ, кому природа даровала силы для орлиаго полета.

XXVIII.

Наступила эпоха великая и знаменательная, эпоха благородныхъ стремленій и кипучей дѣятельности, лучшая пора жизни Россіи за цѣлое столѣтіе. Эта перемѣна не могла не найти радостнаго отголоска въ такой живой и впечатлительной душѣ, какъ Кулишъ. Съ восхищеніемъ привѣтствуетъ онъ въ письмахъ къ близкимъ людямъ благородныя начинанія новаго императора, который вступилъ именно на тотъ самый путь, который тогда всего желательнѣе былъ для Россіи.

Кулишъ встрѣтилъ особенно въ Н. Д. Бѣлозерскомъ и въ К. С. Аксаковѣ горячее сочувствіе своимъ восторгамъ по поводу словъ и поступковъ новаго государя. „Радуйтесь, Николай Даниловичъ“,—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому: „о новомъ государѣ рассказываютъ чудеса. Петербургъ и Москва отъ него въ восторгѣ. Австрійскаго посланника государь принялъ очень сурово, прусскаго очень ласково. Говорятъ, Бибииковъ отставленъ и на его мѣсто Игнатьевъ. Клейнмихель на третій день пришелъ съ прошеніемъ и получилъ въ отвѣтъ: „Съ удовольствіемъ, графъ, съ удовольствіемъ, но намъ надобно свести съ вами счеты“. Бибиикову сказано: „Васъ не за что благодарить: вы

И. А. Кулишъ.

9

вооружили моего отца противъ дворянства, которое теперь стоитъ во главѣ всего добраго“. Говорятъ, позволено печатать „Мертвыя Души“... ¹⁾ Два квартальные у входа къ тѣлу покойнаго государя обошлись грубо съ молодымъ чиновникомъ, который вышелъ изъ себя и далъ одному пощечину. Его судили, но начальство его довело до свѣдѣнія государя о причинѣ вспыльчивости молодого человѣка, который пришелъ не одинъ, а привелъ двухъ дамъ, и государь написалъ: „за грубое обхожденіе полиціи отставить обоихъ квартальныхъ надзирателей отъ службы, съ тѣмъ, чтобы никуда впредь не принимать“. Словомъ, рассказамъ конца нѣтъ! Никогда еще ни одинъ государь не производилъ такого восторга въ обществѣ... Прибавлю еще, что когда государь въ первый разъ явился передъ дворянами, то осанка его и манеры были такъ величественны, что всѣ были поражены какъ бы сверхъестественнымъ видѣніемъ. Онъ явился въ полномъ благороднѣйшемъ смыслѣ слова русскимъ царемъ передъ подданными“.

17 Марта 1855 г. Москва. „Часовъ въ 12 утра пріѣхалъ въ Москву Конста для окончательныхъ распоряженій о книгѣ своего отца: „Разказы и воспоминанія охотника“. Онъ такъ здоровъ и силенъ, что чуть не искалѣчилъ меня пожатіемъ руки. Отъ него такъ и вышетъ теплотою души. Чудесный Конста!..

„По случаю юбилея ²⁾ налитографировали нѣсколько профессорскихъ портретовъ. Въ томъ числѣ и Шевырева. По выраженію Консты, Шевыревъ такъ похожъ, что хочется плюнуть. Эта фраза равняется прекрасному изреченію Хомякова: „Если Погодинъ сдѣлаетъ что-нибудь гадкое, то всегда обтирается Шевыревымъ“.

„Конста цѣлый день пропатался по Москвѣ и, воротившись въ 11 часовъ ночи, привезъ, во-первыхъ, темный слухъ

¹⁾ Напомнимъ здѣсь, что Кулишъ тогда еще не былъ издателемъ сочиненій Гоголя, а занимался лишь его біографіей, и разрѣшеніе было дано Трунковскому.

²⁾ Московскаго университета (въ 1855 г.)

о какой-то великой побѣдѣ русскихъ, во-вторыхъ, о трехъ комитетахъ: для передѣлки устава о цензурѣ, для смягченія мѣръ относительно раскольниковъ и для пошлннѣ. О прекращеніи преслѣдованія раскольниковъ извѣстно положительно. Онъ же слышалъ, что когда Эстергази сказалъ государю, что отецъ его намѣренъ былъ поступать иначе въ отношеніи къ Европѣ, т. е. склонялся къ уступкамъ, государь отвѣчалъ: „Отецъ мой, послѣ тридцатилѣтняго царствованія, могъ поступать какъ ему угодно, но я, вступивъ на престолъ недавно, долженъ дѣйствовать иначе“.—„Ваше Величество будете спасителемъ Европы“, сказалъ Эстергази.—„Всѣ мои интересы“, отвѣчалъ государь, „заключены въ Россіи“.—„Ваша доброта“—продолжалъ тотъ, „извѣства всей Европѣ“... Потомъ, спохватившись, прибавилъ: „также, какъ и ваша твердость“. Но государь сказалъ: „Моя доброта будетъ вся принадлежать Россіи, а твердость мою узнаетъ Европа“.

„Конста отъ всего этого въ восторгѣ; особенно ему нравится, какъ государь, по его выраженію, „выгораживаетъ покойнаго отца своего, сохраняя ему все его царственное достоинство, а себя между тѣмъ не лишаетъ возможности поступать по усмотрѣнію“.

„Есть слухъ, что Норовъ не удержится на мѣстѣ, Биби-ковъ тоже, но онъ ничѣмъ еще не подтвердился, кромѣ сухого обращенія съ ними государя. Ермоловъ принять великолѣпно. Говорятъ, ужъ о немъ получена бумага, что онъ оставляется для высшаго поста. Государь обыкновенно бесѣдуетъ съ нимъ за утреннимъ чаемъ. Конста и отъ этого въ восхищеніи. Онъ послалъ ему по городской почтѣ слѣдующій привѣтъ, безъ подписи именъ: „Долго бездѣйствовалъ ты, нашъ старшій богатырь; но Европа потряслась въ своихъ основаніяхъ, но имя Бонапарта вновь раздается въ мірѣ, но гремитъ громъ и блещетъ молнія грозы военной,—и при грохотѣ грома и блескѣ молніи, народный гласъ вызываетъ тебя, солдатъ Суворова, тебя, генераль двѣнадцатаго года, тебя, наша народная слава, тебя, Ермоловъ!“.

„Жаль, что я не имѣю времени описать выборъ Ермолова въ начальники ополченія. Конста говоритъ, что масса народа всегда движется разумнѣе и вѣрнѣе отдѣльныхъ лицъ. Были люди, желавшіе воспрепятствовать этому выбору, было сдѣлано нѣсколько гадостей, такъ что самъ Ермоловъ письмомъ къ губернскому предводителю дворянства просилъ не посылать къ нему депутацію, а результатъ вышелъ все-таки прекраснѣй: Ермоловъ выбранъ.

„Ту же мысль Конста примѣняетъ и къ юбилею ¹⁾. Шевыревъ сдѣлалъ пошлымъ это торжество, но съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи воспитанники Московскаго университета придали ему торжественность и закрыли всѣ шевыревскія пошлости.

„Въ заключеніе сегодняшняго вечера Конста прочелъ воспоминанія о томъ, какъ онъ былъ студентомъ. Нѣсколько человѣкъ въ честь юбилея написали такія воспоминанія, чтобы прочесть ихъ у Самарина на частномъ торжествѣ того же 12 февраля. Записки Консты въ высшей степени интересны“.

Въ одномъ изъ писемъ къ В. В. Тарновскому Кулишъ писалъ также: Прочитайте во 2 № „Современника“ пять стихотвореній графа А. Толстого: какія вещи позволяютъ печатать. А между тѣмъ положительнаго облегченія нѣтъ, только цензура какъ-то ободрилась, да и всѣ шумятъ, точно не русскіе. На юбилей Щепкина Константинъ Аксаковъ предложилъ тостъ за общественное мнѣніе, и общество отъ восторга переломало нѣсколько стульевъ“ ²⁾.

Объ Ив. С. Аксаковѣ въ письмѣ къ Н. Д. Бѣлозерскому Кулишъ писалъ 1 мая 1855 года: „Подъ Москвой встрѣтилъ я Ивана Аксакова, штабъ-капитана. Онъ молодецъ въ національной одеждѣ и радуется, что, выйдя въ отставку, получить

¹⁾ Разумѣется столѣтній юбилей московскаго университета.

²⁾ „Кіевская Старина“, 1898, IV, стр. 114.

право носить ее ¹⁾. Служить ему трудно, но онъ доволенъ успокоеніемъ совѣсти, которая могла бы сказать ему: „А ты гдѣ былъ, когда рѣшалась судьба отечества? Хорошо ли, дурно ли распоряжаются сверху,—но, по его словамъ, каждый долженъ, сколько можетъ, понести общей тяжести, и для совершенства души необходимо иногда дѣлать дѣло не по своему вкусу“.

Когда, въ началѣ царствованія, послѣдовало сильное оживленіе литературы и стали возникать одно за другимъ новыя періодическія изданія ²⁾, И. С. Аксаковъ задумалъ изданіе „Русской Бесѣды“ и предлагалъ сотрудничество Кулишу. Занятый печатаніемъ южнорусскихъ лѣтописей и приготовленіями къ изданію „Записокъ о южной Руси“ ³⁾, Кулишъ отклонилъ было предложеніе, но затѣмъ послалъ туда, во вторую книгу журнала, свою повѣсть „Оеклуша“ ⁴⁾.

XXIX.

У Кулиша продолжались заботы и хлопоты по напечатанію „Черной Рады“. Съ цѣлью облегчить этому сочиненію цен-

¹⁾ Послѣ, когда Кулишъ въ письмѣ къ С. Т—чу осуждалъ выборъ знакомствъ, сдѣланныхъ И. С. во время его пребыванія въ Малороссіи въ 1855 г., недовольный этимъ И. С. неслестно отозвался о Кулишѣ («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 217—218).

²⁾ Однажды Кулишъ сообщалъ также: «Я читалъ объявленіе о Русскомъ Вѣстникѣ», который будетъ издавать въ Москвѣ Катковъ. Хомяковъ съ братіей тоже намѣренъ издавать журналъ. Императрица, во время пребыванія въ Москвѣ, призвала его къ себѣ и долго съ нимъ бесѣдовала. Между прочимъ ему обѣщано, что съ него снимется запрещеніе писать.

³⁾ Къ числу этихъ предпріятій относилось также задуманное Мсеемъ изданіе журнала «Россія», по поводу котораго Кулишъ писалъ: «Кажется, что Мей и журналъ его—явленія вздорныя, а журналъ притомъ еще и не утвержденъ».

⁴⁾ И. С. Аксакову эта повѣсть не особенно понравилась, но «Записки о южной Руси» онъ считалъ весьма интересными («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 287).

зурное разрѣшеніе, авторъ перевелъ его на русскій языкъ, чтобы легче было потомъ провести книгу и на малороссійскомъ языкѣ. „Если мнѣ дадутъ право общей цензуры“—писалъ онъ В. В. Тарновскому,—„то не уѣду изъ Петербурга, не напечатавши „Черной Рады“ по малороссійски 1). Тому же лицу Кулишъ писалъ: „Я думаю, что надо издать эту книгу съ рисунками пѣвцовъ и баевъ и четырьмя хромофотографированными типами паробка и дивчины, дѣда и бабы съ акварелей Жемчужникова, а въ концѣ приложить десятка три голосовъ пѣсенъ. Это проведетъ книгу къ панамъ, которые не купятъ ее для одного чтенія и откроетъ имъ глаза на этнографію, какъ на нѣчто живое, существующее въ природѣ, а не въ головахъ литераторовъ, а текстъ утвердить ихъ въ этомъ мнѣніи“ 2). Редакція „Русской Бесѣды“ съ своей стороны предлагала провести въ печать „Черную Раду“ въ своемъ журналѣ (конечно, въ русскомъ переводѣ). Большую денежную помощь въ этихъ дѣлахъ оказывалъ В. В. Тарновскій, издававшій на свой счетъ всѣ сочиненія Кулиша, которыя не печатались въ журналахъ.

Лучше всего можно понять, до какой степени Кулишу все-таки приходилось круто съ изданіемъ своихъ сочиненій,

1) „Кіевск. Стар.“ 1898, IV, стр. 116. Но много хлопотъ и горя по обыкновенію доставляла Кулишу цензура, хотя въ началѣ новаго царствованія онъ смотрѣлъ на все оптимистически: «Чтобы дать работу вашему воображенію»,—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому—„скажу, что Черная Рада скоро выйдетъ изъ портфеля своего автора и пойдетъ странствовать по палатамъ и дворцамъ, пока не отвергнутъ ее, какъ золотворное пронаведеніе (вѣдь на свѣтѣ бездна самыхъ дикихъ заблужденій!) или скажутъ: «полно автору словиться по свѣту перебендею, принять его хоть въ дворники. Съ представленіемъ «Записокъ» въ цензуру совѣтую обождать, потому что есть надежда на смягченіе устава. Теперь я брею и стригу своего «Романа», чтобъ можно было проскользнуть мимо швейцара, а тамъ, внутри палаты, люди помягче. Сказано: «не такъ панъ, якъ панчата».

2) «Кіевская Старина», 1898, IV, стр. 118 и друг.

назъ того, что ему пришлось таки въ почти безнадежныхъ обстоятельствахъ прибѣгнуть вновь къ Юзефовичу и просить его не только объ устраненіи цензурныхъ затрудненій, но и о денежной помощи. Юзефовичъ былъ все-таки свой человѣкъ, въ принципѣ тайно сочувствовавшій дѣятельности и симпатіямъ Кулиша, но на первомъ планѣ ставившій личное благоденствіе и способный на предательство „страха ради іудейска“. Юзефовичу можно было и теперь, даже въ письмѣ, сказать, что „нигдѣ не родиться духовного жныва бильшъ, якъ на Украини“, что было, конечно, отчаяннымъ патріотическимъ самообольщеніемъ, а также противопоставляя Украину Москвѣ, высказывать надежду, что „кроткіе“, т. е. малороссы, „наслѣдуютъ землю“, и что „сонмы люду украинського сіяють душевнымъ богатствомъ по-надъ уси народы и збагацають Московську Русь“¹⁾.

Но все искупалось для Кулиша мечтами о будущемъ благотворномъ вліяніи своихъ сочиненій, мечтами, доходившими до едва вѣроятныхъ размѣровъ. Онъ, на примѣръ, писалъ С. Т. Аксакову: „Записки о южной Руси“ печатаю съ наслажденіемъ не потому, что въ нихъ есть мое, а потому, что передаю свѣту памятники духа народнаго, которымъ въ моихъ глазахъ нѣтъ цѣны. Корректуру держу съ такою тщательностью, какъ будто это Священное Писаніе, и надѣюсь, что по вѣдшему исполненію „Записки“ будутъ образцомъ совершенства. На это стоитъ тратить время, потому что общество наше привыкло соединять съ понятіемъ о малороссійской словесности понятіе о какой-то безграмотности и растрепанности, что совершенно сирамедливо. Надобно дать ему въ руки книгу, которая бы ни въ чемъ не уступала нѣмецкимъ и англійскимъ изданіямъ, въ которой видно было бы серьезное изученіе предмета“²⁾. Въ другой разъ онъ

1) »Кіевская Старина», 1898, III, 314—315, также вообще 311—316.

2) Этотъ трудъ А. Н. Пыпинъ признаетъ самымъ крупнымъ трудомъ Кулиша въ области этнографіи; разбору его онъ посвящаетъ много интересныхъ и цѣнныхъ страницъ въ «Исторіи Русской этнографіи» (т. III стр. 194—201). Объ этомъ же трудѣ см. въ «Исторіи украинской литературы» Петрова, (стр. 280—285)

писалъ о „Черной Радѣ“ Аксакову же: „Я знаю, что отдѣльное изданіе „Черной Радѣ“ на русскомъ языкѣ, черезъ годъ по напечатаніи малороссійскаго изданія, разойдется въ большомъ количествѣ экземпляровъ, потому что малороссіянне станутъ распространять преувеличенные слухи о достоинствахъ моего сочиненія, въ силу пословицы: „Кто новаго не видалъ, тотъ и ветоши радѣ“, или: „На безрыбѣ и радѣ рыба“ и „На безлюдѣ и Ома дворянинъ“. Земляки будутъ носиться съ „Черною Радой“, какъ чортъ съ писанною торбой, и величаться ею, какъ поросенокъ на пристяжкѣ“. О „Запискахъ южной Руси“ Кулишъ писалъ В. В. Тарновскому, что если-бы у него были деньги, то онъ могъ бы издавать даже по шести книгъ въ годъ, занимаясь только редактированіемъ ихъ, возлагая подготовительную работу на надежныхъ людей.

Такую же увѣренность въ будущемъ успѣхѣ своихъ сочиненій мы часто встрѣчаемъ и послѣ у Кулиша. Въ одномъ письмѣ къ Д. С. Каменецкому онъ прямо говорилъ: „статьи мои въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ должны сдѣлать эффектъ“, и еще: „тупо ли, не тупо пойдутъ книги, имъ слѣдуетъ быть изданными, и онѣ окупятся“¹⁾.

Но настоящей оцѣнки своихъ трудовъ Кулишъ ожидалъ отъ такихъ людей, какъ Шевченко, о которомъ онъ говорилъ: „Тарасъ получилъ первый томъ „Записокъ о южной Руси“ и пришелъ въ неописанный восторгъ. Именно такіе люди, какъ онъ, знаютъ цѣну записаннымъ мною преданіямъ“. Къ числу этихъ цѣнителей относилъ онъ, кажется, и другихъ украинофиловъ, напр. Л. М. Жемчужникова, о которомъ онъ писалъ Бодямскому: „Одинъ изъ воспитанниковъ Академіи художествъ, Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ, очень полюбилъ нашу Малороссію, ѣздилъ по ней все лѣто, нарисовалъ много малороссійскихъ типовъ и опять помышляетъ о новомъ путешествіи весной. Онъ посвящаетъ свой талантъ исключительно Малороссіи и теперь занятъ изученіемъ ея исторіи, этнографіи и сло-

¹⁾ «Кіевская Старина», 1898, іюль—августъ, стр. 132.

весности. Когда я прочелъ ему нѣсколько украинскихъ преданій, онъ воспламенился такимъ восторгомъ, который тотчасъ же показалъ мнѣ въ немъ истиннаго художника. Независимое состояніе, молодость, энергія и природный умъ, жаждущій знанія, ручаются въ томъ, что изъ него выйдетъ истинный историческій живописецъ“ 1).

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, хотя всякое литературное дѣло такъ и кипѣло въ рукахъ Кулиша, но почти на каждомъ шагу надо было пробивать стѣну всевозможныхъ препятствій, что отчасти не могло не охлаждать временно его энергіи, или скорѣе у него мы замѣчаемъ поэтому неравномѣрность въ развитіи энергіи какъ въ литературныхъ, такъ и въ другихъ занятіяхъ, и тотъ же самый „горячій“ Кулишъ, по его выраженію: „и вчера Кулишъ, и сѣгодня Кулишъ“, у котораго временами дѣло горѣло такъ, что это возбуждало во многихъ зависть, вдругъ чувствовалъ себя вынужденнымъ бросать его или откладывать и мѣнять на другія занятія, и иногда на такія, къ которымъ онъ былъ менѣе склоненъ.

По прежнему Кулишъ продолжалъ также принимать горячее участіе въ судьбѣ своихъ товарищей и, смотря по ходу обстоятельствъ, радоваться или скорбѣть за нихъ. Онъ сильно ликовалъ по поводу освобожденія Костомарова и Гулака-Артемовскаго и уже въ 1856 г. питалъ надежду на освобожденіе Шевченка 2). Въ его письмахъ мы нерѣдко находимъ разныя сообщенія, преимущественно о Костомаровѣ, напр., что Костомаровъ хочетъ печатать въ „Отечественныхъ Запискахъ“ „Богдана Хмельницкаго“ и собирается писать полную исторію южной Руси.

Самъ Кулишъ, ободренный прекрасными вѣяніями новаго царствованія, почувствовалъ, наконецъ, возможность дышать пол-

1) Тамъ же, 1897, XII, стр. 453.

2) Онъ радовался, напр., что „Тарасъ дождался мру на прожжаніе“ („К. Ст.“ 1899, 1, 81).

ной грудью, и въ числѣ другихъ проектовъ увлекается мечтой о заграничномъ путешествіи.

XXX.

Продолжая свою работу надъ „Записками о Южной Руси“, Кулишъ гостилъ у Репнивыхъ въ Яготинѣ, у Галагана, у Грабовскаго, у Закревскихъ (но тамъ ему не понравилось, и хотя по его описанію, „у нихъ садъ гарный, будинки хороши строения, хутко будутъ окончени, хоть бы и царю въ нихъ жить; а жить у нихъ буде скучно“), у де-Бальмена; въ этихъ своихъ поѣздкахъ онъ часто пользовался товариществомъ Л. М. Жемчужникова. Цѣлью этихъ поѣздовъ было изученіе края; между тѣмъ Кулишъ имѣлъ тогда въ виду, при содѣйствіи близкихъ ему и сочувствовавшихъ изученію Украины лицъ, учредить собственную типографію, но мысль эта была осуществлена нѣсколько позднѣе.

Во всѣхъ названныхъ домахъ Кулишъ встрѣчалъ искреннюю симпатію и почти родственныи пріемъ. Плѣняла его и роскошная украинская природа, во сердце его сжималось при видѣ бѣдности крестьянскаго малороссійскаго населенія. „Сонце“—восторгался онъ—„сѣдало въ Линовиці, мовъ у раю; у воді дерево играло наче шовки да саети; гуси кричать и плещуть середь ставу; тыло, якъ у Бога на неби; а сонце все позолотило, и кожне зъ насъ здалось середь зеленої садовини, мовъ на картині. Коли бъ тѣлько не було на серці туги, то хваливъ би Господа милосердного, дивлячысь на его дива, да й годі“. Но въ то же время его удручало печальное зрѣлище бѣдствующаго народа: „Ранкомъ ходили съ панночкою до церкви, щобъ подивитися на ліновицький народъ. Мизерный народъ. А бувъ бы народъ гарный, коли бъ доля ёму лучче“. Поэтому, тотчасъ послѣ восторженнаго описанія красоть природы, у Кулиша вырывается грустная нота: „то горе, що душа—наче птиця, безъ крыль: хоче піднятыця надъ землею, а туга до земли її при-

гвітає". И все-таки, размышляя о поїздѣ въ Качановку и дальше, Кулишъ съ грустью думаетъ о разлукѣ съ Линовицею и семействомъ графа Де-Бальмена: „Добрі люди опі Де-бальменці! може й нема вже кращихъ по моему смаку: душа знай чогось бажає и знай кудись жадає, а куди не обернетця—усюди буде гірше, нижъ у Линовиці. Тимъ то я дожидаюсь, поки пришлють за мною коні зъ Качанівки, ¹⁾ а самъ собі думаю: „лучше не буде мнѣ нігде, бо другої Линовиці мабуть и на свиті не має“. Но пылокое воображеніе, душа чуткая къ красотамъ природы, легко находитъ новый источникъ наслажденія, и въ помѣсть Галагана, Сокиринцахъ, съ его величольнымъ паркомъ, благодаря прекрасной природѣ, Кулишъ пришелъ въ еще большее восхищеніе и тогда уже онъ говорилъ, что въ сравненіи съ нимъ „Качановка и Линовица должны спрятаться въ кутокъ“. Но „все-таки“—продолжаетъ онъ—„не будь здѣсь Жемчужникова, я бы поровиль поскорѣе уїхать. Изъ трехъ резиденцій не знаю однако-жъ, которую выбрать: въ Линовицѣ жить не хочется, здѣсь тяготно и скучно, а въ Качановкѣ тоже пустота жизни и скука“. ²⁾ Не нравились Кулишу во всѣхъ этихъ, впрочемъ хорошо устроенныхъ, имѣнійхъ устройство панскихъ усадебъ на аристократическую ногу. Поїхали однажды Галаганъ, Жемчужниковъ и Вас. Вас. Тарновскій-сынъ въ Лебединецъ, въ 20 верстахъ отъ Сокиринецъ, гдѣ Галаганомъ былъ построенъ будинокъ малороссійскій. „Подїхавъ къ нему“—говорить Кулишъ—„чувствуешь въ душѣ легкость, какъ будто сбросилъ иго навязанной намъ насильно цивилизаціи. Простота

1) Имѣніе Тарновскихъ.

2) Въ одномъ изъ этихъ помѣстій, именно у Галагана, Кулишъ встрѣтилъ дѣвицъ Милорадовичъ, изъ которыхъ старшая расположила его къ себѣ знаніемъ малороссійскихъ пѣсенъ и языка, особливо же украинскихъ думъ. Объ этихъ сестрахъ Кулишъ писалъ: «знають рядну мову и спивають рядныхъ писень». Одной изъ нихъ онъ писалъ: «ва ваши пѣсни иной человекъ отдалъ бы, можетъ быть, и душу».

и богатство давно уже перестали у насъ сочетаться одна съ другимъ. Вкусъ къ иноземному подавилъ все, что свойственно нашей сельской жизни, и панскіе дома между мужичьими хатами—такіе же иностранцы, какъ и сами паны между народомъ“. Изъ всѣхъ окружающихъ людей больше всѣхъ ему нравились «Тарновскіе, у которыхъ больше простоты и задушевности“, и Жемчужниковъ, о которомъ Кулишъ говорилъ: „онъ съ простой своей расположенностью больше всѣхъ меня удовлетворяетъ“.

Во время своихъ поѣздокъ въ Малороссію Кулишъ, по обыкновенію, часто съ большимъ увлеченіемъ пѣлъ украинскія думы въ кругу знакомыхъ или читалъ что-нибудь, напр. „Марусю“. При этомъ многіе изъ присутствующихъ плакали. Въ свою очередь, его приводила въ восторгъ и отзывчивая графиня Марія Де-Бальмень, которая просила его пѣть „невольницынкіи вирши“ Тараса Шевченка. Доброжелательство его къ этой обаятельной дѣвушкѣ выразилось въ словахъ: „О Господи! пошли сѣму ангелу счастье“!

Жемчужниковъ съ своей стороны такъ вспоминалъ объ этихъ совмѣстныхъ поѣздкахъ: „Судьба Кулиша мало-по-малу облегчалась, и ему дозволено было выѣзжать изъ Петербурга. Вотъ въ это-то время я посѣщалъ Пантелеймона Александровича въ хуторѣ Мотроновкѣ и въ хуторѣ Зарогѣ; ѣздилъ съ нимъ въ Черкассы, проживалъ у него на квартирѣ въ Кіевѣ. Кулишъ всегда мнѣ былъ очень пріятенъ. Сидя съ нимъ въ экипажѣ, я пѣлъ ему пѣсни и изучалъ новые мотивы отъ него и отъ жены его, милой Александры Михайловны, отъ дѣвушекъ, бабъ, стариковъ, парней и бандуристовъ. ѣздилъ съ нимъ къ М. Грабовскому, въ его имѣніе кіевской губерніи. ѣздили мы какъ придется: въ жидовскомъ фургоновѣ, въ „нетычаневѣ“ и на перекладной. Дорогой мы много говорили и соболѣзновали о сосланномъ Шевченкѣ, котораго онъ лично зналъ и въ одно время съ нимъ пострадалъ, а я зналъ только его произведенія, которыми упивался. Въ Полтавской губерніи я

познакомилъ Кулиша съ семействомъ Г. П. Галагана, гдѣ въ первый разъ свелъ его съ моимъ пріателемъ-бандуристомъ Остапомъ Вересаемъ. Кулишъ потомъ былъ съ Остапомъ въ перепискѣ ¹⁾

Прибавимъ въ дополненіе къ нашей рѣчи о пребываніи Кулиша въ половинѣ пятидесятихъ годовъ въ Малороссіи, что въ это время онъ написалъ „Орысю“, которая выходитъ на Божій свѣтъ „що дальше, то все краще“, и задумалъ, при содѣйствіи графини Де-Бальменъ, иллюстрировать „Чорну Раду“. Кромѣ того, приведемъ небольшую выдержку изъ сообщенія Кулиша женѣ о его знакомствѣ съ Вересаемъ: „Забылъ я разсказать тебѣ“—писалъ онъ женѣ—„объ Остапѣ, сокиринскомъ бандуристѣ, который играетъ роль въ первой части второго тома „Записокъ о южной Руси“. Пошли мы къ нему въ хату и долго съ нимъ бесѣдовали. Онъ очень уменъ и благороденъ чувствами. Напр., онъ ходилъ къ Галагану жаловаться на сосѣдей, которые его обижаютъ: „Якъ тилько почувъ я ёго слово ласкаве да гарне, то наче на свить народився. Стою, и духъ мни заперло. Пытае: „чого ты, Остапе“? а я тилько плачу: що такый та й гарный, а я ему въ вичи буду лизты“.—Я прочиталъ ему двѣ малороссійскія проповѣди, и восторгъ его превзошелъ мои ожиданія. „Колы-бъ у мене була така кныжка, то я бъ заплатывъ бы пысьменному грошы да поты слухавъ бы, покы всю вытвердывъ... А, Господы, яка-жъ кныжка! що наче въ мене волосся зъ головы лизе, и все плакавъ бы, и наче зъ мене тило опадае, що, Господы, якъ то мы живемо гришно“. Я обѣщаль ему прислать экземпляръ проповѣдей и очень его обрадовалъ ²⁾. На другой день по возвращеніи нашемъ изъ бу-

¹⁾ См. также воспоминанія Л. М. Жемчужнинова въ «Вѣстникѣ Европы», 1899, XI.

²⁾ Кулишъ не только самъ много трудился надъ собираніемъ малороссійскихъ пѣсень и этнографическихъ матеріаловъ, но также руководилъ на этомъ пути и другихъ.

динка Остапъ пришелъ къ намъ, и Жемчужниковъ нарисовалъ его для второго тома съ натуры“¹⁾).

XXXI.

На изданіе сочиненій Гоголя Кулиша натолкнуло случайное стеченіе обстоятельствъ. Въ то время, когда онъ былъ безусловно поглощенъ заботами о „Черной Радѣ“²⁾ и объ „Этнографическихъ Запискахъ“ и совершенно не думалъ о другихъ литературныхъ трудахъ, ему сначала неожиданно пришлось взять на себя этотъ издательскій трудъ. Первое извѣстіе о томъ, какъ это произошло, мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Кулиша къ женѣ. Тамъ онъ говоритъ между прочимъ: „Я бувъ у князвы Репниной. Зрадила дуже, мене побачившы. Завтра їй прочитаю предисловіе до „Черной Рады“, бо людина розумна й щира“³⁾. Потімъ бувъ у Трушковського, которому пораявъ передать изданіе Гоголя Бодянскому, а самому втікати за границю“⁴⁾. Но дѣло не состоялось, благодаря медлительности Бодянского и ветерпѣливости Трушковскаго: „Похопивсь винъ до сѣго“, продолжаетъ Кулишъ, — „и поїхали мы до Бодянского; тилько щось винъ не розпочинає речы про изданіе. Я сякъ-такъ поводивъ —ни, не бере! Я й самъ бы розпочавъ, да боюсь розсердыть паныча, бо сей панычъ теперъ на всіхъ дывиться такъ, якъ на якихсь опекунавъ, котори ёго мають за

1) Остапа Вересая въ 1854 г. посѣтилъ въ Сокиринцахъ И. С. Аксаковъ (См. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 43—44.)

2) О печатаніи «Черной Рады» см. въ письмѣ къ Галагану («Кіевск. Стар.», 1899, IX, 342—344).

3) Въ другомъ письмѣ Кулишъ такъ передаетъ впечатлѣніе, произведенное на князю Репнину предисловіемъ къ «Черной Радѣ»: «Плакала слухаючи, а потімъ повклонялась мнѣ такъ, якъ мужики кланяются пану —низенько; здивовавсь я, а далі що робить? и я їй поклонивсь, да й попрощались».

4) Ср. объ этомъ въ «Русскомъ Обозрѣніи», 1897, III, стр. 196.

божевильного". Эта подозрительность человека больного, уже терявшего обладание умственными способностями, но от природы умного и еще достаточно наблюдательного и смѣтливого, чтобы уловить каждую неосторожную ноту въ бесѣдахъ съ нимъ людей, недостаточно искусно умѣвшихъ маскировать настоящей характеръ своихъ отношеній къ нему, становилась съ каждымъ днемъ все болѣе затруднительнымъ и щекотливымъ пунктомъ для людей, имѣвшихъ съ нимъ соприкосновеніе. Можетъ быть, Бодянскому не совсѣмъ удалось скрыть свое мнѣніе объ истинномъ положеніи Трушковскаго; какъ бы то ни было, мы узнаемъ изъ сохранившихся документовъ, что онъ страшно возстановилъ противъ себя послѣдняго. Трушковскій еще разъ былъ у Бодянскаго для переговоровъ, уже безъ Кулаша, и на вопросъ о причинѣ своего скорого возвращенія, съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: „А що? каже—я занятъ“. Видно не такъ-то мудро сказана ричь: про изданіе почалы говорить, говорить и договорылись до того, що я берусь издать, а паныча выправлю зъ Жемчужниковымъ за границу. Труда доволя, да въ чотырехъ типографіяхъ жибо напечатаю. За се мина десята часть выручки. Зароблю бильшь 1000 рубливъ, а може й дви. А кончу до мая. Отъ и будутъ гроши на нимецкій хлибъ“ (т. е. для поѣздки за границу). Кажуть Аксаковы, що добре,— що спасу я чоловіка одъ погыбели“ ¹⁾).

¹⁾ Мы уже говорили, что этому труду много благопріятствовало сближеніе Кулаша съ Аксаковыми, рассказы которыхъ (а также Бодянскаго и Плетнева) чуть ли не натолкнули его раньше на мысль написать біографію Гоголя. По крайней мѣрѣ Кулишъ однажды писалъ И. С. Аксакову, еще говоря о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ, въ виду нежеланія пока открытъ свой псевдонимъ: «Письмо ваше, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, такъ наказало моего пріятели, автора статьи о Гоголѣ, за его грубую опрометчивость, какъ только кто бы то ни было могъ этого желать. *Проводя съ вашимъ домъ незабвенный для него вечеръ, онъ не думалъ о матеріалахъ для біографіи Гоголя. Это было слѣдствіемъ послѣдней вечерней бесѣды съ О. М. Бодянскимъ.* Требованіе ваше вполне законно, и если автору статейки, о

Поводомъ къ передачѣ дѣла отъ Бодянскаго Кулишу, несомнѣнно, служило и то обстоятельство, что онъ только-что много работалъ надъ своимъ трудомъ „Записки о жизни Гоголя“. Но, приступая къ работѣ, онъ встрѣтилъ довольно серьезное практическое затрудненіе: надо было до напечатанія писемъ Гоголя, долженствовавшихъ войти въ послѣдніе томы изданія, позаботиться о распродажѣ „Записокъ“, такъ какъ послѣднія должны были съ появленіемъ его отчасти потерять въ своей цѣнности; впрочемъ относительно послѣднихъ онъ уже имѣлъ тогда въ виду покупателя въ лицѣ книгопродавца Базунова. Взявъ на себя изданіе сочиненій Гоголя, Кулишъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ принять и хлопоты по отправкѣ Трушковскаго за гравиду; принимая въ немъ участіе, онъ принужденъ былъ ѣздить въ банкъ, чтобы взять оттуда деньги, предназначавшіяся для печатанія, входить въ сношенія съ цензоромъ, извѣстнымъ писателемъ Лажечниковымъ, дѣйствовать на цензурный комитетъ ¹⁾. Но адѣсь ему была большая удача, благодаря самоотверженію цензора. „Добродѣтельный Гиларовъ ночи не доспавъ, а подписавъ усявѣй лысточокъ восьмы томивъ. А письма Гоголя треба прывести въ порядокъ и прysłать ёму на прочеть. Обищавъ продержать пивтора дня“. Было условлено, что Кулишъ получитъ десятую долю выручки съ изданія, вслѣдствіе чего, надѣясь продать его сполна Базунову за 25000, онъ рассчитывалъ получить на свою долю двѣ съ половиною тысячи рублей ²⁾.

которой вы упоминаете, удастся написать порядочную біографію Гоголя, то онъ почтетъ пріятнымъ долгомъ сообщить вамъ ее въ рукописи и просить вашего позволенія упомянуть въ ней о томъ, что сколько-нибудь касается васъ и вашего семейства».

¹⁾ Однажды Кулишъ сообщалъ: «сочиненія Гоголя позволены безъ всякихъ сокращеній, но оффиціальной процедуры еще не сдѣлано». — «Князь Вяземскій» — писалъ отъ въ другомъ письмѣ — «дѣйствуетъ сильно противъ цензурныхъ неправдъ».

²⁾ Въ лвовскомъ журналѣ «Правда» сказано, однако, что Кулишу было предложено за трудъ три тысячи рублей (1868, стр. 312).

Повидимому, Кулишъ постепенно входилъ въ интересъ новаго взятаго на себя труда; сначала же, когда ему приходилось заниматься черновой работой, т. е. добываніемъ, переписываніемъ, а главное—сортировкой писемъ и вообще установленіемъ по возможности строгаго хронологическаго порядка среди хаотическихъ грудъ подлинныхъ писемъ и сниманіемъ съ нихъ копій, когда приходилось тонуть въ грудѣ бумагъ, то и онъ испыталъ на себѣ тяжесть неблагодарной, но совершенно необходимой подготовительной работы ¹⁾. Слѣды этого видны въ нѣкоторыхъ письмахъ. „У меня голова идетъ кругомъ“, жаловался онъ, „отъ цензурныхъ смятеній и отъ устройства въ порядокъ беспорядочныхъ писемъ Гоголя, которыхъ болѣе тысячи, и многіе безъ годовъ и чиселъ,—все это надобно опредѣлить, размѣстить, кое-что выключить и проч. и проч.“. Особенно же допекла цензура: „цензурныя останки не мало томятъ меня. Одно чувство у меня есть—бѣжать, но куда—не знаю. Я убѣждалъ бы отъ самого себя, потому что душа моя состоитъ изъ дисгармоніи, которая меня же самого терзаетъ“. Но и кромѣ этого у Кулиша стеклоь одновременно такое множество самыхъ разнородныхъ цѣнныхъ матеріаловъ, относившихся къ его литературнымъ трудамъ, что онъ, мучительно торопясь и утоная въ трудахъ, тѣмъ не менѣе со многими не успѣвалъ справляться. Такъ онъ писалъ Н. Д. Бѣлозерскому: „О литургіи Гоголя распоряженіе учинено, и вы будете имѣть списокъ. О пропускахъ же отложилъ попеченіе. Писемъ Гоголя гора у Трушковскаго, и нѣтъ силъ сдѣлать всѣ выписки. Онъ напечатаетъ ихъ со временемъ, а при теперешней цензурѣ весьма немногое

¹⁾ Въ одномъ письмѣ Кулишъ особенно жалуется на траты на переписку, пересылку и переѣзды по изданію сочиненій Гоголя («Кіевская Старина», 1898, II, стр. 309). Конечно, онъ заботился также о продажѣ изданныхъ книгъ. Такъ онъ благодаритъ однажды Галагана за то, что онъ внушилъ своему свояку, попечителю кіевскаго округа, Ребиндеру, купить восемьдесятъ экземпляровъ «Записокъ о жизни Гоголя» для гимназій («Кіевск. Стар.», 1899 г., IX, 341).

будеть зачеркнуто, развѣ то, что шокируетъ живущихъ, а такого слишкомъ много. У Трушковскаго я видѣлъ еще пачку писемъ Смирновой, но уже не дерзнулъ и помыслить списывать: боюсь погрязнуть въ копировкѣ. Миѣ надобно дѣлать иное дѣло. У Трушковскаго цѣлый чемоданъ наполненъ бумагами Гоголя, хранившимися доселѣ у Шевырева. Такому человѣку, какъ я, слѣдовало бы имѣть при себѣ неотлучную пишущую машину, усердную и довольно грамотную. Миѣ все и вездѣ открыто, но нѣтъ средствъ черпать¹. Также В. В. Тарновскому Кулишъ вскорѣ писалъ, что хотя онъ напечаталъ два тома писемъ Гоголя и разныхъ свѣдѣній о немъ (здѣсь разумѣлись „Записки о жизни Гоголя“), но что это лишь небольшая часть всѣхъ матеріаловъ, которые напечатаетъ Трушковскій и другіе¹). Г-жѣ Милорадовичъ онъ писалъ „Облегли меня труды и хлопоты кругомъ, и не знаю, какъ изъ нихъ выбраться“.

Сверхъ того, самое содержаніе большинства писемъ въ ихъ разбросанномъ видѣ и безъ предварительнаго всесторонняго ихъ изученія, въ свою очередь немислимаго до приведенія ихъ въ строгую систему, которая могла явиться уже конечнымъ результатомъ предпринятой работы, было неясно и работа надъ ними казалась нерѣдко утомительною: „Письма Гоголя первыхъ годовъ“—писалъ Кулишъ женѣ—„очень утомляли меня ребяческию болтовнею, но чѣмъ далѣе, тѣмъ они интереснѣе, и часто изъ редактора я дѣлаюсь читателемъ. Написалъ я тебѣ, какъ утомляетъ меня работа, и раскаиваюсь! ты преувеличиваешь въ воображеніи. То былъ таковой часъ унынія, въ который хотѣлось тебѣ пожаловаться“²).

Эта торопливость Кулиша, обусловливаемая самой пылкостью его натуры и множествомъ, нетерпящихъ отлагатель-

¹) См. также «Русское Обозрѣніе», 1893, III, 195—200.

²) Но это случалось не разъ, и жалобы на избытокъ снѣжныхъ дѣлъ повторялись и въ письмахъ къ постороннимъ, напр. «Стылько въ мене работы, що й въ голови не вмѣщается». («Кіевск. Стар.», 1898, II, стр. 231).

ства, литературныхъ задачъ и патріотическихъ замысловъ встрѣтило нѣкоторое осужденіе со стороны цензировавшаго сочиненія Гоголя извѣстнаго Н. П. Гилярова-Платонова. Причина несогласій послѣдняго съ Кулишемъ заключалась въ томъ, что Гиляровъ требовалъ отъ перваго исключительнаго посвященія на нѣкоторое время всѣхъ своихъ силъ такому дѣлу, какъ изданіе сочиненій Гоголя, тогда какъ Кулишъ возражалъ ему: „Въ эту пору моей жизни за такое время“ (около года, какъ можно понять изъ содержанія всего письма) „купить меня невозможно ничѣмъ. Это говорю относительно нѣкоторыхъ предпріятій, которыя для меня дороже самой жизни“¹⁾. Но и помимо этого, Кулишу не могло понравиться осужденіе его труда, когда и безъ того онъ успѣлъ уже такъ много сдѣлать, какъ едва ли это удалось бы въ такой промежутокъ времени кому-нибудь другому. Вѣдь въ то же самое время были уже выпущены имъ въ двухъ томахъ „Записки о жизни Гоголя“, представлявшія собою, какъ на это смотрѣлъ и самъ авторъ, какъ бы второе, исправленное и дополненное изданіе „Опыта біографіи“. Отношеніе „Записокъ“ къ „Опыту“ справедливо было указано Кулишомъ въ письмѣ къ Н. М. Бѣлозерскому въ выраженіи: „оно будетъ аки генералъ передъ прапорщикомъ, въ разсужденіи богатства и драгоцѣнныхъ матеріаловъ“.

XXXII.

Изъ любопытнѣйшаго письма Кулиша къ Гилярову-Платонову, напечатанному недавно въ „Русскомъ Обзорѣніи“²⁾, мы узнаемъ отчасти, хотя и въ очень общихъ чертахъ, нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся исторіи изданія, и съ другой стороны предъ нами раскрывается отношеніе Гилярова-Платонова къ цензируемому изданію.

¹⁾ «Русское Обзорѣніе», 1897, III, 194.

²⁾ «Русское Обзорѣніе», 1897, III, стр. 195—200.

Мы говорили, что племянникъ Гоголя, Трушковскій, приступивъ къ изданію, встрѣтилъ такія трудности во многихъ отношеніяхъ, что долженъ былъ отказаться отъ непривычнаго дѣла, тѣмъ болѣе что здоровье его уже находилось въ разстроенномъ состояніи. Приведеніе въ порядокъ рукописей и писемъ, возня съ цензурой и другія издательскія хлопоты, очевидно, оказались ему не подъ силу, и онъ самъ сталъ искать редактора для предпринимаемыхъ изданій. Авсакovy указали ему на Кулиша, который, въ свою очередь, рекомендовалъ Бодянского, какъ издателя, „не имѣющаго соперниковъ“, разумѣя, вѣроятно, подъ этими словами всѣмъ извѣстную необычайную добросовѣстность и аккуратность Бодянского. Но, Бодянскій, повидимому, оттолкнулъ отъ себя Трушковскаго своей медленностью, назначивъ недѣлю срока только на то, чтобы подумать, можетъ ли онъ объ этомъ начать переговоры и притомъ, кажется, не сумѣлъ обойтись съ больнымъ. Хотя вопросъ былъ настолько серьезенъ, что подобная просьба была вполнѣ естественна, но впечатлѣніе, произведенное просьбой Бодянскаго на болѣзненно-раздражительнаго Трушковскаго, было непріятное, и послѣдній выразилъ желаніе, чтобы за дѣло изданія взялся Кулишъ, и вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что ему одному онъ могъ бы вѣрить изданіе. Вѣроятно, впрочемъ, прошелъ нѣкоторый промежутокъ времени раньше этого рѣшенія, когда Бодянскій даже приступилъ было уже къ работѣ, такъ какъ въ бумагахъ его оказались нѣкоторыя копіи и писемъ Гоголя, и въ томъ числѣ съ писемъ, относящихся совершенно къ различнымъ періодамъ, большей частью вошедшихъ въ изданіе Кулиша, но два-три письма по разнымъ соображеніямъ остались невключенными въ него, и они уже значительно позднѣе (въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ) были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ А. А. Гатцукомъ ¹⁾. Какъ я слышалъ отъ покойнаго Гатцука, всѣ эти копіи были сдѣланы съ замѣчательной тщательностью и въ величайшемъ порядкѣ, но, вѣроятно, Трушковскому эта-то щее-

¹⁾ См. «Русскую Старину», 1888, III.

тильная аккуратность именно и не понравилась, потому что грозила затяжкой дѣла, которое ему желательно было скорѣе окончить. Когда извѣіе принялъ на себя Кулишъ, не отвлекаемый оффиціальными служебными занятіями, онъ повелъ дѣло чрезвычайно скоро и энергично, но предварительная черновая работа съ вѣшной стороны все же неизбежно должна была отзываться нѣкоторой спѣшностью ¹⁾). Прекрасное исполненіе изданія, давно получившаго справедливо заслуженную высокую оцѣнку, ясно показываетъ, что нѣкоторыя бросившіяся въ глаза цензору Гилярову-Платонову мелочныя неисправности въ этой черновой работѣ, какъ напр.—что попадаются дублиеты, что иной разъ нарушена хронологія (въ самомъ изданіи нѣтъ слѣдовъ этой неисправности), были почти неизбежнымъ слѣдствіемъ сложной работы, и мы должны вѣрить словамъ Кулиша о томъ, что даже для того, чтобы сообщить рукописямъ тотъ ужасающій (съ строгой точки зрѣнія Гилярова-Платонова) видъ, въ какомъ онѣ предъ нимъ предстали, Кулишъ работалъ нѣсколько недѣль сряду такъ, какъ никто изъ извѣстныхъ ему людей работать не въ состояніи. „Вы смотрите на мои рукописи“—продолжаетъ Кулишъ—„какъ на крайнюю небрежность и даже неуваженіе къ публикѣ, а я смотрю на нихъ, какъ на грубо обтесанный мраморъ, въ котораго безобразной грудѣ только глазъ мастера видитъ стройную фигуру“ ²⁾). Нѣкоторыя уцѣлѣвшія до сихъ поръ копии Кулиша совершенно подтверждаютъ справедливость его словъ: дѣло было ведено вполне аккуратно и тщательно, за исключеніемъ того, что, быть можетъ, послѣ издателю приходилось нѣсколько измѣнять порядокъ нѣкоторыхъ заготовленныхъ къ печати пачекъ и т. п.

Между тѣмъ Гиляровъ предлагалъ и собственное содѣйствіе въ редактированіи писемъ, на что, повидимому, Кулишъ былъ согласенъ; но Гиляровъ болѣе чѣмъ странно, вѣроятно

¹⁾ Объ этой торопливости см. въ Львовской біографіи Кулиша («Правла», 1868, стр. 312).

²⁾ «Русское Обзорѣніе», 1897, III, стр. 196.

подъ вліяніемъ страха отвѣтственности, отнесся къ своему собственному дѣлу, отказавшись подписать безусловно все вышедшее изъ-подъ пера такого писателя, какъ Гоголь. Трудно повѣрить, что Гиляровъ упрекалъ Кулиша въ томъ, что имъ не все (!) вымарано изъ писемъ, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы исключить, а равно чрезвычайно странно тѣмъ тономъ его наставленийъ, когда онъ позволилъ себѣ сказать, что „слѣдуетъ, по правиламъ чести, продавать письма особо, а сочиненія особо“: не считаться съ условіями русской книжной торговли имѣлъ бы право только человѣкъ, дѣйствующій безусловно на свой страхъ и взявшій на себя заранѣе всѣ послѣдствія такой постановки дѣла, и странно было ставить въ упрекъ Кулишу, что онъ въ интересахъ русской литературы и наслѣдниковъ Гоголя, исполнилъ, какъ могъ, изданіе писемъ, тогда какъ при другихъ условіяхъ оно было бы долго неосуществимо.

Помимо Гилярова, Кулишу пришлось обратиться и въ Петербургъ въ главное правленіе цензуры, подавъ чрезъ посредство извѣстнаго друга Гоголя, А. П. Толстого, докладную записку Вяземскому о разрѣшеніи дать всѣмъ шести томамъ одно общее заглавіе. Весьма вѣроятно, что это ходатайство было вызвано именно несочувствіемъ Гилярова мысли соединить изданіе писемъ съ изданіемъ самихъ сочиненій, и не менѣе вѣроятно, что это обстоятельство было причиной его рѣзкостей въ отношеніи Кулиша, хотя въ то же время любопытно, что Кулишъ признавалъ большія достоинства за тѣмъ планомъ, который рекомендовалъ ему Гиляровъ, и нельзя не пожалѣть, что письма Гилярова къ Кулишу погибли въ 1885 г. во время пожара на хуторѣ послѣдняго. „Въ вашемъ умѣ, какъ вижу изъ вашихъ писемъ“,—писалъ Кулишъ—„строится нѣчто гармоническое, исполненное глубокаго смысла; по вашему плану вы можете сдѣлать величайшую вещь“¹⁾. Но въ чемъ именно заключался этотъ планъ, не могъ въ послѣдствіи припомнить и самъ Кулишъ, называвшій потомъ Гилярова, можетъ быть, съ чрез-

¹⁾ «Русское Обозрѣніе, 1897, III, 200.

мѣрнымъ энтузіазмомъ „Ильей Муромцемъ духовной дѣятельности“¹⁾).

XXXIII.

Въ то время, когда печаталось изданіе, Трушковскій окончательно заболѣлъ и „весь аксаковскій кружокъ заговорилъ, что и безъ болѣзни Трушковскій не обладаетъ энергіей труда, необходимой для такого предпріятія“, какъ взятое имъ на себя изданіе. Тогда Кулишъ „перенесъ изданіе въ Петербургъ, гдѣ заставилъ работать нѣсколько типографій“. При этомъ Аксаковъ и Плетневъ настаивали на строжайшемъ маскированіи въ перепискѣ именъ корреспондентовъ Гоголя, изъ которыхъ большинство тогда было въ живыхъ, но Кулишъ составилъ ключъ къ раскрытію этихъ именъ, со временемъ, къ сожалѣнію, утраченный.²⁾ Изданіе сочиненій и писемъ Гоголя, какъ извѣстно, вышло въ свѣтъ въ 1857 г.³⁾, а въ предшествующемъ 1856 г. наконецъ снята была предварительная цензура III отдѣленія съ сочиненій Кулиша (извѣщеніе объ этомъ Дуббельтомъ было позднѣе напечатано кн. Шаховскимъ въ „Русскомъ Обзорѣніи“⁴⁾), и почти тотчасъ вслѣдъ за этимъ Кулишъ представилъ въ цензуру статью „О причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссовъ въ XVII в.“, причемъ цензоромъ ея на этотъ разъ былъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія кн. Вяземскій. Можно представить себѣ, сколько нравственныхъ мученій приходилось переживать Кулишу за все это время, когда онъ былъ со всѣхъ сторонъ опутанъ формальностями, недоразумѣніями и претензіями и долженъ былъ тратить на сла-

1) Тамъ же, стр. 203.

2) Эти письма, потому были раскрыты въ нашемъ «Указателѣ къ письмамъ Гоголя» (1-ое изд. вышло въ 1886, 2-е—въ 1888).

3) См. о немъ также въ сборникѣ «Памяти Тихонравова», стр. 95—96.

4) «Русское Обзорѣніе» 1897, III, стр. 207.

живаніе и устраненіе массу времени и душевныхъ силъ. Эта сторона дѣла всего легче можетъ ускользнуть при оцѣнкѣ его дѣятельности, а между тѣмъ вину подобвхъ передрагъ отнюдь нельзя возлагать на человѣка желѣзной энергіи и упорнаго труда, страдавшаго отъ всякихъ случайныхъ неурядиць. Можно было бы даже съ полнымъ, повидимому, основаніемъ дѣлать Кулишу упреки, какъ дѣлалъ ихъ Гиляровъ, строго судившій нѣкоторыя виѣшнія неисправности въ представленныхъ ему рукописяхъ, но если эти неисправности были только формальныя, какъ было въ данномъ случаѣ, то справедливо было бы, съ другой стороны, принять во вниманіе и самыя условія работы и весь затраченный на дѣло колоссальный трудъ. А черновая работа по изданіямъ и разныя сопряженныя съ нимъ хлопоты и волненія, особенно по милости цензуры, чего-нибудь да стоили! Особенно не слѣдуетъ забывать, что Кулишъ долженъ былъ при тогдашнихъ условіяхъ пуститься въ искусное плаваніе между окружавшими его со всѣхъ сторонъ трудностями и препятствіями, когда, съ одной стороны приходилось соображаться съ разнообразными претензіями лицъ, ввѣрившихъ ему документы, касающіеся Гоголя, и ладить съ больнымъ и капризнымъ Трушковскимъ, а съ другой стороны—прибѣгать къ вынужденнымъ умолчаніямъ, маскированію именъ, приспособляться къ требованіямъ цензуры.

Мы не имѣемъ данныхъ для точнаго воспроизведенія цензурныхъ мытарствъ, чрезъ которыя пришлось пробиваться Кулишу, но до нѣкоторой степени можемъ судить объ этомъ по письмамъ. Такъ, по одному отвѣтному письму Кулиша мы видимъ, что С. Т. Аксаковъ совѣтовалъ ему, и можетъ быть не разъ, вооружиться терпѣніемъ. „Вы напрасно напоминаете мнѣ о твердости“—отвѣчалъ Кулишъ: „если бы она не опиралась на матеріальныя выгоды, то я довелъ бы свое дѣло до конца по одному тому уже, что вы на меня смотрите“. Дѣло доходило до доклада Государю, какъ видно изъ одного письма Кулиша Трушковскому. ¹⁾

¹⁾ Тамъ же, стр. 207. См. также «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ» т. III, стр. 113. Объ отношеніяхъ Аксаковыхъ къ этому труду

Любопытны слѣдующія строки въ письмѣ Кулиша къ женѣ: „Быль я у графа Толстого (оберъ-прокурора). Онъ съ сокрушеніемъ сердца узналъ о колебаніи князя Вяземскаго и обѣщаль употребить вновь свое вліяніе. Довѣренность его мнѣ или, лучше сказать, увѣренность во мнѣ необыкновенная. Онъ не жалуется современной литературы и называетъ себя „гасильникомъ“, но говоритъ: „Ужъ если я, гасильникъ между ними (верховными цензорами), желаю видѣть ваше предисловіе (къ „Черной Радѣ“) въ печати, то что же имъ думать“. Все, однакоже, онъ придумался надъ замѣчаніями Вяземскаго и сказалъ, что видно нельзя его поколебать, если онъ противится. По крайней мѣрѣ, онъ обѣщался привести дѣло въ ясность, т. е. чтобы сказали „нельзя“, и тогда я выпущу „Черную Радѣ“ безъ предисловія“. Понятно, что Кулиша постоянно преслѣдовало множество заботъ, отъ которыхъ онъ настолько похудѣлъ въ 1856 г., что совершенно измѣнился и даже не могъ нѣкоторое время исполнить данное женѣ обѣщаніе снять съ себя фотографію и оправдывалъ это такъ: „если по возвращеніи отъ Аксаковыхъ увижу, что я не похожъ на привидѣніе, то закажу свой портретъ“, а нѣсколькими строками раньше говоритъ и о причинѣ этого: „Чувствую, что мнѣ оправиться не изъ чего, ибо я долженъ быть въ вѣчномъ движеніи и заботахъ, а мысли мои летаютъ по всему свѣту“. И только въ благородномъ обществѣ Аксаковыхъ онъ могъ надѣяться настолько отдохнуть душой, чтобы не походить на привидѣніе. „Слава Богу“—говорилъ въ томъ же письмѣ Кулишъ,—„я чувствую себя здоровымъ, и въ этомъ вижу доказательство, что мнѣ еще надобно для чего-то жить. Когда бы только какъ-нибудь добыть спокойствія душевнаго, котораго бы ничто не въ силахъ было поколебать“... „Какъ немного нужно человѣку для спокойствія, но и этого не дается! Потому-то гораздо лучше броситься въ какую-нибудь пучину жизни, въ вѣч-

Кулиша см. И. С. Аксаковъ т. III, 65, 71, 36 и проч., къ его другимъ произведеніямъ—тамъ же, стр. 79.

ное движеніе, въ вѣчно кипѣнныя страсти, обезумѣть и вѣчно волноваться“.

О цензурныхъ разрѣшеніяхъ Кулишъ всегда съ радостью извѣщалъ жену хотя нѣсколькими строками, и въ этихъ строкахъ чувствовалось получаемое имъ облегченіе.¹⁾ Во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ себя не разъ обязаннымъ этими облегченіями духу новаго царствованія и съ большой симпатіей говорилъ о дѣйствіяхъ новаго государя, прибавляя: „Государемъ недовольны только законѣнныя въ старыхъ формахъ правленія придворные, которые говорятъ: „нѣтъ прежняго величія!“ Измѣнившееся положеніе дѣлъ не могло не быть особенно пріятно человѣку, который говорилъ: „Немного лѣтъ просилъ бы я у Господа, только бы эти годы исполнены были чувства, мысли и дѣла“²⁾.

Кромѣ указанной причины, Кулишъ находилъ для своей души источникъ нравственнаго освѣженія, какъ мы знаемъ, въ восторженныхъ надеждахъ по поводу старыхъ и новыхъ украинскихъ литературныхъ силъ, напр. Квитки³⁾, Марка Вовчка и

¹⁾ Иногда, напротивъ, ему случалось горько шутить по поводу цензурныхъ мытарствъ, напр. «Книжки мои понапечатувани, да одна безъ хвоста, а друга безъ головы, то й жду: не хочу такъ выпускать. Хвистъ главное правленіе пропустило, да щось цензоръ загааявъ у Москви зъ пидысомъ, а голову ище оглядуютъ, чы не кусаты-метса. Голова же сія есть предисловіе къ «Черной Радѣ» (См. также «Кіевская Старина», 1898, XII, 365—375).

²⁾ Къ сожалѣнію, Кулишъ ко всѣмъ этимъ, не зависѣвшимъ отъ него, волненіямъ присоединилъ еще волненія, порожденныя нападеніями его на «Тараса Бульбу» Гоголя въ его эпилогѣ къ «Черной Радѣ». (Объ этомъ мы говорили въ «Матеріалахъ для біографіи Гоголя», т. 1, стр. 12—13, примѣч. См. также его письмо къ В. В. Тарновскому въ «Кіевской Старинѣ» 1898, XII, 356—360. Наибольше подробное изложеніе возникшей полемики см. въ «Исторіи русской этнографіи» Пыпина, т. III стр. 203—210).

³⁾ Кулишъ очень любилъ Основьяненка и его сочиненія. Онъ писалъ къ г-жѣ Милорадовнѣ: «Я до тѣхъ поръ читаю народныя нѣсни, пока онѣ не останутся у меня въ память, и Основьяненка

проч. и въ обществѣ такихъ людей, какъ Шлетневъ или Аксаковы, а также въ своихъ поѣздахъ въ Малороссію. Объ Аксаковыхъ онъ говоритъ. „Лѣтомъ у Аксаковыхъ еще пріятнѣе. Но я провелъ у нихъ однѣ только сутки, спѣша воспользоваться малороссійскимъ климатомъ. Старикъ Аксаковъ пишетъ исторію своихъ литературныхъ знакомствъ, не пропуская ни одной сколько-нибудь замѣчательной личности. Мы говорили безъ умолку, какъ юноши, вступающіе въ жизнь. Осуждали между прочимъ „Собесѣдниковъ“ и привели бѣднаго Константа въ уныніе“. О Малороссіи же Кулишъ писалъ: „При вѣздѣ въ Малороссію чувствую какой-то восторгъ, котораго давно не испытывалъ, и люблю ее, несмотря на все дурное, чтó она въ себѣ заключаетъ“. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „Теперь я привязанъ матеріально и нравственно къ Петербургу, а душа моя стремится въ нѣсколько пунктовъ Малороссіи за поэтической наживкою; мнѣ предстоятъ долгія странствованія по свѣту. Но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать себя въ будущемъ, и я знаю, что придетъ время, когда никакая мѣстность и никакіе комфорты и связи не замѣнятъ мнѣ жизни въ мѣстахъ, памятныхъ мнѣ по событіямъ дѣтства и юности. Во чтó бы ни превратился Борзенскій уѣздъ черезъ 10, черезъ 15 лѣтъ, онъ останется для меня вѣчно чѣмъ-то роднымъ“. Слова эти потомъ были подтверждены самымъ дѣломъ.

XXXIV.

Промежутокъ отъ второй половины пятидесятихъ до начала семидесятихъ годовъ былъ для Кулиша временемъ, чрезвычайно богатымъ разнообразіемъ внѣшнихъ событій и внутреннихъ настроеній, временемъ, когда надежды еще не угасли и старость еще не настала, но когда вмѣстѣ съ тѣмъ чело­вѣкъ

читаю до тѣхъ поръ, пока не останется слова, котораго я бы не зналъ, какъ оно у него сказано».

уже приобрѣлъ опытность и небезотчетно расходуетъ свои силы. Но мы очень часто видимъ въ Кулишѣ смѣну восторженныхъ надеждъ и временныхъ разочарованій; время для устройства своей будущей судьбы еще не ушло, опредѣленной же колени не было, и постоянно приходилось отыскивать и пролагать новую дорогу. Такъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ, какъ извѣстно, онъ обратилъ вниманіе на много обѣщавшее дарованіе г-жи Марковичъ, извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марка Вовчка. ¹⁾ Съ свойственнымъ ему энтузіазмомъ Кулишъ пишетъ своему другу-поэту: „Посылаю тоби, брате Тарасе, „Оповідання“ Вовчка. ²⁾ Бачъ, яки дыва творятся:—уже и каминня почынае вопіяти. Де-жь, пакъ, не дыво, що, московка преобразылась въ украинку, да таки повисти вдрала, що хочъ бы й тоби, мій друже, то прийшлося бы въ миру. Якъ-то ихъ ты уподобаешъ? Пышы щиро, якъ думаешъ, бо ты въ насъ голова на всю Украину“. ³⁾ Самого Шевченка онъ старался ободрить слѣдую-

¹⁾ Тѣмъ болѣе Кулишъ отъ всей души радовался каждому успѣху его старыхъ друзей, напр. Костомарова, о которомъ онъ съ большой радостью сообщалъ Вас. Вас. Тарновскому (25 окт. 1857): «Костомаровъ въ Саратовѣ. Надѣмся увидѣть его на петербургской (устриловской) каедрѣ» («Кіевская Старина», 1898, XII, 365). О Шевченкѣ онъ писалъ В. В. Тарновскому—сыну, что ему хорошо жилось въ Нижнемъ Новгородѣ и что онъ прислалъ семнадцать акварелей, изображающихъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ жилъ въ изгнаніи. Кулишъ выражалъ сожалѣніе, что эти акварели предположено было разыграть въ лотерею, тогда какъ украинскимъ патриотамъ слѣдовало бы въ своихъ рукахъ сохранить эти сокровища.

²⁾ Кулишъ писалъ г-жѣ Милорадовичъ про «Народня Оповідання» Марка Вовчка: «Побачыте, що за дыво, що за краса нашої мовы! що за слава нашому сільському люду! Вся повисти напысанп такъ, якъ народъ рязкае. Выдумкы немає. Но Кулишъ находилъ и недостатки въ М. Вовчкѣ. Впоследствии, поощряя свою жену къ занятіямъ литературой, онъ, какъ видно изъ одного письма къ Огоновскому, невольно сравнилъ ее съ Марко Вовчокъ, но видѣлъ въ ней женщину писательницу,—въ противоположность односторонности Марко Вовчокъ,—призванную изображать разные слои общества.

³⁾ «Кіевская Старина», 1898, II, 231.

щими словами: „Пышуть до мене въ Москвѣ, щоби у московскому журналу твою напечатать, не ваясь на се, мій голубе, до якого часу. Одно, що тобі треба спростувать дорогу до столиці, а друге—зъ великою увагою треба теперъ роздвлятысь, що печатать, а що й придержать. Слава твоя пысательна теперъ у зенити, то вже треба оглашати себе голоснымъ дипломъ, а не абы-якимъ. Посли 1847 року ждуть одъ тебе землякы ричей великихъ, а послі вже й малымы до ихъ обиввеса“. Кулишъ высказывалъ Шевченку свои мнѣнія о его поэтическихъ трудахъ, а послѣдній чрезвычайно дорожилъ этимъ, говоря: „Михайль Семеновичъ Щепкинъ въ этомъ дѣлѣ не судья мнѣ, онъ слишкомъ увлекается. Максимовичъ—тотъ просто благоговѣть передъ моимъ стихомъ, Бодянский—тоже. Нужно будетъ подождать Кулиша. Онъ хотя и жестоко, но иногда скажетъ правду. Зато ему не говори правды“—прибавлялъ онъ, если хочешь сохранить съ нимъ добрыя отношенія“¹⁾).

Позднѣе Кулишъ сообщалъ нерѣдко въ своихъ письмахъ къ роднымъ разныя извѣстія о Шевченѣ: „Кажуть, що вже Гара са зроблять хутко старшимъ. Цензура иноди крутытся, не одвыкшы басуваты по-старому. Хто жъ їи дражныть, а моя „Чорна Рада“ на соби те переносить“²⁾).

XXXV.

Въ началѣ 1857 г. Кулишъ продалъ „Чорную Раду“ (на русскомъ языкѣ) въ „Русску Бесѣду“—по сто рублей за листь и кромѣ того выговорилъ себѣ 500 оттисковъ, куда онъ предпо-

1) „Всемирная Иллюстрація“, 1897, № 19, стр. 438.

2) О себѣ же онъ писалъ въ шутку г-жѣ Милорадовичъ: «Много найдется родителей, которые скажутъ своимъ дѣтямъ: «Не идите по стопамъ Кулиша, а то его бѣда постигла, что не въ свое дѣло мѣшался. Ужъ умнѣе председатели палаты да министры, да сенаторы какого-нибудь губернскаго секретари!»

лагалъ включить иллюстрированныя изображенія и надѣялся, что эти экземпляры должны были разойтись скорѣе, нежели на малороссійскомъ языкѣ, бо землякы—ледачый народъ“, и вотъ на этихъ чистыхъ листахъ онъ просилъ Н. М. Бѣлозерскаго дѣлать замѣтки о томъ, какъ жили люди въ старину, какіе были тогда суды и проч., и эти матеріалы предполагалъ потомъ напечатать въ третьемъ томѣ „Записокъ о Южной Руси“. Въ то же время онъ занимался печатаніемъ „Исторіи Бориса Годунова“. Отъ Н. М. Бѣлозерскаго онъ ожидалъ только выписокъ изъ его бумагъ о хищничествѣ козацкихъ старшинъ и пановъ въ XVIII столѣтіи.

Въ одномъ письмѣ Кулишъ проситъ передать Костомарову дружеское порицаніе за то, что онъ къ нему не пишетъ: «Костомара сыдыть у Саратовѣ та й мовчыть, хырный. Не знаю що зъ имъ и діеться». Черезъ нѣкоторое время Кулишъ имѣлъ случай оказать Костомарову немалую услугу, о чемъ онъ сообщаетъ впоследствии въ „Воспоминаніяхъ о Костомаровѣ“: «Окончивъ «Богдана Хмельницкаго», благодаря содѣйствію благороднаго ляха ¹⁾, Костомаровъ прислалъ мнѣ изъ Саратова свою рукопись, прося напечатать ее отдѣльною книгою, но дня черезъ два онъ увѣдомилъ меня о своемъ желаніи помѣстить „Богдана Хмельницкаго“ въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ,—и первый гонораръ знаменитаго впоследствии историка былъ 45 рублей съ печатнаго листа въ «Отечественныхъ Запискахъ» ²⁾.

Еще до окончанія изданія сочиненій Гоголя, Кулишъ уже имѣлъ удовольствіе видѣть осуществленіе своей мечты послѣднихъ лѣтъ, именно основаніе собственной типографіи, ³⁾ и въ его ру-

¹⁾ Свиданскаго.

²⁾ Гораздо поздиѣе, въ среднѣ шестидесятыхъ годовъ, Кулишъ однажды писалъ: «Журнальныя дѣла такъ упали, что Краевскій предлагаетъ Костомарову 40 р. съ печатнаго листа».

³⁾ Любопытно, что Кулишемъ при учрежденіи типографіи руководили также заботы объ участіи двухъ его пріателей, которыхъ онъ хотѣлъ имѣть компаньонами. „Съ изданіемъ сочиненій Гоголя“—пи-

какъ было исполненіе другого завѣтнаго плана—заграничной поѣздки. „Я могу продать изданіе Гоголя въ нѣсколько рукъ очень выгодно, съ уступкой только 10 процентовъ, а остальное по силамъ будетъ кому-нибудь съ уступкой 20 %. Итакъ сумма моя значительно подрастаетъ и мнѣ будетъ съ чѣмъ бродить по Европѣ“.

Цѣлью путешествія было самообразование: усиленные спеціальныя занятія нѣсколькихъ лѣтъ, поглощавшія все время Кулиша до послѣдней минуты до такой степени, что у этого человека, котораго смѣло, безъ малѣйшаго преувеличенія, можно называть образцомъ трудолюбія, иногда вырывались стоны сожалѣнія о неимѣнии возможности хоть сколько-нибудь принадлежать себѣ,—эти одностороннія занятія отвлекали его отъ многихъ другихъ, не менѣе важныхъ. Такимъ образомъ чувствовалась потребность какъ въ отдыхѣ, въ обновленіи силъ, такъ и въ расширеніи круга впечатлѣній.¹⁾ Вотъ какъ онъ передаетъ женѣ объ этой своей душевной потребности: „Типографія работаетъ, корректуры читаются, приготовленія къ путешествію дѣлаются, а они состоятъ въ многоразличныхъ чтеніяхъ и выпискахъ. Я прихожу въ ужасъ отъ бесплодности послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ. Въ умѣ моемъ водворяется мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Душа моя смята и измучена. Читая теперь исто-

салъ онъ С. Т. Аксакову—„связана еще судьба двухъ человекъ, для которыхъ я завожу типографію. Это люди высокой душевной чистоты, в жалъ было бы потерять изъ виду въ мутномъ водоворотѣ жизни. Поэтому я рѣшился приназать къ себѣ житейскими интересами и такимъ образомъ упрочить для себя и для общества ихъ непоколебимую честность“.

1) Одной изъ причинъ стремленія за границу было для Кулиша разочарованіе въ сочувствіи къ себѣ земляковъ. Онъ писалъ Милорадовичу, что ему „тяжело ѣхать, зная, что никто тебя не ожидаетъ“. Здѣсь (въ Швейцаріи) по крайней мѣрѣ разнообразіе человеческой жизни и природы можетъ сколько-нибудь занять тоскующаго человека.

рическія сочиненія и великихъ поэтовъ, я кое-какъ себя востановляю, пополняю и привожу въ порядокъ. Если бы дѣла шли такъ, какъ до сихъ поръ, я бы съ отчаянія сдѣлался пьяницей или застрѣлился. А теперь я бы желалъ отдать себя въ руки какому-нибудь мудрому человѣку, который бы все во мнѣ пересмотрѣлъ и дополнилъ. Еще чувствую возможность быть человѣкомъ; еще остался во мнѣ юношескій жаръ къ ученію, но знаю, что это послѣдній порывъ; если имъ не воспользуюсь, то лучше мнѣ не существовать, чтобъ не презирать самого себя за пустую, мелкую, вздорную, ни къ чему святому не направленную жизнь. Всѣ мои сочиненія—сущій вздоръ. Они получаютъ значеніе только въ такомъ случаѣ, когда я выскажу какую-нибудь великую идею въ болѣе совершенныхъ созданіяхъ. Тогда они окажутся необходимыми ступенями къ какой-то высотѣ, а когда высоты нѣтъ, то къ чему ступени? И такъ, я еще не совсѣмъ падшій человѣкъ. Я еще могу встать, еще могу торжествовать надъ жизнью, которая разбила меня въ прахъ. Одинъ годъ такого торжества—и душа моя совершенно и навѣки исцѣлится, и кромѣ благодати ничего изъ нея не изыдетъ, и уже тогда ничто ея не возмутитъ; безсиленъ будетъ весь міръ возмутить ее“.

Но это были пока мечты, а дѣйствительность продолжала предъявлять свои требованія и приковывать къ прозаическимъ заботамъ. Для сотрудничества въ типографскомъ дѣлѣ пришлось пригласить двухъ лицъ: Каменецкаго ¹⁾ и Панина, изъ которыхъ послѣдній вскорѣ же не оправдалъ возложенныхъ на него Кулишомъ ожиданій. Хлопоты продолжались: „Цензурныхъ экземп-

¹⁾ Съ нимъ Кулишъ велъ въ концѣ 50-хъ годовъ дѣловую переписку, которая напечатана въ «Кіевской Старинѣ» 1898 г., № VП, VII и XII; тамъ же см. свѣдѣнія о личности Каменецкаго и объ отношеніяхъ къ нему Булша». П. А. Кулишъ мечталъ о блестящемъ будущемъ своей типографіи и въ своихъ письмахъ охотно связывалъ съ успѣхами типографіи судьбу ея управляющаго; но точный и здоровый умъ Каменецкаго не могъ раздѣлять увлеченій своего патрона». («Кіевская Старина», 1898, XII, 351).

ляровъ съ билетомъ до сихъ поръ нѣтъ. Наборъ все еще идетъ, потому что „Мертвыя души“ съ примѣчаніями и перебивкою текста—очень затруднительная работа. Моя типографія уже набираетъ „Бориса Годунова“, а графъ Толстой ¹⁾ обѣщаль черезъ недѣлю возвратитъ мнѣ „Литургію“, и это будетъ первая книга, которая выйдетъ изъ моей типографіи“. Въ томъ же письмѣ находимъ любопытныя строки и о Шевченкѣ: „Тарасъ намѣренъ возвратиться въ Петербургъ, но неизвѣстно, когда онъ сюда будетъ. Онъ получилъ первый томъ „Записокъ о Южной Руси“ и пришелъ къ неописанный восторгъ. Именно только такіе люди, какъ онъ, знаютъ цѣну записаннымъ мною преданіямъ. Онъ говоритъ, „що такой книжки ще зъ роду не читавъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кулишъ уже принимался за работу надъ изданіемъ сочиненій Квитки-Основьяненко, а съ другой стороны репутація его, какъ хорошаго, исправнаго издателя, грозила его надолго затянуть въ специально-издательскую дѣятельность. „За границу потому неудобно покамѣсть ѣхать, что сочиненія Гоголя только что окупятся; а можетъ быть, придется быть издателемъ и Пушкина, ибо Анненкову сровъ до 1 января, и книги вышли почти всѣ у него. Теперь сынъ Пушкина помышляетъ объ изданіи и хочетъ обратиться ко мнѣ“. Отсюда онъ приходилъ къ такому неутѣшительному заключенію, несмотря на перспективу пріятной самой по себѣ работы: „я, бывши недавно вольнымъ козакомъ, очутился опять на привязи. Вирочемъ, здѣсь больше были въ виду собственно хлопоты по продажѣ сочиненій Гоголя, по окончаніи которыхъ—мечталъ опять Кулишъ—„легкая кибитка помчитъ насъ въ тѣ страны, по которымъ ѣздятъ безъ лошадей: поѣдемъ прямо въ Римъ, до весны обнюхаемъ съ иностранцами, и будемъ знать, куда и для чего ѣхать весной“.

1) Александръ Петровичъ, другъ Гоголя.

XXXVI.

Приведемъ теперь небольшой отрывокъ изъ воспоминаній Кулиша о Костомаровѣ, относящійся къ жизни ихъ обоихъ въ Петербургѣ 1859—1861 г.: „Начались мои совмѣстныя работы съ Костомаровымъ по изданію Актовъ Южной Россіи чрезъ посредство Археографической Коммиссіи. По его слѣдамъ я изучалъ историческія рукописи Императорской Публичной бібліотеки, гдѣ мы видѣлись ежедневно, работая въ уединенномъ кабинетѣ и перемежая работу веселыми шутками. Костомаровъ, несмотря на свои болѣзненные припадки, любилъ смѣяться, и смѣхъ его былъ возбужденъ для собесѣдника. Мы воображали себя въ Императорской Публичной Библіотекѣ подвижниками; Публичную Библіотеку называли Храминою Спасенія; весьма часто находила на насъ блажь вести бесѣду на древнеславянскомъ языкѣ и даже сочинять стихи въ старинномъ вкусѣ. Другъ друга мы звали не иначе, какъ „отче Николае, „отче Пантелеймоне“. Но бесѣда наша пришлась бы по вкусу и пушкинскому отцу Мисаилу съ его товарищемъ, отцомъ Варлаамомъ. Было что-то дѣтское въ веселости Костомарова, когда онъ чувствовалъ себя здоровымъ. Никто бы не повѣрилъ, что наша Храмина Спасенія оглашается такими ребяческими разговорами. Однажды сказалъ онъ мнѣ, подражая въ совершенствѣ монашеской интонаціи, „честнѣйшій отче Пантелеймоне! хошу всѣмъ сердцемъ моимъ и всею душою моею и всѣми помышленіями моими пояти себѣ жену красну, аки кринъ сельный“. Я отвѣчалъ ему: „честнѣйшій отче Николае! добре сотвориши, обаче прикуй въ ложу своему пербера трезвѣна“. И мой подвижникъ такъ расхохотался, что бібліотекарь прибѣжалъ изъ сосѣдняго кабинета. Часто вспоминалъ Костомаровъ совѣтъ мой и всегда съ хохотомъ. Многіе изъ властительныхъ тирановъ позавидовали бы веселости книжныхъ иноковъ, которыхъ жизнь была такъ безпощадно исковеркана“. ¹⁾ Позволимъ себѣ при-

¹⁾ «Новь», 1885, № 13, стр. 69.

вести въ примѣръ ихъ оригинальной переписки. на церковнославянскомъ языкѣ начало письма Костомарова къ Кулишу: „Отче, радуйся и наки реку радуйся! Вселюбезное писаніе твое пріяхъ и прочтохъ и радостью возрадовахся. Аще бо возможно сему быти: есть желаніе сердца моего и многихъ лѣтъ, во еже написать дѣписаніе народа житія его“.. Оканчивается письмо такъ: „Женамъ сущимъ окрестъ о Христвѣ благоумдрымъ сущимъ земно влаяюсь. Такжеже возлюбленнаго брата Василія цѣлую любезнѣ. Смиранный инокъ, иже на Невѣ рѣцѣ, худый старецъ, паче всѣхъ человекъ грѣшнѣйшій, на благость же неизрѣченную Божіей десницы уповай во вѣки, аминь“.¹⁾

Въ 1860 и 1861 гг. Костомаровъ жилъ съ Кулишомъ общими интересами душа въ душу. Въмѣстѣ проводя утро въ Публичной Библиотекѣ, они любили также сходиться по вечерамъ и составляли небольшое, но весьма интимное общество изъ четырехъ-пяти членовъ, т. е. Костомарова, г. Мордовцева, супружеской четы Кулишей и В. М. Бѣлозерскаго. Слѣды этого постояннаго близкаго общенія ихъ сохранились, между прочимъ, въ письмахъ Кулиша къ Юзефовичу, изъ которыхъ можно видѣть, до какой степени ихъ связывали тогда общіе интересы. 7 ноября 1860 г. Кулишъ писалъ: „Почтеннѣйшій Михайло Владиміровичъ! Петербургскій кружокъ земляковъ вашихъ, къ которому принадлежу и я, постоянно занимается исторіею Украины во время своихъ вечернихъ сходовъ, и вотъ уже нѣсколько разъ встрѣтилась намъ настоятельная надобность въ 4-мъ томѣ лѣтописи Велички, которая Богъ знаетъ почему не появляется въ продажѣ. „Вашимъ Лукомскимъ (лѣтописная компиляція по исторіи Малороссіи) „мы съ Костомаровымъ заинтересовались очень“. Часто также мы находимъ въ этихъ письмахъ сообщеніе о статьяхъ и публичныхъ лекціяхъ Костомарова и объ ихъ общихъ предположеніяхъ. Между прочимъ Кулишъ однажды сообщаетъ, что „Костомаровъ порывается

¹⁾ Нельзя поручиться за безусловную точность приведенныхъ строкъ вслѣдствіе феноменальной неразборчивости почерка Костомарова.

даже оставить кафедру, чтобы всего себя отдать литературѣ и исторіи“. Изданіе Актовъ Южной и Западной Россіи такъ воодушевляло обоихъ друзей, что они были совершенно околдованы надеждами. „Исторіи до сихъ поръ не было“—пишетъ Кулишъ—„и Костомаровъ отрекается отъ своего „Богдана Хмельницкаго“. Собственные замыслы Кулиша были тогда чрезвычайно широки и самоувѣрены, и Костомаровъ одобрялъ ихъ. „Миѣ хотѣлось—писалъ Кулишъ о своей повѣсти „Тайна“—„написать такую вещь, которая бы ничего не потеряла, будучи переведенною и на языкъ Боккачіо, Сервантеса, Гете или Маколея, и, кажется, успѣлъ въ этомъ. Костомаровъ очень доволенъ“. 1)

XXXVII.

Покончивъ наконецъ съ своими срочными типографскими заботами и имѣя въ своемъ распоряженіи довольно денегъ для задуманнаго путешествія, Кулишъ долженъ былъ передъ отъѣздомъ позаботиться объ устройствѣ дѣлъ по имѣнію. Право на владѣніе хуторомъ Мотроновкой еще не было выяснено, что повело къ недоразумѣніямъ и пререканіямъ. Занятый постоянно литературой и разносторонними книжными интересами, Кулишъ постоянно стоялъ въ сторонѣ отъ этихъ пререканій, но ему надо было все-таки выяснитъ свое положеніе въ отношеніи къ имѣнію и стать въ опредѣленные отношенія, въ качествѣ владѣльца, къ другимъ лицамъ, имѣвшимъ также свои права и виды на Мотроновку. И вотъ, онъ проситъ одного изъ братьевъ жены: „Сдѣлайте милость, устройте между собой какой-нибудь раздѣлъ и объявите намъ, на какихъ условіяхъ Мотроновка могла бы перейти во владѣніе Саши. До сихъ поръ мы даже не знаемъ, какую сумму денегъ должны приписать для того, чтобы получить право быть уже не гостями въ этомъ убѣ-

1) «Кіевская Старина», 1899, III, 317—322.

жищѣ. Еслибы вы написали намъ, что и какъ, то мы бы въ февралѣ могли и двинуться для слушанія въ Мотроновѣхъ весенняго цвириканья воробьевъ. Ъхать же наобумъ не рѣшимся. Здѣсь же мы все-таки чувствуемъ себя дома, а тамъ не знаешь, котораго брата величать хозяиномъ. ¹⁾

Наконецъ Кулишъ пустился въ давно желанный путь съ женой. Онъ объѣхалъ большую часть Европы, всюду восхищался плодами западной цивилизаціи, которую онъ всегда цѣнилъ высоко, и вмѣстѣ съ тѣмъ грустилъ о томъ, что далеко до той степени благосостоянія и культуры его бѣдной, но горячо любимой Украинѣ; еще грустише было ему отъ сознанія, что погруженная въ сонъ невѣжества родная страна такъ мало имѣетъ заступниковъ и покровителей, друзей мирнаго прогресса, и такъ много на ней тяготѣетъ всевозможныхъ условій, стѣсняющихъ даже ея естественное, столь запоздалое развитіе.

По возвращеніи Кулиша изъ заграницы В. М. Бѣлозерскій предпринялъ изданіе Малороссійскаго альманаха „Хата“ ²⁾ и затѣмъ журнала „Основа“. Это былъ первый опытъ въ своемъ родѣ, что уже само по себѣ показываетъ предприимчивость издателей. Осенью 1858 года, ободренный большимъ успѣхомъ „Записокъ о Южной Руси“ и другихъ своихъ трудовъ, Кулишъ рѣшился обратиться къ министру народнаго просвѣщенія Ковалевскому съ просьбою о разрѣшеніи издавать журналъ, посвященный южно-русской жизни, подъ названіемъ „Хата“, съ отдѣлами мѣстной словесности, исторіи, этнографіи и сельскаго хозяйства, причемъ общалъ, что органъ этотъ „будетъ чуждъ политики“. Министръ свесся по этому вопросу съ начальникомъ 3-го отдѣленія, княземъ Долгоруковымъ. Ходатайство было отклонено вслѣдствіе того, что передъ тѣмъ „Грамматка“ Кулиша

1) Объ этомъ дѣлѣ см. подробности въ «Кіев. Стар.», 1898, I, въ письмахъ къ Хилчевскому.

2) См. о ней замѣтку въ «Кіевской Старинѣ» 1898, іюль-августъ, отдѣлъ второй, стр. 5—6.

была признана, по направленію, неодобренною. Между тѣмъ Кулишомъ подготовлялись къ обработкѣ девять томовъ Исторіи „Воссоединенія Руси“ 1).

Получивъ отказъ, Кулишъ одно время останавливался на мысли предпринять съ 1860 года изданіе цѣлаго ряда украинскихъ сборниковъ, причемъ, въ объявленіи объ этомъ изданіи, такъ объяснял основанія задуманнаго имъ дѣла: „Въ настоящее время, когда всякое гражданское общество ищетъ прочности своего существованія въ самопознаніи, какъ въ необходимомъ средствѣ къ исправленію старыхъ ошибокъ своихъ и предотвращенію новыхъ, Южная Русь, простирающаяся отъ предѣловъ царства Польскаго до Кавказа, отличающаяся отъ прочихъ племенъ славянскихъ своеобразнымъ языкомъ, такъ называемымъ украинскимъ, не осталась равнодушною къ великому и спасительному дѣлу самопознанія. Она выразила отличительныя черты своего прошедшаго и настоящаго многими томами чисто ученыхъ и беллетристическихъ произведеній на сѣверно-русскомъ и на своемъ родномъ, украинскомъ, языкахъ... По этимъ первымъ опытамъ разныхъ писателей, занимавшихся изслѣдованіемъ Южной Руси или ея изображеніемъ, чувствуется, что рудники, на которые набрело наше пытливое поколѣніе, доставятъ, послѣ насъ, работу миллионамъ другихъ, безъ сомнѣнія болѣе могущественныхъ и счастливыхъ дѣятелей. При такомъ сознаніи естественно приходитъ въ голову мысль о работахъ систематическихъ, производимыхъ не разъединенными личностями, а цѣлымъ обществомъ ученыхъ и литераторовъ, и эта мысль тревожитъ умы не однихъ литературныхъ дѣятелей по предмету изслѣдованія и изображенія русскаго юга, говорящаго украинскимъ языкомъ,—она слышится безпрестанно въ читающемъ обществѣ“.

1) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ составленной для насъ рукописной записки доктора Славницкаго.

Наконецъ наступило время торжества; разрѣшено было изданіе „Хаты“ въ 1860 году (выпущенъ былъ впрочемъ только альманахъ подъ этимъ названіемъ, но не журналъ, какъ добивался Кулишъ); въ 1861 году разрѣшено издавать „Основу“.

XXXVIII.

Редакторы „Основы“ горячо принялись за дѣло, но, очевидно, не такъ легко было поставить журналъ на ноги. „У насъ въ Петербургѣ хорошаго вичего не слышно,“ писалъ Кулишъ Бодянскому въ концѣ 1860 г.,—„а дурнымъ непріятно съ кѣмъ бы то ни было дѣлиться, тѣмъ паче съ вами. Подписка на журналъ идетъ тихо, въ томъ числѣ и на „Основу“, которой первая книжка уже набирается“¹⁾.

Но не таковъ былъ Кулишъ, чтобы опускать руки отъ первой неудачи и тутъ же онъ сообщалъ Бодянскому, что предпринимаетъ написать малороссійскую исторію на украинскомъ языкѣ: „Очень мудреное дѣло, но мнѣ хочется сдѣлать все для меня возможное, чтобы хоть попытка къ этому была заявлена судьямъ нашей народности. Для народа я уже написалъ книжку о временахъ Хмельницкаго и хлопочу только о цензурѣ; но заговорить по украински съ людьми учеными дѣло совсѣмъ иное“²⁾. Оглядываясь въ послѣдніе годы на пройденное поприще жизни, Кулишъ обыкновенно съ грустью вспоминалъ о удачно начатомъ, но вскорѣ испорченномъ и загубленномъ своемъ журнальномъ дѣтищѣ, печальную судьбу котораго онъ объяснялъ неумѣлымъ веденіемъ дѣла своимъ сотрудникомъ. Быть можетъ, въ этомъ

¹⁾ «Кіевск. Стар.» 1897, XII, стр. 469.

²⁾ Тамъ же.

обвиненіи была доля правды; но несомнѣнно, что главной причиною неудачи было все же позорное равнодушіе публики, о которомъ мы говорили и при существованіи котораго необходимы были и особенное искусство, и особенное счастье въ веденіи дѣла. Каждый ошибочный шагъ могъ повлечь за собой для журнала самыя серьезныя послѣдствія. Въ одномъ письмѣ къ львовскому писателю Павлику, уже въ девяностыхъ годахъ, Кулишъ говорилъ: „Завязавшись выробити мову добру, не відкидав я геть нічого, що попадало під мое перо ще й до „Хати“ и „Основи“. Саме имья сему місячникові нарек аз; программу до него скомпанував аз, и скільки було моєї власти над его редактором, те все переходило через мою критичню реторту: и проза, й віршуванье. От вам відповідь и на питанье про Вовчкови „Оповіданья“. Далѣ слѣдуетъ любопытное указаніе на то, что Кулишъ, въ качествѣ редактора, прилагалъ до нѣкоторой степени руку къ трудамъ Марка Вовча: „Виділати попіл и жужелицю від срібла въ горнилі, очищаючи его седмерицею, а се ще трудніша річ, ніж самому авторувати“. Разочарованіе въ ихъ общемъ дѣлѣ съ редакторомъ „Основи“ наступило у Кулиша поразительно скоро. Мы можемъ это видѣть уже по его письмамъ къ Бодянскому. Такъ, въ декабрьскихъ письмахъ 1860 г. Кулишъ говорилъ о журналѣ еще съ полной надеждой, безъ которой впрочемъ едва ли могло бы и состояться это предпріятіе, а въ апрѣлѣ онъ уже откровенно жалуется: „Основа“ свуется Богъ знаеть какъ, чему я не причастень, удалихся бо и умыхъ рудѣ мои отъ всѣхъ распоряженій и даже совѣтовъ, зане редакторъ возмнилъ себе быти мудрѣйша паче всѣхъ земнородныхъ“¹⁾. А одно письмо къ Марко-Вовчовъ отъ 15 марта 1862 г. заставляеть думать, что несогласія начались еще задолго до возникновенія журнала. Уже въ этомъ письмѣ

¹⁾ «Кіевск. Стар.» 1897, XII, 470; также см. о пререканіяхъ Кулиша съ Бѣлозерскимъ по поводу «Основи» въ «Кіевск. Стар.», 1899. IX, 358.

Кулишъ сѣтуетъ: „Журвалъ Василю Михайловичу разрѣшенъ; но Василій Михайловичъ хочетъ издавать его въ духѣ примиренія съ панами и объявилъ, что хотя цензура и пропустила въ «Хатѣ» начало моей драмы «Коліі», но онъ ее въ журналѣ не напечаталъ бы, и проч. въ этомъ родѣ. Онъ присваиваетъ себѣ право второй цензуры, хочетъ ублажить пановъ и полюбиться имъ своимъ журналомъ, тогда какъ панское негодованіе я считаю заслугою украинской литературы, по преимуществу демократической... Я даю себѣ слово стоять на стражѣ простонародной прамоты и выразительности слова».

Столь же неудачными оказались и дѣла Кулиша по типографіи, но уже по винѣ не неумѣнія вести дѣла, а по совершенной недобросовѣстности сотрудниковъ. Хотя Кулишъ положилъ въ учрежденную имъ типографію почти всѣ свои деньги, которыхъ, какъ мы видѣли, онъ много успѣлъ заработать удачнымъ и полнымъ энергіи трудомъ предыдущихъ лѣтъ, но не въ его характерѣ было контролировать малѣйшіе расходы, безъ чего, однако, едва ли можетъ вестись такое сложное и трудное дѣло, какъ типографское, въ которомъ, въ большинствѣ случаевъ, основано все дѣло на довѣрїи въ помощникамъ, что, къ сожалѣнію, пока у насъ еще слишкомъ рисковано. Такъ случилось и съ Кулишомъ: выбранный имъ помощникъ вполне оправдывалъ надежды своего довѣрителя въ смыслѣ искуснаго веденія дѣла, но съ нимъ слѣдовало наблюдать осторожность, чтобы вся его дѣятельность не направилась исключительно на собственное обогащеніе. Всѣмъ этотъ человекъ былъ обязанъ Кулишу, но, быстро разбогатѣвъ, онъ не задумался съ цинической откровенностью заявить ему въ глаза: „Теперь я вамъ не нуженъ; дѣло и безъ меня пойдетъ, а мнѣ въ другомъ мѣствѣ предлагаютъ вдвое больше денегъ“. Кулишъ не упрекнулъ его ни полсловомъ и отпустилъ отъ себя, но типографія, оставшись безъ опытнаго заправителя дѣлъ, скоро пришла въ полный упадокъ. Но и въ эту тяжелую пору Кулишъ не палъ духомъ и нашелъ утѣшеніе

въ литературномъ трудѣ, взявшись за переводъ „Исторіи Англіи“, „Маколея“¹⁾ съ тѣмъ, чтобы издатель печаталъ переводъ въ его типографіи, платя за бумагу и наборъ, а все, что Кулишу приходилось получить за его труды, онъ раздавалъ рабочимъ. Затративъ на основаніе типографіи до трехъ тысячъ рублей, Кулишъ мечталъ «только, чтобы получить обратно хоть двѣ», но и этого ему не удалось.

XXXIX.

Въ 1861 году, послѣ всѣхъ названныхъ неудачъ, Кулишъ снова искалъ нравственнаго отдыха и облегченія тамъ, гдѣ привыкъ находить его въ прежніе годы; онъ снова поѣхалъ за границу, для купанья въ морѣ, причемъ на этотъ разъ его спутникомъ былъ Костомаровъ, бывший тогда уже профессоромъ петербургскаго университета. Это было счастливое время ихъ тѣсной, задушевной дружбы. Кулишъ, В. М. Бѣлозерскій и Костомаровъ часто сходились передъ тѣмъ по вечерамъ въ Петербургъ и подолгу засиживались другъ у друга, проводя время въ одушевленной бесѣдѣ. Въ письмахъ и небольшихъ отрывочныхъ записочкахъ Кулиша и Бѣлозерскаго мы нерѣдко встречаемъ за это время слѣды ихъ близкихъ отношеній; «корректуру возвращу сегодня у Костомарова», «рукописи принесу съ собой къ Костомарову». Наши путешественники прожили вмѣстѣ около мѣсяца въ Ниццѣ и Монако, побывали въ Генуѣ, но потомъ пути ихъ раздѣлились:²⁾ Костомаровъ вернулся въ Петербургъ къ началу лекцій въ университетѣ, котораго, однако

¹⁾ Надъ этимъ переводомъ, какъ прежде надъ переводомъ «Исторіи испанской литературы Тикнора, по словамъ Ганны Барвинокъ, мужъ ея трудился до обмороковъ.—О журналѣ «Основа» см. въ «Исторіи русской этнографіи» А. Н. Пыпина, т. III, стр. 214—222.

²⁾ См. объ этомъ подробности въ «Воспоминаніяхъ о Н. И. Костомаровѣ» въ «Нови», 1895, № 13, стр. 71.

вскорѣ же прекратились вслѣдствіе извѣстной студенческой исторіи, а Кулишъ еще долго страивовалъ по Италіи, проѣхалъ въ Вѣну, оттуда пароходомъ по Дунаю направился въ Турцію; по возвращеніи въ Россію, основался на нѣкоторое время въ Васильевкѣ, у М. И. Гоголь, гдѣ чрезвычайно пріятно провелъ время, и въ серединѣ осени вернулся въ Петербургъ. Въ этотъ промежутокъ времени Кулишъ, много думавшій за границей о своей «Украинѣ», началъ писать свои «Досвітки» и принялся усердно читать біографію и произведенія Данта. Иногда ему встрѣчались затрудненія въ изученіи нѣкоторыхъ тонкостей «Божественной Комедіи» или сонетовъ Данта и тогда онъ упорно размышлялъ и добивался разъясненія. Потомъ онъ написалъ «Великі Проводи» (произведеніе, сильно искаженное вожницами цензуры), и поэмѣ «Настусю».

Очень много грустнаго чувствуется въ этихъ стихахъ Кулиша! И въ самомъ дѣлѣ, весь 1861 годъ былъ для него тяжелъ: кромѣ всего сказаннаго, достаточно только вспомнить, что это былъ годъ смерти Шевченка (26 февраля), надъ гробомъ котораго Кулишъ сказалъ слѣдующія прочувствованныя слова: «ты намъ оставивъ одинъ завить, Тарасе, ты говоривъ свой непорочній музи:

«Мы не лукавылы зъ тобою,
Мы просто йшли—у насъ нема
Зерна неправды за собою»...

«Велькый и святый завить! Будь же, Тарасе, певень, що мы его соблюдемо и николи не звернемо зъ дороги. Коли жъ не стане въ насъ снагы твоимъ слидомъ простуваты, коли не можна буде намъ такъ, якъ ты, безтрепетно правду глаголаты, то лучче мы мовчатимемо». Когда же «гробъ поэта, поставленный на траурныя дроги, готовъ былъ двинуться къ своему новому погребенію на далекой родинѣ»,—разсказываетъ г. Мордовцевъ,—«тогда всѣ провожавшіе останки пѣвца Украины стояли подъ гнетомъ сосредоточенной печали, одинъ Кулишъ возвысилъ го-

лось: „Що жъ се ты, батьку Тарасе, одъязжаеш на Вкраину безъ червонои китайки, заслуги козацької? Чымъ же вышый ты одъ козацькихъ лыцаривъ? Ны одинъ вильный козаць не сходивъ зъ сѣго свиту безъ сѣй остатней чести“. И гробъ поккрылы червоною китайкою“¹⁾. Зашла рѣчь о памятникѣ Шевченку; Кулишъ сказалъ: „Шкода того кошту и заходу, Шевченкови треба спорудити пам'ятникъ нерукотворный“. Въ самомъ дѣлѣ, по иниціативѣ Кулиша вскорѣ была сдѣлана подписка на школу имени Шевченка, но проектъ не былъ разрѣшенъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ²⁾.

Намъ нечего говорить, что, съ потерей Шевченка, для Кулиша тѣмъ дороже стали отношенія его къ Костомарову, за котораго онъ готовъ былъ горой стоять при каждомъ малѣйшемъ выраженіи съ чьей-нибудь стороны хотя бы незначительнаго неудовольствія: за своихъ друзей „горячій Кулишъ“ всегда ратовалъ съ жаромъ. Такъ однажды у него чуть не произошла размолвка съ однимъ изъ стариннѣйшихъ и ближайшихъ друзей, уже упомянутымъ выше Чуйкевичемъ: „Костомарова не обвиняй за молчаніе, а взгляни на все имъ напечатанное и сказанное на лекціяхъ, да и сообрази, сколькихъ тысячъ часовъ самаго энергическаго, а иногда и томительнаго труда все это стоило. Еслибы ты полюбилъ какой-нибудь предметъ такъ сильно, какъ Костомаровъ свое дѣло, тогда бы ты узналъ, что honores играли самую послѣднюю роль“. Эта отвѣдь была вызвана упрекомъ Чуйкевича за любовь Кулиша и Костомарова къ оваціямъ: „Въ Черниговѣ и Полтавѣ не потому я гостилъ, что тамъ, какъ ты

1) «Всемирная Иллюстрація» 1897, № 19, стр. 440.

2) Въ томъ же году скончался и сильно любимый Кулишемъ, хотя, разумѣется, не такъ, какъ Шевченко, Е. С. Аксаковъ. Когда Кулишъ узналъ о смерти его, онъ писалъ Бодянскому: «Жаль бѣднаго Бонсты. Онъ былъ одинъ изъ благородныхъ людей, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать, но въ немъ многое было неестественно, и самая привязанность къ отцу, которая свела его въ могилу». («Кіевск. Стар.», 1897, Ш., стр. 469.

говоришь, воздавали мнѣ почести, а потому, что нашелъ хорошихъ людей, а „съ хорошимъ человѣкомъ“, говоритъ Селифанъ, „поговорить можно“.

XL.

Приведемъ теперь относящіяся къ началу шестидесятыхъ годовъ воспоминанія о Кулишѣ А. Я. Конисскаго:

„Лично съ Кулишомъ я познакомился 4 мая 1860 г. у Дмитрія Павловича Пильчикова, знавшаго его хорошо еще въ Кіевѣ въ 1844—1845 г.

„Когда Кулишъ 3 мая пріѣхалъ въ Полтаву, Пильчиковъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ и въ то же время меня и другихъ молодыхъ своихъ товарищей.

„Первое наше впечатлѣніе было не въ пользу Кулиша; намъ казалось, что мы видѣли совсѣмъ не того Кулиша, о которомъ слышали отъ Пильчикова и котораго знали по „Черной Радѣ“, „Запискамъ о Южной Руси“ и въ особенности по журналу „Хата“. Передъ нами былъ человѣкъ типично красивый, умный, хорошо образованный; но всѣ эти качества передъ молодыми энтузіастами-демократами затмѣвала какая-то надменность Кулиша, холодная сдержанность и большое самолюбіе, не допускавшее въ спорѣ даже съ Пильчиковымъ противорѣчій. Но болѣе всего намъ не понравилось то, что Кулишъ бесѣдовалъ съ нами по-русски, несмотря на то, что я и Пильчиковъ нѣсколько разъ начинали разговоръ по-украински. Но, не поддаваясь первому впечатлѣнію, мы, видя въ особѣ Кулиша, во-первыхъ, друга и союзника Шенченка, а во-вторыхъ—представителя нашей литературы, рѣшили въ тотъ же вечеръ устроить въ честь его публичный обѣдъ въ вокзалѣ городского сада. Подписная цѣна для того времени была довольно высокая, не ниже 3 р. съ особы. Подписка продолжалась три дня, и седьмого числа была закрыта, такъ какъ подписалось болѣе двухсотъ человѣкъ, а болѣе этого въ залѣ помѣститься не могло. Конечно,

обѣдъ былъ безсоловнй (это для того времени имѣло большое значеніе). На обѣдѣ были представители всѣхъ славянскихъ національностей, но преобладали, весьма натурально, украинцы. По содержанію и характеру застольныхъ рѣчей случилось какъ-то само собою такъ, что чествованіе принадлежало больше отсутствующему Шевченку, чѣмъ присутствующему Кулишу, и послѣдній былъ совершенно правъ, когда на другой день послѣ обѣда писалъ Шевченку (10 мая): „Сколько ни было на этомъ обѣдѣ рѣчей, во всѣхъ ихъ вспоминалось твое славное и высоко уважаемое имя; говорили о тебѣ, какъ въ родной семьѣ, какъ объ отцѣ, который гдѣ-то далеко на чужбинѣ. Увѣряю тебя, что нигдѣ не найдешь такихъ искреннихъ и преданныхъ тебѣ дѣтей, какъ въ Полтавѣ. Здѣсь каждый грамотный носитя съ твоимъ „Кобзаремъ“, какъ съ драгоценнѣйшимъ сокровищемъ. Скоро имъ и книги не надо будетъ, потому что всѣ твои произведенія они выучатъ на память; да, кажется, они по „Кобзарю“ и Богу молятся“.

Обѣдъ окончился очень поздно и большинство публики проводило Кулиша въ его квартиру пѣшкомъ съ музыкой. Квартировалъ онъ въ домѣ Гр. Ив. Гавриленка, простого, но довольно развитого мѣщанина, столяра по ремеслу и друга покойнаго Котляревскаго. Вечеръ прошелъ въ оживленной бесѣдѣ исключительно объ украинской литературѣ—о предстоящемъ изданіи „Кобзаря“ и „Основы“. Мы, полтавцы, какъ люди молодые, энтузіасты, настаивали на томъ, чтобы „Основа“ издавалась исключительно на украинскомъ языкѣ; Кулишъ доказывалъ намъ невозможность такого изданія, и что языкъ нашъ еще не достаточно выработанъ. Когда же я, не соглашаясь съ Кулишомъ, выразилъ желаніе, чтобы кто-нибудь занялся переводомъ Шекспира на украинскій языкъ, Кулишъ—какъ теперь вижу—засмѣялся, говоря, что Шекспира на нашемъ языкѣ увидятъ развѣ правнуки. Но не прошло съ тѣхъ поръ двадцати лѣтъ, какъ онъ самъ же подарилъ Украинѣ изданный въ Львовѣ первый томъ его переводовъ на нашъ языкъ произведеній Шекспира,

а послѣ смерти Кулиша остались приготовленными къ печати переводы всѣхъ большихъ и лучшихъ произведеній великаго драматурга“.

„Утромъ 10 мая мы проводили Кулиша до первой станціи по дорогѣ къ матери Гоголя“.

„Съ тѣхъ поръ между мною и Кулишомъ началась оживленная переписка, которая, впрочемъ, нѣсколько разъ въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ то прерывалась, то возобновлялась. Къ сожалѣнію, уцѣлѣло изъ нея очень и очень немного: можно сказать, что $\frac{9}{10}$ писемъ ко мнѣ Кулиша съѣли если не крысы, то еще хуже крысъ, такъ называемыя „независящія обстоятельство“.

„Въ другой разъ Кулишъ посѣтилъ Полтаву въ концѣ августа 1861 года, возвращаясь изъ-за границы. Онъ останавливался тогда въ квартирѣ мирового посредника, общаго нашего знакомаго, И. Д. Стефановича. Придя ко мнѣ утромъ, онъ пригласилъ къ себѣ меня, Пильчикова и начинающаго поэта В. С. Кулика послушать произведенія открытаго имъ гдѣ-то въ Добруджѣ новаго украинскаго поэта (потомка запорожца), который, по его словамъ, талантомъ не уступитъ Шевченку. Конечно, мы полетѣли. Кулишъ прочиталъ намъ сперва нѣсколько мелкихъ стихотвореній, потомъ „Дувайську думу“ и большую поэму „Вельки Проводы“. Читалъ онъ просто, хорошо; но читанное не производило никакого впечатлѣнія на слушателей и никто изъ насъ по окончаніи чтенія не выразилъ ни одобренія, ни порицанія новому поэту. Когда же Кулишъ спросилъ мое мнѣніе, я сказалъ откровенно, что въ прочитанныхъ стихотвореніяхъ никакой поэзіи нѣтъ—проза, да и проза не всегда хорошо риемованная. Кулишъ посмотрѣлъ на меня свысока и, ничего не отвѣчая мнѣ, положилъ рукопись въ чемоданъ“.

„По отъѣздѣ онъ долгое время ничего ко мнѣ не писалъ. Причина молчанія разъяснилась только къ концу года, когда въ „Основѣ“ появились читанныя намъ произведенія „новаго поэта“ за подписью Кулиша. Тогда я понялъ, что самолюбіе автора

было задѣто высказаннымъ мною мнѣніемъ о его поэтическихъ произведеніяхъ“. ¹⁾

„Въ третій разъ Кулишъ прїѣзжалъ въ Полтаву, если не ошибаюсь, въ іюнѣ 1862 г., но оставался здѣсь недолго, а прожилъ недѣли двѣ-три въ мѣстечкѣ Старыхъ-Санжарахъ (верстѣ 25 отъ Полтавы), гдѣ я и другіе его знакомые часто навѣщали его. Разъ насъ отправилось въ Санжары нѣсколько человѣкъ (помню Цильчикова, Кулика, Майкову и Сахавскую). Мѣстечко Старыя Санжары, довольно старое, было когда-то сотеннымъ городкомъ, имѣло свое „укрѣпленіе“ и представляло для насъ нѣкоторый интересъ въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи. Всѣ мы, вмѣстѣ съ Г. И. Оболенскимъ и Кулишомъ, долго ходили по мѣстечку, осматривали старыя церкви и остатки „крѣпости“. Дней черезъ пять къ губернатору Волкову поступилъ отъ помѣщика Д. доносъ о томъ, что Кулишъ съ „злославною цѣлю“ поселился въ Старыхъ-Санжарахъ, собираетъ возлѣ себя неблагонамѣренныхъ людей; возбуждаетъ въ козачьемъ населеніи прежнія козацкія традиціи и, „сѣетъ сѣмена независимости Украйны“. Полтавская администрація была напугана тогда петербургскими пожарами, возникавшими кое-гдѣ недоразумѣніями въ крестьянскомъ дѣлѣ, событіями въ Варшавѣ и т. д. и вездѣ видѣла „бунты и революцію“. Волковъ же, къ сожалѣнію, былъ человѣкъ легковѣрный и вѣрилъ всякой сплетнѣ съ политическимъ оттѣнкомъ. Неудивительно, что онъ поспѣшилъ назначить „строгое секретное дознаніе“. Производилъ его тогдашній исправникъ и, конечно, „узналъ“ только то, что и безъ секретнаго дознанія всѣмъ было извѣстно, именно что, „губернскій секретарь Пантелеймонъ, Александровъ сынъ, Кулишъ, проживая въ мѣстечкѣ Старыхъ Санжарахъ, произво-

¹⁾ Между тѣмъ Кулишъ сообщалъ Д. С. Каменецкому объ успѣхѣхъ этого чтенія: «Прочелъ я въ Полтавѣ кой-кому сочиненія Дунайскаго поэта, и всѣ пришли въ восторгъ. Я радуюсь своей находкѣ». (Кіевская Старина, іюль-августъ, 1898, ст. 134, вторая панинація. Ср. Кіевск. Стар., 1899, IV, примѣч.).

диль ежедневно двукратное купаніе въ рѣкѣ Ворсклѣ, но чтобы распространялъ революціонныя украинскія идеи, того никто изъ опрошенныхъ людей не показалъ“.

„Тѣмъ не менѣе Кулишъ долженъ былъ ускорить свой отъѣздъ“.

„Въ этотъ же пріѣздъ случился и другой забавный эпизодъ. Въ день своего пріѣзда въ Полтаву Кулишъ, придя ко мнѣ вечеромъ, сообщилъ мнѣ и бывшимъ у меня Д. П. Пильчикову и В. Л. Трунову, что въ послѣдніе дни предъ выѣздомъ въ Полтаву онъ случайно встрѣтился въ Кіевѣ съ замѣчательною личностью: это была, по его словамъ, дочь средняго помѣщика П—аго уѣзда, молоденькая пепиньерка К—аго института, дѣвушка замѣчательной красоты, ума и патриотизма, но, вслѣдствіе молодости и воспитанія, почти не имѣвшая характера; пользуясь слабостью ея воли, родители принуждали ее выйти замужъ за человѣка не любимаго, необразованнаго и деспота. Нужно было, слѣдовательно, „спасти ее“, т. е. выкрасть изъ родительскаго дома и привезти въ Полтаву, а тутъ ужъ пристроить ее сперва гдѣ-нибудь въ образованномъ семействѣ, а потомъ классной дамой въ гимназію.“

„На разсвѣтѣ другого дня Труновъ уже уѣхалъ на почтовыхъ въ коляскѣ Кулиша въ П—ій уѣздъ. По данной Кулишомъ инструкціи Труновъ пріѣхалъ въ деревню поздно вечеромъ; разыскавъ указанную ему няню и узнавъ, что „барышня уже повѣнчана“.

XLI.

Въ 1862 г. Кулишъ уѣхалъ опять въ Украину, гдѣ могъ пока спокойно проживать на деньги, вырученныя за переводъ Маколея ¹⁾ Но не желая остаться безъ дѣла, онъ воспользовался избраніемъ его въ дѣйствительные члены Географическаго Обще-

¹⁾ „Всемирная Иллюстрація“, 1897 г. 3 мая, № 19.

ства по отдѣлу этнографіи и просилъ оффиціального разрѣшенія совершить на собственный счетъ съ научной цѣлью поѣздки по Малороссіи. Разрѣшеніе ему дано не было. Оставшись такимъ образомъ безъ опредѣленныхъ занятій, онъ поселился въ Пиддубнѣ и занимался тамъ хозяйствомъ, не только наблюдая за разными постройками, но исполняя самъ черныя работы. Денежныя средства его, всегда ограниченныя, скоро совсѣмъ истощились, когда онъ лишился правильнаго заработка, тѣмъ болѣе что запутанныя дѣла помѣшали его другу и сотруднику, бывшему редактору „Основы“, вознаградить его за понесенныя труды. Видя его въ затруднительномъ положеніи, Кулишъ самъ отрекся отъ долга въ размѣрѣ 700 рублей: „по нѣкоторымъ соображеніямъ“—писалъ онъ Виктору Мих. Бѣлозерскому:—„я отказался отъ долга, лежавшаго на Василіѣ Михайловичѣ за мои статьи въ „Основѣ“ и вознамѣрился заплатить за пиддубенскую землю паличными деньгами“.

Между тѣмъ Кулиша, при всемъ стѣснительномъ его положеніи, очень часто считали человѣкомъ обеспеченнымъ, даже въ то самое время, когда онъ самъ топилъ печки, а жена его готовила обѣдъ. Происходило такое недоразумѣніе частью потому, что онъ бодро переносилъ нужду и никогда никому на нее не жаловался, частью-же вслѣдствіе его щедрости и готовности помогать другимъ,¹⁾ а также благодаря временнымъ приливамъ денегъ въ его карманъ по напечатаніи и продажѣ какого-нибудь литературнаго труда.

Живя въ крайней нуждѣ на хуторѣ, Кулишъ работалъ надъ „Исторіей борьбы козаковъ съ поляками при Павлюкѣ и Острилицѣ“ и напечаталъ этотъ трудъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и въ „Библиотекѣ для чтенія“ П. Д. Боборыкина. Сношенія Кулиша съ послѣднимъ, къ сожалѣнію, отнѣсились уже къ порѣ, предшествовавшей полному упадку и ликвидаціи дѣлъ журнала, такъ что и съ этой стороны Кулишу не повезло. Весной 1864 г.,

¹⁾ Примѣры указаны въ „Правдѣ“ (См. 1868, стр. 324).

приѣхавъ по своимъ литературнымъ дѣламъ въ Петербургъ, Кулишъ старался выхлопотать принадлежащія ему деньги ¹⁾ отъ нѣкоего Максимова, а также отъ одного изъ довѣренныхъ лицъ Боборыкина, Акимова.

Какіе же замыслы волновали въ это время Кулиша? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы, кажется, можемъ высказать весьма вѣроятное предположеніе, что цѣль поѣздки заключалась въ новыхъ хлопотахъ объ основаніи украинскаго журнала, хотя вскорѣ же ему пришлось убѣдиться, что нѣтъ никакой надежды на разрѣшеніе. Въ письмѣ къ Л. М. Жемчужникову Кулишъ говорилъ: „Кого тормошила жизнь больше нашего? И кто выигралъ въ жизни меньше? Крупные удары судьбы падаютъ на насъ, какъ и на прочихъ людей, но мелкія ежедневныя огорченія отъ многихъ и отъ многого едва ли немучительнѣе. Но мы держимся выжиданіемъ лучшаго времени. Всего убійственнѣе дѣйствовало на меня въ эти годы ничтожество нашихъ земляковъ. Оно поразительно въ своихъ фактахъ, которыхъ я не стану сообщать вамъ, какъ человѣку, отчасти съ ними знакомому. Но мысль украинскаго журнала возродилась на пепелищѣ, которое казалось давнымъ давно потухшимъ въ Червонной Руси. Тамъ издается „Мета“ (цѣль), какъ продолженіе того, что начато украинскою литературою. Изданіе „Метъ“ оживляетъ меня, а то на душѣ было очень скверно. Въ самомъ дѣлѣ, подѣ австрійскою конституціей, которую напрасно такъ унижаютъ наши газетчики, украинскій вопросъ можетъ сдѣлать въ литературѣ великіе успѣхи, которые въ свое время будутъ оцѣнены и нашею ничтожною публикою“. И вотъ уже съ этихъ поръ взоръ и мысль Кулиша начинаютъ постепенно устремляться въ Галицію, на которую въ значительной степени переносится его симпатія.

1) О денежныхъ и вообще дѣловыхъ сношеніяхъ Кулиша съ «Библиотекой для чтенія» см. также Кіевскую Старину, 1898, іюль-августъ, стр. 136, вторая половина.

Денежныя заботы были въ то время для Кулиша также на видномъ планѣ, благодаря извѣстному намъ разстройству его дѣлъ, но, какъ всегда, самое большое значеніе имѣли для него литературныя планы. 1) Прося у Жемчужникова денегъ, онъ собирался „махнуть въ Питеръ и спасти честь родной земли; дѣло вѣдь дошло до потери самой чести“.

XLII.

Наконецъ Кулишъ рѣшился поѣхать въ Петербургъ, чтобы поискать себѣ мѣсто. Вызванный друзьями и ободренный надеждами, онъ переживалъ тамъ однако тяжелые дни, исполненный тревоженій. Однажды онъ писалъ жецѣ: „Отъ людей, близкихъ Милютину, извѣстно, что онъ желаетъ принять меня на службу, но теперь онъ очень занятъ и еще не придумалъ для меня должности, т. е. рода занятій. На службу въ Варшаву поѣду охотно. Теперь всѣ мои литературныя занятія таковы, что мнѣ надобно пользоваться архивомъ варшавскимъ и публичною бібліотекою“. Но въ то же время въ университетскомъ кругу вновь возникло предположеніе воспользоваться обширными познаніями и дарованіями Кулиша и пригласить его на кафедру, 2) что казалось тѣмъ умѣстнѣе, что онъ уже прежде отчасти принадлежалъ нѣкоторое время къ профессорскому сословію въ

1) Между прочимъ Кулишъ собиралъ матеріалы для «Малоросійскаго Словаря».

2) Въ письмахъ Кулиша находимъ иногда разныя, касающіяся этого замѣтки, а равно и его собственныхъ предположеній и предположеній Костомарова о кафедрѣ: «Вчера я съ Костомаровымъ провелъ вечеръ у Воронова и тамъ обсуждали, какъ поступить съ магистерствомъ»... «Костомаровъ выразилъ Иванышеву готовность переѣхать въ Кіевъ, а потомъ началъ ужасаться и тужить. Въ петербургскомъ же университетѣ Срезневскій повелъ противъ него интригу, внушая недоувѣріе къ его ученымъ заслугамъ и опасеніе прогнѣвать правительство выборомъ его на кафедру».

качествѣ лектора. Затрудненіе было въ томъ, что предварительно надо было сдать кандидатскій экзаменъ. Было, правда, предположеніе освободить Кулиша отъ формальностей, въ виду извѣстныхъ учено-литературныхъ заслугъ его, а также давали повяты Кулишу о возможности сдѣлать ему снисхожденіе, но онъ не пожелалъ пользоваться милостью¹⁾ и рѣшилъ, что честиѣе взять скромную должность инспектора или директора какой-нибудь гимназіи,²⁾ какъ вдругъ дѣла его приняли новый и совершенно неожиданный оборотъ³⁾. Н. А. Милютинъ также предлагалъ Кулишу занятія по учебной службѣ, но такъ какъ предполагалось дать ему мѣсто младшаго, а не старшаго директора школъ, то гордый Кулишъ отклонилъ сдѣланное ему предложеніе.

Съ другой стороны, Кулишъ хлопоталъ о полученіи службы въ Варшавѣ черезъ Жемчужникова, состоявшаго въ близкомъ родствѣ съ вліятельнымъ лицомъ, именно съ извѣстнымъ сенаторомъ Викторомъ Антоновичемъ Арцимовичемъ. Трудно было Кулишу остановиться на одномъ опредѣленномъ планѣ, такъ какъ ему сразу представлялось нѣсколько разныхъ и въ то же время невѣрныхъ перспективъ,⁴⁾ но всѣ передраги въ значи-

1) Кулишъ не захотѣлъ воспользоваться обѣщанными ему льготами на экзаменѣ: «На предложеніе сохранить только видъ экзамена кандидатскаго, такъ какъ профессорамъ совѣстно было бы экзаменовать человѣка съ литературною репутаціей, и сперва согласился, но потомъ отказался, потому что все-таки это была-бы со стороны профессоровъ милость, а не уваженіе».

2) Впрочемъ на эту дѣятельность у него былъ странный взглядъ: „еслибы“—говорилъ онъ—«профессорство оказалось для меня тягостнымъ, то, послуживъ немного, мнѣ легко будетъ сдѣлаться директоромъ гимназіи, что будетъ равняться архіерейству на покой.»

3) Въ то же время въ разныхъ университетахъ предлагали каведру и Костомарову: «Костомаровъ получилъ отъ Казанскаго университета приглашеніе на каведру, но ужасается ѣхать туда въ качествѣ архіерея, отправляющагося на покой. Послалъ телеграмму въ Кіевъ, чтобы отвѣчали ему на предложенныя имъ условія». Но и Кіевъ его пугаетъ.

4) Кромѣ указанныхъ, Кулишъ имѣлъ еще иныя. Такъ изъ его пользу дѣйствовалъ въ Петербургѣ Н. Я. Макаровъ. Въ одномъ изъ

тельной мѣрѣ искупались возможностью подвигать литературныя работы занятіями въ Публичной библіотекѣ: „Я не падаю духомъ нисколько и работаю для будущаго въ публичной библіотекѣ. Рано или поздно мнѣ придется быть редакторомъ журнала и тогда мои выписки будутъ мнѣ очень полезны. ¹⁾ Не вѣчно будетъ неистовствовать цензура! Жизнь не останавливается и промываетъ всѣ подобныя засоренія. Передъ выѣздомъ въ Петербургъ я готовъ былъ воротиться въ Пиддубень, если соберу рублей 600. Теперь я на жизнь смотрю иначе. Во первыхъ, я шести сотъ рублей не соберу вдругъ, да еслибъ и собралъ, то хуторской быть въ такой скудной формѣ представляется мнѣ добровольнымъ самоубійствомъ. Конечно, назначеніе мое въ Варшаву или что-нибудь подобное могло бы дать нашимъ обстоятельствамъ другой видъ, но ни за что нельзя поручиться; сиди здѣсь безъ денегъ, можно хоть надѣяться чего-нибудь дожидаться, а сидя въ хуторѣ, только вычеркнешь себя изъ памяти живыхъ людей. Однимъ словомъ, такъ худо, какъ только могли бы желать мои многочисленныя враги“.

Въ Петербургѣ Кулишу пришлось перенести много матеріальныхъ затрудненій но онъ рѣшился выдержать все и даже, въ случаѣ крайности, принять на время какую-нибудь незначительную должность: „Политика заставляетъ меня являть видъ

своихъ писемъ онъ сообщалъ: «Относительно опредѣленія васъ ревизоромъ Гротъ (Константины Карловичъ) отказалъ мнѣ, потому что ваканцій нѣтъ, потому что онъ рѣдко открываются и потому что у него есть въ виду два или три кандидата, которыхъ считаетъ себя обязаннымъ опредѣлять на первыя имѣющія открыться ваканціи. вмѣстѣ съ тѣмъ Гротъ взялся самъ переговорить съ Н. А. Милютинимъ объ опредѣленіи васъ на службу въ Варшаву; а третьяго дня Гротъ сказалъ мнѣ, что Милютинъ охотно принимаетъ васъ и проситъ васъ немедленно пріѣхать въ Петербургъ». При этомъ разговорѣ, какъ видно изъ письма Макарова, Гротъ охотно вспоминалъ о встрѣчахъ съ Кулишомъ у Плетнева.

¹⁾ О мечтахъ Кулиша издавать малороссійскій журналъ см. также «Кіевск. Стар.», 1899, IX, 352.

человѣка, знающаго себѣ цѣну; но когда выскажется посторонняя оцѣнка или возможность сдѣлать для меня что-нибудь при моемъ ничтожномъ чинѣ и испорченномъ гражданскомъ положеніи, тогда я начну конкурировать съ малыми земли и стану крохоборствовать, отложивъ въ сторону всякую гордость“. Въ Петербургѣ Кулишъ надѣялся также найти защиту отъ полицейскихъ стѣсненій въ болѣе культурной средѣ, тогда какъ въ Малороссіи въ то время тайнымъ способомъ было разрѣшено полиціи разыскиваніе лицъ, присутствіе которыхъ было опасно для общественнаго спокойствія, чѣмъ въ любое время могъ воспользоваться какой угодно врагъ Кулиша.

Желаніе жить въ Варшавѣ, по словамъ Кулиша, явилось у него нѣсколько времени назадъ, еще до возстанія, когда его звали туда Грабовскій, и тогда еще—говоритъ Кулишъ—„я началъ тосковать по Варшавѣ и ея главному архивѣ царства польскаго“. Несмотря на подозрительность отношенія къ Кулишу со стороны высшихъ правительственныхъ сферъ, надежды его держались на довольно прочныхъ основаніяхъ, какъ по его отношеніямъ къ Милютину и Арцимовичу, такъ еще болѣе по его превосходному знанію польскаго языка, тогда какъ въ такихъ людяхъ русскаго происхожденія чувствовалась въ это время самая настоятельная нужда. Въ мартѣ 1864 г. Кулишъ писалъ Жемчужникову: „Видѣлся я съ вашимъ зятемъ Арцимовичемъ и просилъ его доставить мнѣ возможность пожить въ Варшавѣ. Онъ, кажется, благосклонно взглянулъ на мое желаніе, но, какъ видно, еще не можетъ приступить къ составленію своего будущаго штата. Все дѣло покаместъ находится въ рукахъ Милютина. Между тѣмъ я хотѣлъ бы служить преимущественно подъ начальствомъ Арцимовича. Кромѣ ближайшихъ моихъ интересовъ—интересовъ науки—мнѣ хочется кой-чему научиться у такихъ людей, какъ вашъ зять, котораго общественная репутація стоитъ такъ высоко“. Но вопросъ касался также политическихъ взглядовъ Кулиша, и на этотъ счетъ онъ старался успокоить своего будущаго начальника посредствомъ откровеннаго объясненія съ Жемчужниковымъ: „Что касается до политическихъ убѣжденій,

то каковы бы они ни были (а они, можетъ быть, совпадаютъ съ его убѣждениями),—при моей молчаливости и изолированной дѣятельности, онъ не можетъ быть мною компроментированъ. Ни въ общественной жизни, ни въ литературѣ я не сдѣлалъ шагу, который бы противорѣчалъ характеру его службы. Это для меня тѣмъ возможнѣе, что въ настоящее время я посвящаю себя надолго собиранію и изученію матеріаловъ для обширнаго сочиненія о Польшѣ и юго-западной Руси.¹⁾ Пока я не сознаю себя способнымъ сказать прочное слово объ этомъ запутанномъ и многосложномъ предметѣ, я ничего печатать не стану. По всей вѣроятности, онъ будетъ играть важную и самостоятельную роль въ Царствѣ Польскомъ. Ему нужны будутъ такіе люди, какъ я, и вы, послуживъ моимъ интересамъ въ качествѣ друга, окажете и ему услугу въ качествѣ родственника“. Дѣйствительно, дружеская просьба была исполнена, но мѣсто уже было получено Кулишомъ въ учредительномъ комитетѣ;²⁾ во всякомъ

¹⁾ Это было одно изъ важнѣйшихъ побужденій для Булиша принять службу въ Врашавѣ. Д. С. Каменецкому онъ писалъ: „Жизнь въ Варшавѣ для меня такъ-же пріятна, какъ за границею. Мѣсяць пробѣжалъ чрезвычайно быстро. Каждый день исполненъ новаго интереса. То читаешь подлинныя письма какого нибудь козака XVII вѣка, о которомъ до сихъ поръ кое-что зналъ только по книгамъ, то слушаешь рассказы о тысячѣ занимательнѣйшихъ вещей, то работаешь что-нибудь стоящее вниманія по дѣланію реорганизаціи мѣстнаго устройства, то сидишь въ театрѣ“. *Кіевская Старина*, 1898. іюль-августъ, стр. 139, вторая пагинація: тамъ же: «здѣсь ученые люди оказываютъ мнѣ разныя услуги по предмету моихъ историческихъ изслѣдованій, закидываютъ меня драгоценными рукописями» (и проч.).

²⁾ Противъ назначенія Кулиша, какъ видно изъ писемъ его къ Каменецкому, „сдѣлано было нѣкоторымъ чиномъ возраженіе, потому что сей чинъ рекомендовалъ двоихъ въ директоры, и они не приняты на томъ основаніи, что ихъ не знаютъ лично. Такъ какъ меня“—продолжаетъ онъ—«лично тоже не знаютъ, то великій чинъ и поразилъ малое чина его же оружіемъ, отказавшись утвердить мое назначеніе», (*Кіевская Старина*, 1898, іюль-августъ, 138, вторая пагинація), но послѣ дѣло все-таки уладилось.

случаѣ ходатайство Жемчужникова оказалось чрезвычайно полезнымъ для Кулиша, такъ какъ, предложивъ Кулишу жалованье въ три тысячи рублей, Арцимовичъ тѣмъ самымъ невольно восвѣреннымъ образомъ способствовалъ назначенію въ такихъ же размѣрахъ жалованья Кулишу въ учредительномъ комитетѣ.

XLIII.

Такимъ образомъ, Кулишъ перешелъ Рубиконъ, сдѣлавъ шагъ, имѣвшій огромное значеніе для него и повліявшій на всю его дальнѣйшую судьбу; поступленіе его на службу въ Варшаву повлекло за собой разочарованіе и отчужденіе отъ него прежнихъ единомышленниковъ, что не могло не произвести на него тяжелаго впечатлѣнія а, съ другой стороны, правительство и оффиціальныя сферы попрежнему продолжали относиться къ нему въ высшей степени подозрительно. По прежней дѣятельности Кулиша ему уже невозможно были занять нейтральное положеніе, котораго онъ теперь жаждалъ отъ всей души, разочаровавшись въ прежнихъ надеждахъ. Колебанія Кулиша начались постепенно и, кажется, незамѣтно для него самого. Прежде всего они обнаружались въ возобновеніи сношеній съ Юзефовичемъ въ 1855 г., когда Кулишъ, встрѣчая со всѣхъ сторонъ препятствія, вновь обратился къ послѣднему съ просьбой помочь ему въ цензурныхъ затрудненіяхъ, называя его „почтеннѣйшимъ другомъ юности“ и объясняя ужаснымъ заблужденіемъ временное прекращеніе съ нимъ всякихъ отношеній. ¹⁾ Какъ будто совершенно забывъ неблаговидный поступокъ Юзефовича съ нимъ и съ его единомышленниками, Кулишъ снова пріятельски переписывается съ нимъ, даже обмѣнивается мыслями о самыхъ важныхъ для себя предметахъ, приносить ему сѣтованіе на ложные шаги В. М. Бѣлозерскаго въ редактированіи „Основы“, наконецъ выслушиваетъ мнѣнія и совѣты Юзефовича. Послѣдній

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1899, III, 311—312
П. А. КУЛИШЪ.

однажды писалъ ему: „Ваше дружеское вниманіе къ моимъ совѣтамъ меня искренно тронуло и вмѣстѣ порадовало: значить, мы не такъ чужды другъ другу на почвѣ нашего національнаго вопроса“ и далѣе говорилъ объ успокоеніи „горячечныхъ увлеченій“. ¹⁾ Юзефовичъ принимаетъ на себя далѣе какъ бы роль друга-руководителя и авторитетнаго совѣтника, высказывая мнѣнія относительно повѣсти, помѣщенной Кулишемъ въ „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“ Говорскаго. ²⁾ Юзефовичъ явно старается дѣйствовать на чувствительную струнку самолюбія, рекомендуя Кулишу выполнение важной исторической задачи—установленія надлежащей связи между „обѣими племенными личностями“. „Въ области слова“—говоритъ Юзефовичъ—„эта задача принадлежитъ теперь вамъ, и чуть ли не вамъ одному“. ³⁾

Другимъ неосторожнымъ и уже, несомнѣнно, ложнымъ шагомъ Кулиша было сближеніе его съ такими органами печати, какъ „Русскій Вѣстникъ“ Каткова, въ которомъ онъ еще въ 1859 г. помѣстилъ повѣсть „Майоръ“, и особенно „Вѣстникъ юго-западной Россіи“. Причиной сношенія съ этими изданіями для Кулиша, кажется, былъ его разрывъ съ „Современникомъ“ и недовольство „Основой“. Настоящей ареной своей журнальной дѣятельности Кулишъ хотѣлъ считать собственный малороссійскій журналъ ⁴⁾ за неимѣніемъ котораго безъ строгаго разбора обращался въ самыя разнообразныя редакціи, не взвѣсивъ достаточно ихъ роли въ литературѣ и даже возможности самаго продолженія начатыхъ отношеній. До нѣкоторой степени это происходило также отъ слишкомъ высокоумнаго и презрительнаго взгляда его на „литературную биржу“, какъ Кулишъ прямо выражается въ одномъ письмѣ къ Д. С. Каменецкому, которому онъ объяснял, что „такъ какъ въ книжной торговлѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 323.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ См. о предложеніяхъ Кулиша относительно этого журнала въ «Кіевской Старинѣ». июль-августъ, 136—137, вторая пагинація.

важную роль играют журналы, то я рѣшился повернуть нѣкоторые изъ нихъ въ свою пользу“. „Для этого—продолжаетъ онъ— послана Маркову статья для помѣщенія въ любомъ (!) журналѣ и еще кое-что помѣщу этимъ способомъ. Пускай каждый смотритъ на меня какъ на могущаго быть его сотрудникомъ“. 1) За такой взглядъ Кулишу скоро пришлось жестоко поплатиться нравственно и матеріально.

До какой степени пришлось ему горько разочароваться въ редакторѣ „юго-западной Россіи“, показываютъ слѣдующія строки одного изъ интереснѣйшихъ писемъ къ женѣ въ 1865 году: „Я слышалъ, что кievскому генераль-губернатору разрѣшено разыскивать по всей Малороссіи тайнымъ способомъ, нѣтъ ли гдѣ лицъ, которыхъ присутствіе опасно для общественнаго спокойствія. Если эта молва не выдумка, то стоитъ какому-нибудь Говорскому шепнуть одному-другому чиновнику, что ему вздумается, и меня не придумаются отправить на край свѣта. А надобно тебѣ знать, что я получилъ, въ отвѣтъ на мое требованіе долга, отъ Говорскаго безстыднѣйшее письмо: теперь ужъ не только онъ не долженъ мнѣ ничего за мои статьи, но еще въ претензіи на меня, что я будто бы уронилъ его журналъ въ глазахъ начальства, а ты знаешь, какъ онъ меня благодарилъ за геношмее, которое я доставилъ „Вѣстнику юго-западной Россіи“, и какія сумнилъ онъ мнѣ благодарности сверхъ условленной платы. 2) Я не долженъ пренебречь никакимъ кускомъ хлѣба, если мнѣ еще дадутъ его, но до сихъ поръ всѣ мои старанія остаются безуспѣшны. Я согласенъ, что служба въ Варшавѣ имѣетъ важныя для меня неудобства, а пожалуй и опасности со стороны польскихъ фанатиковъ. Но что лучше: подвергаться ли опасности отъ убійць, или, сидя въ хуторѣ, каждый день думать, что завтра тебя могутъ взять, какъ безсловесную овцу, по наговору какого-

1) «Кіевская Старина», 1898 г. іюль-августъ стр. 132.

2) Впослѣдствіи Кулишъ не иначе называлъ этотъ журналъ какъ «пакостнымъ» и «пскуднымъ» и говорилъ, что онъ хорошъ, только тѣмъ, что его никто не читаетъ.

нибудь Говорскаго. Нѣтъ, по моему, ужь лучше служить въ дѣйствующей арміи и каждый день слышать надъ ухомъ свистъ пули, чѣмъ воображать безпрестанно, что ты обреченъ на жертву самому безмысленному клеветнику“.

Въ другомъ, не менѣе откровенномъ письмѣ (къ Н. Д. Бѣлозерскому) Кулишъ такъ объясняетъ поступленіе на службу въ Варшаву: „Я объявилъ, что въ Варшавѣ мнѣ нужно быть для продолженія моихъ историческихъ изслѣдованій о русскомъ переводѣ польской исторіи, что я, желая поставить себя подъ охрану правительства, предлагая ему свои услуги, какъ знающій польскій языкъ, за свою службу желаю получать приличное вознагражденіе. Земляки либералы смущены моею готовностью ѣхать въ Польшу, но что на нихъ смотрѣть! Политика—не наше дѣло: для этого надо быть богатымъ и сильнымъ; а терпѣть нужду и гоненія изъ-за неопредѣленныхъ надеждъ на перемѣну обстоятельствъ глупо. Двадцать лѣтъ я дѣйствовалъ въ такъ называемыхъ національныхъ интересахъ—и какихъ же результатовъ достигнулъ! Теперь ограничиваюсь просто наукою, простымъ изученіемъ того, что было въ старину, а какое примѣненіе сдѣлаетъ новое поколѣніе изъ моихъ литературныхъ трудовъ—это его дѣло. Между тѣмъ, примиряясь съ правительствомъ, я, можетъ быть, получу разрѣшеніе издавать журналъ въ широкихъ размѣрахъ—и спасу себя для литературы, тогда какъ, идя прежнимъ путемъ, погибну подъ гнетомъ одной матеріальной нужды“.

Между тѣмъ шурья Кулиша, Василій и Олимпій Бѣлозерскій, хотѣли во что бы то ни стало отстаивать свои любимыя идеи и кромѣ того выразили Милютину „свое разномысліе съ видами правительства относительно Польши“. Осуждая ихъ „бравладу“, Кулишъ пишетъ Н. Д. Бѣлозерскому: „Говорятъ, что общественное мнѣніе строго осуждаетъ людей либеральныхъ, заявляющихъ службою въ Польшѣ свое единомысліе съ правительствомъ. Гдѣ органы этого общественнаго мнѣнія? кто представитель этого общественнаго мнѣнія? Эта боязнь относится къ нѣсколькимъ говорунамъ, созидающимъ въ своемъ воображеніи

украинскую націю, которой я нигдѣ не нахожу отъ Петербурга до Одессы. Мы составляемъ націю въ смыслѣ этнографическомъ, но вовсе не въ политическомъ. Толки о будущей отдѣльности Украины исходили всегда отъ людей наименѣе работавшихъ надъ языкомъ и исторіею этой проблематической страны. Неизвѣстно, приведутъ ли они общество къ сознанию своей политической задачи, но покажѣмъ несомнѣнно то, что литературно-общественный вопросъ украинскій страдаетъ всего больше отъ этихъ праздныхъ толковъ. Они пугаютъ воображеніе вліятельныхъ людей, не знающихъ Украины, и вслѣдствіе того вызываютъ противъ насъ силу, противъ которой мы не имѣемъ никакихъ средствъ бороться. Теперь шумятъ въ англійскомъ клубѣ и вездѣ въ аристократическихъ кругахъ о завязности украинцевъ по поводу браводы Василя и Олимпія“. Нѣсколько дальше Кулишъ продолжаетъ: „Что касается до Украины, то, допуская даже распадѣніе Россіи (sic!), я не вижу для нея другой участи, какъ сдѣлаться игралнцемъ сосѣднихъ націй. Совсѣмъ другое было бы дѣло, когда бы мы едиными устами и единымъ сердцемъ работали надъ пробужденіемъ общественно-національнаго сознанія въ Украинѣ и уступали бы другъ другу въ томъ, что дорого для нашего самолюбія, но вредно для успѣха дѣла. Даже самые пламенные украинцы обвиняютъ Васю въ удержаніи за собою „Основы“. Послушать его—такъ онъ чуть не святъ въ этомъ дѣлѣ; но никто его не оправдываетъ. И при такомъ патріотизмѣ мы еще хотимъ достигать какихъ-то великихъ политическихъ цѣлей. Нѣтъ, я радъ уѣхать въ Варшаву отъ нашихъ Катонъ. Одно изданіе журнала остановило бы меня; но пока я не увижу собранныхъ денегъ, я не вѣрю въ исполненіе великолѣпныхъ обѣщаній“.

Такимъ образомъ въ украинофильской партіи произошелъ расколъ и обнаружилось взаимное недовольство. Кулишъ недоволенъ былъ уже не только Бѣлозерскимъ, но и Костомаровымъ, и ихъ будущее охлажденіе уже начинается теперь постепенно обозначаться. „Костомаровъ ветшаетъ“, писалъ Кулишъ въ мартѣ 1866 г. Н. Д. Бѣлозерскому: „я про-

вель съ нимъ наединѣ цѣлый день и не слышалъ отъ него ничего животворнаго. Онъ дѣлается чѣмъ-то безразличнымъ, и ко всему относится, точно свѣтскій человѣкъ, а не ученый. Въ учебникахъ онъ сбился съ дороги и не знаетъ, что ему дѣлать. Въ ожиданіи чего-то непредѣленнаго онъ не дѣлаетъ ничего. Земляки на него ропщутъ и нѣкоторые совсѣмъ его оставили. Но земляки, въ свою очередь, до того ничтожны въ своихъ дѣлахъ (на словахъ это великіе люди!), что и у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты собирать ихъ въ кружокъ и тратить время на направленіе ихъ къ чему-нибудь путному“.

Въ такомъ неутѣнительномъ настроеніи находился Кулишъ наканунѣ перехода своего на службу въ Варшаву. Это была пора временнаго ослабленія его надеждъ, что выразилось также въ одномъ изъ писемъ къ Н. Д. Бѣлозерскому въ осмѣяніи не только попытки нѣкоего Климовича перевести на малороссійскій языкъ стихами „Иліаду“, но и самой „мысли, посвященной въ галицкорусскомъ воздухѣ, объ усвоеніи украинской словесности великихъ произведеній древнегреческой литературы“.

XLIV.

Между тѣмъ происшедшая въ Кулишѣ перемѣна сильно огорчила и разочаровала многихъ его почитателей. „У насъ“ — писалъ мнѣ А. Я. Конисскій — „произошла съ Кулишомъ довольно крупная размолвка, когда онъ началъ печататься въ „Вѣстникѣ Западной и Юго-Западной Россіи“, который издавалъ въ Кіевѣ Ксенофонтъ Говорскій, учитель семинаріи, человѣкъ невѣжественный, обскурантъ въ полномъ смыслѣ слова и врагъ тѣхъ украинскихъ національныхъ идей, которымъ служилъ тогда Кулишъ. Журналъ получалъ тогда субсидію отъ мѣстной администраціи. Участіе Кулиша въ этомъ изданіи вызвало среди полтавцевъ изумленіе и негодованіе. Мнѣ поручено было объясниться по этому случаю съ Кулишомъ, и я спросилъ его, правда ли и то, что онъ возобновилъ дружбу съ Юефовичемъ, который

въ 1847 г. въ дѣлѣ Костомарова, Шевченка и его же Кулиша такъ позорно злоупотребилъ довѣріемъ? Кулишъ отвѣчалъ мнѣ коротко, весьма раздражительнымъ тономъ, что, участвуя въ журналѣ Говорскаго, онъ не зналъ, что такое самъ Говорскій и его изданіе. Когда же я указалъ ему на факты, которыхъ онъ не могъ не знать, онъ написалъ ко мнѣ въ еще болѣе раздражительномъ тонѣ; о Юзефовичѣ и на этотъ разъ промолчалъ. По порученію товарищей, я передалъ ему наше неодобреніе сотрудничества его въ „Вѣстникъ“ Говорскаго и вновь спросилъ его о Юзефовичѣ. На этотъ разъ отвѣта не послѣдовало, да и что было отвѣчать, когда отъ родственника Юзефовича, покойнаго В. В. Тарновскаго (отца), мы навѣрное знали, что Кулишъ, бывши въ Кіевѣ, посѣтилъ Юзефовича и давно возобновилъ съ нимъ пріятельскія отношенія и переписку¹⁾.

„Въ 1864 г. я узналъ поразившую меня новость—что Кулишъ и Бѣлозерскій... на службѣ въ Варшавѣ“...

„Въ сентябрѣ 1865 г. мнѣ было дано разрѣшеніе на поѣздку за границу; по пути я остановился въ Петербургѣ и при свиданіи съ Н. И. Костомаровымъ узналъ, что Кулишъ занимаетъ видное мѣсто директора департамента народнаго просвѣщенія и настаиваетъ на томъ, чтобы въ народныхъ школахъ тѣхъ деревень, которыя имѣютъ украинское населеніе, преподаваніе шло на русскомъ языкѣ. Рассказывая объ этомъ, Костомаровъ не скрывалъ своего негодованія противъ Кулиша и просилъ меня повидаться съ послѣднимъ въ Варшавѣ и повліять на него въ смыслѣ перемѣны его мнѣнія по школьному вопросу. Конечно, не мнѣ было вліять на Кулиша и я категорически не принялъ такого порученія, обѣщавъ лишь повидаться съ нимъ и побесѣдовать“.

„Въ Варшавѣ мы встрѣтились съ Кулишомъ по пріятельски и на другой день вечеромъ собрались у Бѣлозерскаго. Когда Кулишъ узналъ мое мнѣніе о переходѣ его на службу въ Вар-

¹⁾ Теперь она напечатана въ мартовской книжкѣ „Кіевской Старинны“ за 1899 г.

шаву, онъ началъ говорить, что молодое поколѣніе совсѣмъ не понимаетъ того направленія, по которому онъ идетъ, и потому удивляется его службѣ въ Варшавѣ. Приведи массу историческихъ фактовъ, онъ доказывалъ мнѣ почти совершенно противоположное тому, что я и другіе слышали отъ него въ 1860 г. Болѣе всего меня удивила переменна взглядовъ его на значеніе козачества; но она тогда не была такъ рѣзка, какъ высказалась позднѣе въ произведеніяхъ Кулиша, а объ украинской демократіи онъ отозвался, что она „не была насадительницею культуры“..

„Переходъ свой на службу въ Варшаву онъ болѣе всего оправдывалъ стремленіемъ революціонной польской партіи возстановить шляхетскую Польшу въ границахъ 1774 г. „Такая Польша погубила бы навѣки Украину“¹⁾.

„Наконецъ, когда рѣчь зашла о народныхъ школахъ въ малорусскихъ населеніяхъ, Кулишъ съ большимъ апломбомъ замѣтилъ, что вопросъ о школьномъ языкѣ князь Черкасскій отдалъ всецѣло на его рѣшеніе и онъ рѣшилъ учить на русскомъ языкѣ съ перваго дня поступления дѣтей въ школу.

— „Педагогично ли это?“ спросилъ я.

— „Если и не педагогично, зато политично“, отвѣчалъ Кулишъ: „мы должны провести сколь можно болѣе глубокую межу между украинцами и поляками; такую межою и будетъ русскій языкъ“²⁾.

Однако Кулишу не доставало твердой увѣренности въ томъ, что новый избранный имъ путь приведетъ къ благимъ результатамъ для Украины, и онъ отчасти искалъ усыпленія своихъ жгучихъ сомнѣній и сердечныхъ тревогъ въ усиленной дѣятель-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ взглядѣ Кулиша см. въ письмѣ къ Д. С. Каменецкому въ «Кіевской Старинѣ», іюль—августъ, 138 (вторая пагинація).

²⁾ Между тѣмъ въ 1861 г. Кулишъ интересовался судьбой какой-то безылатной школы, несомнѣнно малороссійской, которой былъ заинтересованъ также родственникъ Шевченка. (См. «Кіевскую Старину», 1898, іюль—августъ, стр. 134, (вторая пагинація).

ности. Такъ онъ однажды писалъ Хильчевскому: „Такая неправильная душа, какъ у меня, не можетъ быть спокойна. Я надѣлалъ много промаховъ въ жизни, много глупостей, много пошлостей. Все это меня мучить... Одно для меня спасеніе— сильная дѣятельность. Безъ службы такая дѣятельность въ Россіи—по крайней мѣрѣ для меня—невозможна. Вотъ почему служу я, да еще потому, что хочу расплатиться съ долгами¹⁾. Достигнувъ этой послѣдней цѣли, я, можетъ быть, выбьюсь изъ силъ и заберусь въ хуторскую свою конуру, чтобы умереть по запорожски, т. е. вдали отъ шума“²⁾.

Въ самый разгаръ увлеченія служебной дѣятельностью въ Варшавѣ Кулишъ мечталъ о тихой жизни въ Кіевѣ, вдали отъ служебныхъ и политическихъ волненій, и упрашивалъ Хильчевскаго поискать ему такое желанное убѣжище для своей приближающейся старости...

Вся разгадка секрета—въ томъ, что, при крайнемъ недовольствѣ настоящимъ, впереди Кулишу рисовалась въ самыхъ отраднѣхъ краскахъ перспектива изданія журнала, при помощи котораго онъ надѣялся выступить на путь активной дѣятельности; его манила мечта, не осуществившаяся и во многомъ ему повредившая, потому что ради нея онъ пренебрегалъ настоящимъ и шелъ на разные компромиссы. Еще до Варшавы онъ писалъ женѣ: „Украинскій вопросъ въ загоу, и потому мнѣ съ Костомаровымъ хотимъ основать журналъ *есероссійскій*, въ который войдетъ и вопросъ *украинскій*“³⁾. Но по правдѣ скажу,

¹⁾ О долгахъ и вообще денежныхъ дѣлахъ Кулиша въ это время см. въ письмахъ къ Хильчевскому «Кіевская Старина», 1898, I, 88, 89, также 1898, VП—VIII, 143—144, (итория нагиація).

²⁾ «Кіевская Старина», 1898, I, стр. 87.

³⁾ (Въ другомъ мѣстѣ: «Литература теперь крайне стѣснена, особенно по украинскому вопросу: поневолѣ надо бездѣйствовать. По крайней мѣрѣ хоть заработаю кусокъ хлѣба на старость». «Теперь все оказалось мечтами, которыя только тѣмъ и хороши, что напоминаютъ счастливое время».

Костомаровъ плохой помощникъ въ этомъ дѣлѣ, и я долженъ весьма искусно отдѣлываться отъ его помощи, и соединяюсь съ нимъ единственно ради того, чтобы онъ нигдѣ больше не печаталъ своихъ сочиненій, чего иначе нельзя достигнуть, какъ посредствомъ одного общаго обоемъ намъ журнала“. Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: „я не падаю духомъ нисколько и работаю для будущаго въ публичной библиотекѣ. Рано или поздно мнѣ придется быть редакторомъ журнала, и тогда мои выписки будутъ очень полезны. Не вѣчно же будетъ неистовствовать цензура!“... „Я каждый день въ публичной библиотекѣ... Здѣсь такъ всѣ рады, кого ни встрѣтишь, точно здѣсь моя родина, а не на Украинѣ! И дѣйствительно, здѣсь у насъ общія понятія и интересы; здѣсь я членъ умственно работающей семьи, а тамъ кому и на что я нуженъ? Всего два-три человѣка найдется, съ которыми можно говорить полудски! Нескоро, нескоро ворочусь въ Украину!“... «Сидя здѣсь безъ денегъ и безъ мѣста, при самыхъ скверныхъ политическихъ обстоятельствахъ, я чувствую, что живу, а тамъ я погибалъ съ каждымъ безпутнымъ днемъ»!

Получивъ мѣсто въ Варшавѣ, Кулишъ опять былъ занятъ все той же мечтой: „Литературное мое дѣло“—писалъ онъ женѣ— „нимало не потерпитъ отъ службы въ Варшавѣ, а напротивъ сдѣлается прочнѣе отъ примиренія съ правительствомъ, которое имѣетъ противъ меня неосновательныя предубѣжденія“. Въ другомъ письмѣ онъ такъ жалуется на эти предубѣжденія: „Обо мнѣ говорятъ, какъ о какомъ-то Ринальдо-Ринальдини, тогда какъ нѣтъ человѣка спокойнѣе меня“ 1).

1) Приведемъ еще нѣсколько выдержекъ, касающихся Костомарова. «Съ Костомаровымъ живемъ въ большомъ ладу; выдаемъ каждый день. Часто зоветъ онъ меня къ себѣ обѣдать. Онъ одиночекъ среди людей и радъ, что есть съ кѣмъ поговорить объ исторіи. Мечтаетъ о снаряженіи экспедиціи ученой въ Галицію и просто-душно воображаетъ, что могутъ послать насъ обоихъ на казенный счетъ. Это несбыточно, хотя нѣкто изъ живущихъ въ Россіи не со-

XLV.

Впечатлѣніе отъ своей новой дѣятельности въ Варшавѣ Кулишъ вынесъ тѣмъ не менѣе самое благопріятное, и вообще можно сказать, что для него наступила чуть ли не лучшая пора его жизни, оставившая въ немъ навсегда пріятныя воспоминанія. Живое дѣло подѣ начальствомъ просвѣщеннаго сановника и въ сотрудничествѣ людей съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи въ высшей степени вдохновляло Кулиша. „Работы много“ — писалъ онъ, — „тружусь безпрестанно въ полномъ смыслѣ слова; но дѣлу я сочувствую, и потому работа для меня пріятна. Притомъ же я освобожденъ отъ хожденія въ канцелярію и имѣю съ нею сношенія только посредствомъ курьеровъ. Больше всего меня радуетъ то, что мой начальникъ, строгій блюститель бюрократическихкихъ формъ, часто назначаетъ мои бумаги къ перепискѣ набѣло, не измѣнивши ни одного слова, что рѣдко у него случается и заматорѣлымъ въ службѣ чиновникамъ. Но торжество это достается мнѣ недешево: оно требуетъ величайшаго вниманія къ разнообразнымъ условіямъ дѣлопроизводства“.

Другу своему Чуйкевичу онъ сообщалъ о своей службѣ: „Тяжело очень, но зато я имѣю дѣло съ умнѣйшимъ человекомъ, какового до сихъ поръ встрѣчалъ въ жизни,—кв. Черкасскимъ. Наслажденіе его умомъ заставляетъ меня забывать о вознѣ съ утра до вечера и о докладахъ въ часъ ночи. Все это переносится безъ малѣйшаго роцота въ душѣ; только бы хватило физическихъ силъ, а поработаемъ отъ всего сердца во славу русскаго имени! „Хильчевскому онъ пишетъ: „Время мое при-

вершилъ бы такого полезнаго путешествія по Червонной Руси, какъ мы вдвоемъ... «Костомаровъ читалъ мнѣ начало своей исторіи Смутнаго времени и прочтетъ всю рукопись. Очень интересная будетъ книга для многихъ, но крайне досадная для москвофиловъ, потому что правда къ нимъ безошаднѣе, и чѣмъ вѣриѣе будутъ изучены источники, тѣмъ для нихъ будетъ досаднѣе».

надлежить кн. Черкасскому, а кн. Черкасский есть не что иное, как буря дѣятельности, которая и меня увлекла въ свой кругъ. Съ восторгомъ повинуюсь этому необыкновенному человѣку. Очень трудно, тяжело, мучительно, но это моя сфера¹⁾. Ему же Кулишъ прямо говарилъ: „кн. Черкасский сдѣлалъ премудрое дѣло, пригласивъ меня въ сотрудники“²⁾. Впослѣдствіи, на склонѣ лѣтъ, вспоминая объ этой живой и радостной порѣ своей служебной дѣятельности, Кулишъ писалъ д-ру Павлику: „Самихъ „Административныхъ Постановленій Царства Польскаго“ выдаю під своею редакцію (у російскому перекладі) білше 60 томив за недолгий час побуту моего въ Варшавѣ“³⁾. Кулишъ признавалъ это время своей дѣятельности не только плодотворнымъ, но и наиболѣе производительнымъ въ смыслѣ необычайнаго напряженія энергии. Но дѣйствуя столь энергично въ учредительномъ комитетѣ, Кулишъ работалъ и для В. А. Арцимовича, издаваемаго тогда матеріала для устройства мѣстной администраціи и пожелавшаго воспользоваться для этой цѣли литературнымъ талантомъ Кулиша и его основательнымъ знаніемъ польскаго языка. Эта послѣдняя работа, будучи хорошо оплачиваема, снова внушила Кулишу желаніе и надежду совершить путешествіе по Западной Европѣ, возобновлявшуюся при каждомъ удобномъ случаѣ.

XLVI.

Разсказъ о послѣдующихъ затѣмъ фактахъ заимствуемъ изъ слѣдующей собственно-ручной замѣтки Кулиша: „Отдыхая въ Парижѣ отъ служебныхъ трудовъ и противорѣчій, узналъ я

¹⁾ «Кіевская Старина», 1898, I, 86.

²⁾ См. также «Кіевск. Стар.», 1898, I, 86; также «Кіевскую Стар.», 1898, VII—VIII, стр. 141, 143 (втория нагицація).

изъ газетъ о смерти Н. М. Милютина и вернулся въ Варшаву до срока. Тамъ не засталъ я уже князя Черкаскаго. Зная, что безъ поддержки Милютина не устоятъ ему въ борьбѣ съ намѣстникомъ, графомъ Бергомъ, онъ уѣхалъ въ Петербургъ и вышелъ въ отставку“.

Затѣмъ разсказываетъ Кудишъ въ письмѣ къ Л. М. Жемчужникову: „Первымъ моимъ дѣломъ было заявить, что служить больше не желаю и прошу дать мнѣ содержаніе, обѣщанное Его Величествомъ чиновникамъ, которые останутся за штатомъ. вмѣсто исполненія моей просьбы, меня прикомандировали къ Учредительному Комитету съ уменьшеннымъ окладомъ жалованья. Это устроено Соловьевымъ, который давно купилъ Берга самыми подлыми подачками его жадности по увеличенію его майоратныхъ владѣній, а устроено потому, что въ бумагахъ Милютина найдены мои письма, въ которыхъ я, по словесному съ нимъ условію, представлялъ, какъ Соловьевъ мѣшалъ мнѣ дѣлать дѣло по должности чиновника особыхъ порученій, и вслѣдствіе которыхъ Милютиннымъ не разъ были испраиваемы высочайшія повелѣнія для направленія порученнаго мнѣ дѣла въ указанную мною сторону. Соловьевъ, увидѣвши, что игралъ между мной и Милютиннымъ роль пошлаго бюрократа, рѣшился мстить мнѣ, сколько это возможно для чиновника, и вотъ почему насильно привлекъ меня подъ свое начальство“.

„Въ это самое время галицкіе семинаристы прислали мнѣ патріотическій адресъ на украинскомъ языкѣ. Онъ былъ перехваченъ нѣкимъ—Витте, малымъ крайне ничтожнымъ, и сообщенъ Соловьеву. По докладѣ намѣстнику, Соловьевъ предложилъ мнѣ: или отречься печатно отъ всѣхъ моихъ украинскихъ убѣжденій, какія когда-либо были выражены мною въ литературѣ, или оставить службу. Я отвѣчалъ: что, несмотря на мое бывшее украинофильство, правительство удостоило меня своего довѣрія и довольствуется тѣмъ, что я все свое время отдаю службѣ, соблюдая всѣ его интересы, а требованіе отреченія сочинено имъ самимъ отъ лица правительства. Я прибавилъ, что

даже графъ Бергъ не способенъ предложить мнѣ подобный поступокъ, который опозорилъ бы мое имя, не принесъ пользы правительству, и что тогда только повѣрю ему, Соловьеву, что требованіе исходитъ отъ намѣстника, когда намѣстникъ пришлетъ мнѣ его за своею подписью.

Результатомъ этой контраверсіи было увольненіе меня отъ службы безъ прошенія, якобы по болѣзни“.

Въ раньше цитированной собственноручной замѣткѣ Кулиша въ болѣе сокращенномъ видѣ изложено то же самое и затѣмъ слѣдуетъ: „Я уѣхалъ за границу. Тамъ напечаталъ я во Львовѣ переводъ на украинскій языкъ Моисеева Пятикнижія, стихотворный переводъ Псалтири, такой же переводъ Пѣснопѣсвей, а въ Вѣнѣ, вмѣстѣ съ галичанинномъ, докторомъ Пулюемъ, перевелъ и напечаталъ по-украински Новый Заветъ.

Возвратясь въ Россію, занялся я изученіемъ польско-русской старины и издалъ три тома „Исторіи воссоединенія Руси“ да одинъ томъ „Матеріаловъ“ къ нимъ“.

Такимъ образомъ въ половинѣ 1867 года снова появились тучи на горизонтѣ служебной дѣятельности Кулиша и столь счастливо, повидимому, устроившаяся карьера порвалась, благодаря интригамъ Соловьева. Въ одномъ изъ писемъ Кулиша къ Чуйкевичу находимъ нѣкоторыя любопытныя подробности, относящіяся къ исторіи препирательства его съ Соловьевымъ: „Я еще разъ былъ у намѣстника по дѣлу съ Соловьевымъ—для врученія ему письма, которое онъ поручилъ мнѣ написать. Письмомъ онъ остался доволенъ, а когда я поблагодарилъ его за защиту, то онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „Вѣдь я желалъ, чтобы вы продолжали службу. Вы очень трудолюбивы и способны. Я вѣдь умѣю это цѣнить. Не знаю, какъ устроится дѣла, но вы понимаете, что мнѣ такіе люди нужны“. Всего важнѣе въ этой аудіенціи было то, что о Соловьевѣ не было сказано ни единого слова, а вѣдь онъ игралъ роль моего начальника. Такимъ образомъ и получилъ полное удовлетвореніе за грубую выходку этого обскуранта... Дѣла служебныя находятся здѣсь въ переходномъ со-

стояни. Я кое-что работаю, сидя дома, по редакціонной части. Соловьевъ боится присылать ко мнѣ бумаги или пригласить меня къ себѣ домой по дѣламъ, потому что видъ мой для него по истинѣ ужасенъ, какъ для оставшагося въ дурняхъ, и при томъ онъ теперь знаетъ, какимъ тономъ я бы сталъ говорить съ нимъ“.

Но Соловьевъ, какъ мы знаемъ, не задумался поразить Кулиша извѣстнымъ намъ беспощаднымъ орудіемъ. Ни мало не колеблясь, Кулишъ рѣшилъ предложенный ему выборъ и, подобно Тургеневскому Рудину¹⁾, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сравнительнаго матеріальнаго благосостоянія, предпочелъ котомку нравственному униженію, и снова сдѣлался безпріютнымъ скитальцемъ, частью же скромнымъ обитателемъ глухого малороссійскаго хутора. 30 октября 1867 года онъ получилъ офиціальное увольненіе по болѣзни отъ занимаемыхъ имъ должностей.

Приведемъ здѣсь рассказъ объ этой порѣ жизни Кулиша одного изъ его друзей: „Узнавъ, что Кулишъ и Бѣловскій состоятъ на службѣ въ Варшавѣ, я отправился въ Варшаву и представилъ Кулишу одно изъ первыхъ моихъ произведеній для просмотра и для передачи въ Галицію, въ редакцію малорусскаго журнала „Правда“. Кулишъ въ это время потерялъ мѣсто директора духовныхъ дѣлъ и состоялъ членомъ комиссіи по переводу польскихъ законовъ. Онъ получалъ жалованье въ 1500 р. Я нашелъ его въ небольшой, но очень опрятной квартиркѣ. Ему въ то время было не болѣе 45 лѣтъ. Съ виду онъ былъ еще молодъ, съ блестящими острыми глазами, но страдалъ кашлемъ и жаловался на болѣзнь груди. Года черезъ два доктора

¹⁾ Сравненіе это, быть можетъ, было бы оскорбительно для памяти Кулиша. человекъ не только идея, но и энергичной и жгучей дѣятельности, но мы здѣсь имѣемъ въ виду преимущественно слова Тургенева: «Хорошо тому, у кого есть теплый уголь... И да поможетъ Господь всѣмъ безпріютнымъ скитальцамъ», — и еще, что Рудинъ при своихъ блестящихъ дарованіяхъ *умѣлъ* остаться нищимъ.

послали его на зимній сезонъ въ Венецію. Двѣ зимы сряду онъ проживалъ въ Венеціи, а лѣто проводилъ въ Вѣнѣ, занимаясь переводомъ Новаго Завѣта съ еврейскаго языка на украинскій. На столѣ лежала стопа исписанныхъ листовъ перевода, которымъ онъ, по словамъ его жены, добрейшей Александры Михайловны, занимался аккуратно каждый день. Зашла рѣчь о пророчествахъ, о лицѣ Иисуса Христа. Я полюбопытствовалась прочесть эти мѣста, чтобы убѣдиться, не сдѣлано-ли кабого-нибудь искаженія въ пророчествахъ Даниила о седминахъ, въ пророчествахъ Исаи, Захаріи и проч., тѣмъ болѣе что Кулишъ перевелъ эти мѣста стихами, какъ они написаны стихами въ еврейскомъ оригиналѣ. Я началъ перелистывать рукопись, отыскивая эти мѣста.

— „Навіщо вы шукаете? Я вам і так їхъ прочитаю“, сказавъ Кулишъ и прочиталъ мнѣ на память всѣ пророчества въ стихахъ. Я спросилъ его, какъ онъ перевелъ болѣе важныя псалмы. Онъ опять началъ читать мнѣ наизусть эти псалмы одинъ за другимъ, переведенные стихами, какъ будто онъ выучилъ ихъ предварительно на память отъ слова до слова. Онъ ихъ не училъ; только перевелъ—и затвердилъ до буквы. Память Кулиша поразила меня. Дѣйствительно, память у него была феноменальная, какъ у индусовъ браминовъ, о которыхъ пишутъ, что еслибы по какому-нибудь случаю пропала вся санскритская литература, то ученые индусы возстановили бы ее всю по памяти. Въ Краковѣ на вокзалѣ, по дорогѣ въ Вѣну, у Кулиша украли сажоважъ, въ которомъ находилась рукопись псалтыри, переведенной стихами. Приѣхавъ въ Вѣну, Кулишъ возстановилъ утраченный переводъ почти по памяти. „Це для ёго було нетрудно“, говорилъ мнѣ потомъ Бѣлозерскій: „въ ёго така память, що було въ школи він вчить стихи, заданні на урокъ, передъ приходомъ учителя въ классъ: разъ прочитав, тай налить на памягъ. Въ Відні Кулишъ загавав якійсь там час тільки на писання псалтирі, та й годи“.

О службѣ Кулиша въ Царствѣ Польскомъ находимъ слѣдующія офіціальныя свѣдѣнія въ выданномъ ему въ 1875 г.

аттестатъ изъ Департамента общихъ дѣлъ Министерства путей сообщенія: „Опредѣленъ въ учредительный Комитетъ въ Царствѣ Польскомъ съ назначеніемъ состоящимъ при комитетѣ 1864 г. декабря 23; получилъ темно-бронзовую медаль въ память польскаго мятежа 1863-4 г. и въ 1865 г. по всеподаннѣйшему докладу министра статсъ-секретаря Царства Польскаго объ отличной и полезной службѣ, засвидѣтельствованной министромъ Государственныхъ имуществъ и намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ 10-го іюня 1865 г. Высочайше повелѣно: виновность Кулиша по дѣлу объ Украино-Славянскомъ Обществѣ, за которую онъ былъ выдержанъ въ крѣпости и потомъ высланъ на службу въ Тулу, съ учрежденіемъ надъ нимъ строжайшаго полицейскаго надзора, не считать препятствіемъ къ производству его въ слѣдующіе чины, равно къ представленію ему всѣхъ прочихъ правъ и преимуществъ по службѣ, кромѣ ордена Св. Владиміра 4 степени за выслугу лѣтъ и знака отличія за безпорочную службу“. Едва прошелъ годъ съ начала службы Кулиша въ Варшавѣ, какъ онъ получилъ серебряную медаль за труды по устройству крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, а вскорѣ ему была выдана награда 1200 р. отъ князя Черкаскаго, человека также высокочтимаго имъ до послѣднихъ дней (Черкаскаго, благородной памяти котораго, какъ намъ извѣстно, онъ предполагалъ посвятить свой послѣдній крупный историческій трудъ: „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“), приглашеніе занять должность директора отдѣленія духовныхъ дѣлъ, гдѣ впрочемъ оставался недолго, продолжая въ это же время свою службу при учредительномъ комитетѣ.

XLVII.

Въ 1868 году Кулишъ совершилъ заграничное путешествіе; зиму онъ провелъ въ Италиі, а съ наступленіемъ тепла переселился въ Германію, гдѣ особенное для него значеніе имѣлъ осмотръ Дрезденской галлерей¹⁾. Онъ продолжалъ въ заграничныхъ архивахъ свои работы по собиранію матеріаловъ для составленія „Малороссійскаго словаря“ (въ Прагѣ, Вѣнѣ, Венеціи); занимался псалтырью. Любопытно, что Кулишъ предавался притомъ тщательному изученію комментаріевъ, полагая, что „для читателей нашей Библии необходимо имѣть особое изданіе „Пѣсни Пѣсней“ съ комментаріями, чтобы не впадать вмѣсто обыкновеннаго мистицизма въ соблазнъ на счетъ этого драгоценнаго произведенія древней еврейской словесности. Замѣчательны слова Нибура, которыя онъ сказалъ молодому пастору, сожалѣвшему, что въ библейскій канонъ приходится включать любовныя пѣсни: „Что касается до меня, то я бы считалъ Библию неполною, еслибы изъ нея исключить выраженіе самыхъ глубокихъ и сильныхъ чувствъ въ человѣчествѣ“.

¹⁾ Любопытенъ взглядъ Кулиша на Сикстинскую Мадонну, въ которомъ живо отразилось его тогдашнее настроеніе. «Такия лица есть у насъ на Украинѣ. Этотъ типъ очень распространенъ между сельскими маленькими дѣвчатами. Удивительное выраженіе лица. Ни одна гравюра его не передаетъ, и живописныя копіи также слабы. По крайней мѣрѣ я ни одною не былъ доволенъ. Вмѣстѣ полудѣтское спокойствіе и грусть о много-испытанномъ, какая бываетъ только у человѣка, который много видѣлъ всякаго зла на землѣ. Или это мнѣ такъ кажется. Теперь я особенно полонъ чувствомъ зла, которое мнѣ приходилось видѣть въ разнообразныхъ его проявленіяхъ: «*Questa vita noiosa. Non e degna de si gentil cosa!*» Въ лицѣ Мадонны нѣтъ увѣренности, что міръ пойдетъ за нею слѣдомъ; она какъ будто оставила міръ въ увѣренности, что для него ничего не сдѣлала. Въ самомъ дѣлѣ, кто сдѣлалъ что-нибудь для міра вообще? *Можно вѣлать что-нибудь для немногихъ, но не для міра.*»

„Мнѣ надобно жить долго“, говорилъ Кулишъ,—„не для одного только того, чтобы выполнить программу моихъ литературныхъ занятій, но гораздо болѣе для того, чтобы подготовить продолжателей моихъ работъ“. А „жизненное дѣло“ Кулиша принимало все болѣе широкіе размѣры, осложняясь его новыми отношеніями къ русинамъ: „Львовскіе русины, отстаивающіе русскую народность противъ послѣдствъ полонизма, не ожидаютъ прибытія въ Львовъ генеральнаго агента Лондонскаго библейскаго общества по дѣлу о разсмотрѣніи экспертами перевода Моисеева Пятикнижія“. Все это было связано съ тогдашнею дѣятельностію Кулиша и показываетъ его возрастающій интересъ къ русинамъ подъ вліяніемъ невозможности посвящать свои силы и свои пламенные идеальныя стремленія горячо любимой Украинѣ и разочарованія въ друзьяхъ украинофилахъ.

Въ дорогѣ Кулишъ серьезно заболѣлъ отъ переутомленія вслѣдствіе многолѣтнихъ усиленныхъ трудовъ и ежедневныхъ тревогъ и слегъ въ Прагѣ, гдѣ, находясь подъ страшной угрозой приближающейся смерти, онъ отдалъ въ Пражскій національный Музей многія бывшія съ нимъ цѣнныя бумаги и въ томъ числѣ письма къ Гоголю А. С. Смирновой, за что въ восьмидесятыхъ годахъ онъ заднимъ числомъ не разъ подвергался въ печати суровымъ упрекамъ со стороны дочери послѣдней ¹⁾.

Въ Прагѣ Кулишъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ: „Чехи“—писалъ онъ Н. Д. Бѣлозерскому—„такъ любезны, что ставятъ иногда въ затрудненіе. Напримѣръ, я выѣзжаю въ Дрезденъ въ 8 часовъ утра и уже меня провожаютъ на желѣзную дорогу, чтобы облегчить мнѣ весьма обыкновенныя хлопоты. Противъ обыкновенія мнѣ предлагаютъ брать сколько угодно книгъ не только на городскую квартиру, но даже и на дачу, еслибы я рѣшился жить за городомъ. Квартиры ищутъ мнѣ гуртомъ и проч. Въ Прагѣ Кулишъ посѣтилъ Палацкаго и многихъ другихъ замѣчательныхъ людей.

¹⁾ См. «Сѣверный Вѣстникъ», 1893, II, 243 стр., 2 примѣч.

По возвращеніи изъ за-границы Кулишъ былъ въ томъ же 1869 г. избранъ почетнымъ мировымъ судьей города Борзны, но оставался на этой службѣ самое непродолжительное время: ¹⁾ ни его историческія занятія, ни условія матеріальныя не позволяли ему остановиться надолго на такого рода служебномъ поприщѣ. Мы знаемъ, что его всегда страшила перспектива хуторскаго прозябанія, но теперь еще больше, чѣмъ прежде, потому что розовыя мечты молодости остались уже далеко позади; уже нѣсколько лѣтъ раньше Кулишъ добродушно и горько шутилъ надъ своимъ былымъ оптимизмомъ, хотя онъ оставался оптимистомъ, лишь *въ меньшей мѣрѣ*, до конца жизни. Въ числѣ другихъ надеждъ не осуществились (или осуществились, но не надолго) и упованія на лучшія матеріальныя условія, и Кулишъ, задолжавъ еще съ начала 60-хъ годовъ, не могъ расплатиться съ своими долгами. Что касается ученыхъ трудовъ Кулиша, то они мало-по-малу принимаютъ иное направленіе. Въ бытность свою въ Варшавѣ, работая въ архивахъ, Кулишъ мало-по-малу выработалъ себѣ новыя воззрѣнія относительно роли козачества въ малороссійской исторіи. Быть можетъ, онъ слишкомъ увлекся встрѣтившимися ему при изученіи такихъ историческихъ документовъ неблагопріятными для козаковъ данными, но въ душѣ его началась тяжелая борьба между прежними вѣрованіями и позднѣйшими убѣжденіями. Изъ-за измѣнившихся убѣжденій ему предстояло порвать отношенія и съ прежними друзьями. Работая надъ „Исторіей Возсоединенія Руси“, Кулишъ все больше отдалялся отъ своихъ прежнихъ взглядовъ. Сначала Кулишъ стремился и своихъ друзей склонить къ принятію новыхъ своихъ воззрѣній, но ему не удалось передать имъ свои убѣжденія, слѣдствіемъ чего постепенно явилось охлажденіе къ нему Костомарова, Мордовцева, Жемчужникова, Гатцука и другихъ ²⁾. Трудно указать въ точности на

¹⁾ См. между прочимъ письма къ Хильчевскому, напр. „Кіевская Старина“, 1898, I, стр. 103.

²⁾ Впрочемъ эта рознь не отражалась на личныхъ отношеніяхъ и напр. въ 1876 г. Кулишъ часто бывалъ у Костомарова въ Лоскут-

основані писемъ, когда началось охлажденіе Кулиша къ Костомарову. Въ серединѣ 60-хъ годовъ мы еще видимъ ихъ самыми задушевными друзьями. Однажды, напр., Кулишъ писалъ: „Я былъ такъ утомленъ, что былъ въ силахъ только съѣздить утромъ къ Костомарову. Проговорили все утро; потомъ онъ просилъ меня въ четыре часа обѣдать. Мнѣ хотѣлось на покой, но онъ такъ усердно просилъ, что я пошелъ еще разъ къ нему“.

Къ этому времени у Кулиша сложилось убѣжденіе въ превосходствѣ великорусскаго элемента надъ малороссійскимъ и началось отрицаніе его прежней идеализаціи козачества. Разойдясь во взглядахъ съ Л. М. Жемчужниковымъ и замѣтивъ съ его стороны охлажденіе послѣ одного своего рѣзкаго отзыва о Шевченкѣ, Кулишъ почувствовалъ потребность въ чистосердечной исповѣди передъ своимъ прежнимъ другомъ и въ этой исповѣди такъ объяснилъ происшедшую въ его взглядахъ перемѣну: „Во времена оны я самъ указалъ вамъ на книгу Костомарова о Богданѣ Хмельницкомъ, какъ на послѣднее слово русско-украинской историографіи,—въ Варшавѣ открылась вся ея несостоятельность. Когда пріѣхалъ туда Костомаровъ, я не скрывалъ отъ него своего мнѣнія, только выразилъ его въ формѣ указаній на слабыя мѣста, требующія обработки по неизвѣстнымъ ему источникамъ. Источники эти были ему частію вручены, частію указаны какъ нельзя обстоятельнѣе. Онъ былъ очень обрадованъ, и я увѣренъ, что не притворно. Онъ обѣщалъ въ третьемъ изданіи своего „Богдана Хмельницкаго“ воспользоваться и печатными книгами, и рукописями, которыя, по моему мнѣнію, должны были привести его къ иному возрѣнію на козачество. Но онъ не воспользовался ничѣмъ, а выпустилъ 3-е изданіе „Богдана Хмельницкаго“ съ прибавкой новыхъ нелѣпостей въ родѣ того, что, „козаки были

ной гостиницѣ въ Москвѣ и они встрѣчались также у Жемчужникова. Съ Гатцукомъ же у Кулиша была ссора вслѣдствіе неисполненія первымъ условій при печатаніи «Исторія Воссоединеніи», о чемъ ниже.

единственными борцами за вѣру православную и народность русскую. Это подлинныя слова, служащія основаніемъ его книги“... Въ Варшавѣ же, по признанію Кулиша, усилились его сношенія съ русинами, на поддержку изданій которыхъ онъ тратилъ тогда большія суммы, пока ему позволяли это дѣлать занимаемая имъ должности и получаемое большое жалованье. Кулишъ вспомнилъ далѣе въ томъ же письмѣ къ Жемчужникову о подавннй имъ запискѣ Милютину и кн. Черкасскому относительно необходимости перехода Галиціи подъ власть русскаго императора. Когда же все порвалось вслѣдствіе интригъ Соловьева, Кулишъ принялся за переводъ для русиновъ Библии Ветхаго и Новаго Завѣта и напечаталъ Моисеево Пятикнижіе и четырехъ евангелистовъ и усиленно поддерживалъ журналъ „Правда“.

Итакъ, одной изъ главныхъ причинъ, подававшихъ поводъ Соловьеву къ нападеніямъ на Кулиша, были завязавшіяся тогда отношенія его съ галицкими русинами. Разочаровавшись въ своихъ землякахъ малороссахъ, онъ постепенно перенесъ симпатіи на Галичину и завелъ сношенія съ журналомъ „Правда“.

„Уже въ 1865 г.“, говоритъ г. Конисскій, „прощаясь, Кулишъ совѣтовалъ мнѣ познакомиться въ Львовѣ съ его „другомъ“, профессоромъ Головацкимъ, къ которому и далъ мнѣ рекомендательное письмо. Когда, по приѣздѣ въ Львовъ, я познакомился съ Головацкимъ и съ людьми противоположныхъ ему взглядовъ, которые также считали Кулиша своимъ другомъ, я понялъ опасность положенія его. Такъ и случилось: Головацкій—не знаю какимъ образомъ,—досталъ одно изъ писемъ Кулиша въ Львовѣ къ челоѣку изъ лагеря, противнаго Головацкому, куда-то представилъ это письмо... и Кулишъ въ 1867 г. былъ уволенъ“.

Между тѣмъ въ своихъ письмахъ къ Хильчевскому Кулишъ рассказываетъ объ усиленныхъ занятіяхъ еврейскимъ языкомъ и о томъ, что онъ печатаетъ въ „Правдѣ“ псалмы и пѣсни Моисеевы и занимается переводомъ Библии. „Очень ошибаешься, друже Иване“,—говорилъ онъ,—„воображая, что, живи

я на родинѣ, я могъ бы имѣть благотворное вліяніе на моихъ земляковъ; перебравши въ жизни много людей, я пришелъ къ заключенію, что моихъ земляковъ, т. е. представителей интеллигенціи, надобно предоставить ихъ ничтожной судьбѣ¹⁾. „У васъ въ Кіевѣ не понимаютъ“,—говорилъ Кулишъ въ томъ же письмѣ, „что теперь тамъ (т. е. въ Галиціи) вся суть русскаго вопроса, т. е. коренного русскаго“²⁾.

О потерѣ Кулишомъ мѣста въ Варшавѣ и его сношеніяхъ съ галичанами г. Левицкій сообщаетъ слѣдующее: „Въ то время національное возрожденіе въ Галиціи входило въ силу: въ Львовѣ издавалась довольно большая газета „Слово“ на довольно чистомъ малорусскомъ языкѣ, а не на томъ старомъ галицкомъ языкѣ, на которомъ прежніе пѣнты бряцали свои напыщенные оды. Противъ этого національнаго литературнаго движенія въ Галиціи началась агитація изъ Россіи въ пользу русскаго языка. Многіе галичане говорили мнѣ въ Львовѣ, что вся редакція „Слова“ была куплена за 15000 р. вмѣстѣ съ профессоромъ Яковомъ Головацкимъ... Въ то же время „Слово“ неожиданно измѣнило фронтъ: вмѣсто малорусскаго языка стало выходить на старомъ галицкомъ, такъ называемое теперь „язычіе“—этотъ послѣдній отголосокъ стараго малорусскаго языка кіевскихъ ученыхъ XVII в., выработаннаго изъ церковно-славянскаго съ нижнимъ этажемъ малорусскимъ. Такъ какъ Кантемиръ и Ломоносовъ заимствовали этотъ кіевскій книжный языкъ, „вычистивъ“ его, по словамъ Тредьяковскаго, т. е. выбросивъ изъ него малорусскій элементъ и полонизмы,—то естественно, что это „язычіе“ все-таки было ближе къ нынѣшнему русскому языку, чѣмъ чистый народный языкъ „Слова“, и порядочно таки смахивало на русскій языкъ. Молодые галичане

1) «Кіевская Старина», 1898, I, 90—91.

2) Изъ писемъ Кулиша къ С. Д. Каменецкому мы видимъ, что еще въ 1864 г. у него были сношенія со Львовомъ («Кіевская Старина», 1898, VII—VIII, 135); подробнѣе см. «Кіевская Старина», 1898, X, стр. 83—117; тамъ же его сборное посланіе галичанамъ.

заявили протестъ противъ „Слова“ и начали сперва издавать журналъ „Мету“, а потомъ „Правду“—опять на чистомъ народномъ языкѣ. Они послали въ Варшаву сочувственный адресъ Кулишу. Адресъ попалъ въ руки не къ Кулишу, а къ графу Бергу. Между ними вышло недоразумѣніе, и Кулишъ оставилъ службу“.

„Бергъ предложилъ Кулишу печатно отказаться отъ украинофильскихъ симпатій, угрожая въ противномъ случаѣ „котомкой“, т. е. отрѣшеніемъ отъ должности. Кулишъ выбралъ „котому“¹⁾.

„Изъ Варшавы“—продолжаетъ г. Левицкій—„Кулишъ выѣхалъ на зиму въ Венецію по совѣту докторовъ. Двѣ зимы онъ провелъ въ Венеціи, а лѣтомъ проживалъ въ Вѣнѣ, гдѣ я его встрѣтилъ черезъ два года. Онъ жилъ на предмѣстьи Вѣны, занималъ одну маленькую чистенькую комнатку съ постелью и молокомъ на завтракъ, съ платою по восьми гульденовъ въ мѣсяцъ. Въ это-то время Кулишъ съ Пулюемъ занимались переводомъ Новаго Заваѣта съ еврейскаго на украинскій языкъ“.

XLVIII.

Все это происходило въ концѣ 60-хъ годовъ и въ самомъ началѣ семидесятыхъ, когда, во время своихъ странствованій, Кулишъ уже оставлялъ Чуйкевичу и другимъ друзьямъ свой львовскій адресъ. Чуйкевичъ не могъ скоро стать на новую точку зрѣнія Кулиша и, не понимая теперь его взглядовъ и цѣлей, довольно безцеремонно, по старой дружбѣ, называлъ его поѣздки „праздношатательствомъ“²⁾, но Кулишъ, напро-

¹⁾ Ср. рассказъ о томъ же Кулиша въ статьѣ г. Лоболовскаго въ «Кіевской Старинѣ», 1897, IV. 172.

²⁾ Это выраженіе совсѣмъ не идетъ къ Кулишу, даже шутку, такъ какъ онъ былъ человекъ необычайнаго трудолюбія, никогда не терившій времени даромъ. Въ одномъ письмѣ къ Хиль-

тивъ, хотѣлъ и его втянуть въ это „праздношатательство“, зовя его купаться въ морѣ, совѣтоваться съ знаменитыми заграничными докторами. Соблазнительно рисуя ему дешевизну и удобства заграничной жизни, Кулишъ совѣтовалъ ему направиться первоначально въ Львовъ, притомъ непременно говорить на языкѣ предковъ и вмѣстѣ предостерегалъ, что по системѣ Каткова тамъ развелся „страшный іезуитизмъ“; далѣе онъ звалъ его съ собой въ Прагу и наконецъ въ Венецію.

Отъ послѣдней Кулишъ былъ особенно въ восторгѣ¹⁾: его поэтическая, чуткая ко всему изящному, душа не могла не оцѣнить обаянія этого единственнаго въ своемъ родѣ и въ цѣломъ мірѣ города; но его описанія Венеціи въ дружескихъ письмахъ такъ увлекательны и полны красокъ, что мы позволимъ себѣ привести изъ нихъ небольшой отрывокъ: „В вас вода замерзаетъ, а ми тутъ мовъ въ раю. Солнце сѣе, вода коло мрамуровихъ берегівъ не лѣтца, вітерець ледве-ледве подихае; у ночі місяць купаецца въ морі серед огників, що поринають або з лихтарівъ изъ беріжнихъ, або з гондол, що туда и сюда плавають. Ще ж до того з усіхъ кутківъ вечорами грають та співають; то на свѣті жити дуже любо—не такъ, якъ у нашій сумній та запакощеній Україні“. „Тамъ ганяють кіньми мовъ скажені, а тутъ ходишъ собі скризъ якъ по свѣтлиці, ни кивая не поба-

чевскому онъ говоритъ: «Докторъ, осмотрѣвъ меня несма тщательно объявилъ, что миѣ можно работать еще 25 лѣтъ. Работаю я постоянно—это нормальное мое состояніе. Иначе я бы пропалъ отъ скуки. Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, а Магометъ пророкъ его. Нѣтъ жизни внѣ труда, а я—черезъ часъ послѣ праздної бесѣды уже скучаю». («Кіевск. Стар.», 1898, I, стр. 96).

¹⁾ Но карнавалъ произвелъ на него самое непріятное впечатлѣніе; онъ называетъ его въ письмѣ къ Н. Д. Вѣлозерскому „гнуснымъ“, пошлымъ, „богопротивнымъ“, а также замѣчаетъ, „что російскія балаганныя забавы—родныя чада итальянскимъ карнаваламъ, и удивительно, какая толпа дураковъ на свѣтѣ!“ (Ср. отзывъ о карнавалѣ въ письмѣ къ Хильчевскому („Кіевск. Стар.“, 1898, I, 98).

чиш, ні гикання не почувеш. Тут живеш як дома и вже через те одно що ти forestiere, усі тебе раді на руках носити. Так провів би день за днем днів тисяч з десять, чи скільки доля мнї судила“. „Тамъ далеко въ самомъ разгарѣ идетъ франко-прусская война, тамъ неистовствуютъ темныя силы милитаризма, а здѣсь душа наслаждается тишиной и райскими красотоми природы“.

Но не смотря на все это, сердце патріота обращалось на сѣверъ, какъ къ магниту, и жаль ему становилось среди блеска Венеціи „бідолашнѣго люду“ украинскаго, такъ что въ концѣ письма онъ говоритъ уже: „Оттак то в сій Венеціи жити та по Україні тужити! Сонечко любе та море синеньке, тількі од вас і пільга серцю сумному. Дивисся на ваше игранне вкупі, та й не надивисся, та й хочецца ростопитись таким золотим туманомъ, як ви собі из ранку висновуєте. Колиб же то так можно“!

XLIX.

Но всему бываетъ конецъ, и отъ волшебнаго обаянія чюдесами италіянскаго неба пришлось вернуться къ петербургскимъ туманамъ и прозѣ монотоннаго будничнаго существованія. Кулишу была обѣцана служба по министерству путей сообщенія, но товарищъ министра долженъ былъ дожидатися возвращенія министра, графа Бобринскаго, и Кулишъ счелъ за лучшее вновь обратитися къ протекціи своего друга Л. М. Жемчужникова, который могъ дѣйствовать въ его пользу черезъ своего старшаго брата Владиміра; при томъ онъ просилъ рекомендаціи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Скажите ему, что этотъ человекъ“ (т. е. самъ Кулишъ) „работаетъ прилежно, прамить (sic) интересамъ службы, какъ слѣдуетъ, и что, молъ, такихъ людей слѣдуетъ привлекать къ дѣлу на пользу общества и государства. Виктора Антоновича нѣтъ въ Петербургѣ, а то бы и онъ могъ свидѣтельствовать, что онъ вовсе не ищетъ тот-

часъ жалованья, „ниѣя собственные ресурсы для существованія въ Петербургѣ“, — „покажишь“ — говорилъ онъ — „меня узнають на дѣлѣ, стою ли я куска хлѣба“. Просьба Кулиша была исполнена, и братъ Л. М. Жемчужникова выхлопоталъ ему у Бобринскаго 3000 годового содержанія.

Но, устроившись въ матеріальномъ отношеніи, Кулишъ страшно страдалъ въ нравственномъ, вслѣдствіе разлада съ Костомаровымъ, о которомъ онъ такъ писалъ тому же Л. М. Жемчужникову: „Я подвергся наибольшему оскорбленію, какое когда-либо испытывалъ. Костомаровъ, котораго я съ такимъ усердіемъ направлялъ на документальную дорогу историографіи, сталъ меня третировать съ величайшимъ благоволеніемъ ¹⁾. Не могу иначе выразиться. Когда я посѣщалъ его, онъ обходился со мною благосклонно, отнюдь не вдавался въ бесѣду о предметѣ, составляющемъ предметъ обоеудной нашей спеціальности; во все время новаго моего пребыванія въ Петербургѣ онъ ни разу у меня не былъ, ни одинаго разу, бывая черезъ день у Кожанчикова (sic) и весьма часто у жившаго напротивъ меня Мордовцева. Я съ своей стороны сталъ бывать у него рѣдко, наконецъ, и совсѣмъ его оставилъ... Отрѣзанный отъ міра и терпя нелѣпѣйшія притѣсненія по службѣ, я зналъ только Императорскую Публичную библіотеку да свою квартиру“. Такимъ образомъ, Кулишъ снова съ разбитымъ сердцемъ — былъ ли онъ правъ или виноватъ — замкнулся и зажилъ анахоретомъ ²⁾.

¹⁾ Н. И. Костомаровъ въ своей статьѣ о „Крашавкѣ“ Кулиша говоритъ: „Въ 1874 году г. Кулишъ *нежданно* для всѣхъ измѣнился. Не показывавшійся до того уже нѣсколько лѣтъ съ своимъ вменемъ, онъ явился съ сочиненіемъ, носившимъ названіе: „Исторія воссоединенія Руси“ („Вѣстн. Евр.“, 1882, VIII, стр. 129), но лично для него переменна во взглядахъ Кулиша не была неожиданной.

²⁾ О тогдашнемъ состояніи официальной науки въ Россіи Кулишъ былъ невысокаго мнѣнія: „Россійское Общество“ — говорилъ онъ — „не скоро станетъ на ноги послѣ пониженія всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи сообразно господствующему нынѣ въ правительственныхъ сферахъ іезуитству. Лучшіе умы нынѣ въ Россіи ро за обрубеш науки и литературы“.

Желая забыться въ работѣ, онъ предпринялъ было трудъ о церковной уніи, „на которую“—говорилъ онъ—„я имѣю взглядъ не костомаровскій“, но, такъ какъ та же мысль приходила ему уже раньше, то онъ имѣлъ неосторожность увезти тогда съ собой относящіяся къ этому вопросу свои книги за границу, гдѣ, однако, по собственному сознанію, и не развернулъ ихъ. Поэтому онъ рѣшилъ выписать вновь эти книги и погрузиться въ работу, стараясь отгонять отсюда беллетристическія искушенія на томъ основаніи, что „это сдѣлають многіе, а Несторомъ нашимъ украинскаго вопроса могу быть одинъ я“. Въ то же время въ „Вѣстникѣ Европы“ печатался его обширный трудъ о колонизаціи, который долженъ былъ служить и началомъ большого историческаго труда, въ который войдетъ и церковная унія“. Но, кромѣ того, какъ видно изъ одного письма къ В. В. Тарновскому-сыну, Кулишъ въ началѣ 70-хъ годовъ издалъ въ Львовѣ малороссійскій переводъ книги Іова, а въ Вѣнѣ—четвероевангеліе и былъ занятъ переводомъ Псалтыри и вообще Священнаго Писанія.

L.

Съ 1870 г. Кулишъ постоянно стремился поселиться въ Мотроновкѣ. Онъ писалъ И. Ф. Хильчевскому: „Ограничиваюся однимъ хуторомъ и въ немъ сосредоточиваю всю свою дѣятельность, да и то все хозяйство предоставилъ я Александрѣ Михайловнѣ, а самъ знаю однѣ книги“. ¹⁾ Но въ 1871 г., какъ мы знаемъ, онъ опять былъ за границей, а по возвращеніи снова началъ думать о жизни на хуторѣ, для чего предпринялъ планъ покупки Мотроновки, а чтобы имѣть возможность исполнить его, снова сталъ думать о службѣ. „Мотроновка“—писалъ онъ Хильчевскому въ 1872 г.—„будетъ куплена: для этого я

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1898, 1—100.

готовъ, на худой конецъ, запрятать себя въ одну изъ петербургскихъ канцелярій, гдѣ, при всей враждебности къ моему геноштее, дадутъ мнѣ хорошее жалованье. Къ этому жалованью я въ тотъ же годъ прибавлю другое такое же своимъ перомъ, пошившись въ переводчики, компиляторы, публицисты и т. п., на что теперь, изъ-за своей Библии, смотрю съ пренебреженіемъ, равно какъ и на канцелярскую работу. Но это будетъ, повторяю, на худой конецъ. Покажѣсть я имѣю свои ресурсы въ виду¹⁾ Хильчевскій старался охладить пылъ Кулиша, доказывая, что для покупки хутора понадобится столько денегъ, что Кулишъ едва могъ бы покрыть расходы не ранѣе двадцати лѣтъ, на что послѣдній отвѣчалъ: „если бы я долженъ былъ уплатить и 20 тысячъ государственными ассигнаціями, то и тогда для этого нужно было бы не двадцать, а только пять лѣтъ. Мнѣ на первый разъ могутъ дать жалованья минимумъ 1500 р. въ годъ“. Но раньше надо было предпринять новую поѣздку за границу для печатанія Библии, рѣшивши, однако, пріостановить дѣло, „еслибы понадобилось вернуться на время домой, для веденія земельныхъ дѣлъ“... „Засяду да примусь работать и надъ Библией и—если будутъ промежутки—надъ историческими этюдами“²⁾ Дѣйствительно, скоро пришлось ѣхать обратно вслѣдствіе ссоръ между братьями Бѣлозерскими, которые раздумали продавать Мотроновку.

Въ 1873 г. Кулишъ отправился въ Петербургъ и безъ всякой протекціи явился къ товарищу министра путей сообщенія, „котораго не зналъ и имени не слышалъ“. „Онъ же“,—говоритъ Кулишъ—, „меня по слуху или по печати зналъ, а потому принялъ меня дружески и выразилъ всяческую готовность мнѣ содѣйствовать“³⁾ Товарищъ министра (г. Селифонтовъ) познакомилъ Кулиша съ начальникомъ статистическаго отдѣла Головачевымъ, извѣстнымъ авторомъ книги „Десять лѣтъ реформъ“,

1) Тамъ же, стр. 110.

2) Тамъ же, стр. 113.

3) Тамъ же, стр. 117.

„которому графъ Бобринскій поручилъ сформировать личный составъ отдѣла“. Головачевъ прекрасно обошелся съ Кулишомъ и своимъ умомъ и характеромъ произвелъ на него самое благоприятное впечатлѣніе, такъ что Кулишъ потомъ сравнивалъ его во многихъ отношеніяхъ съ Плетневымъ,¹⁾ но могъ ему предложить только 1500 р. жалованья до утвержденія новыхъ штатовъ, которое должно было послѣдовать съ начала слѣдующаго, 1874, года. Условіе это съ радостью было принято Кулишемъ, которому при томъ было тѣмъ болѣе пріятно, что „графъ благодарилъ Головачева, что вслѣдъ за нимъ въ министерство *идутъ простѣнные люди, какъ Кулишъ*“, и еще въ виду того, что, „независимо отъ этой службы, Костомаровъ старался сдѣлать Кулиша членомъ археографической комиссіи, съ полученіемъ въ годъ 1500 р. въ видѣ награды за редакціонные труды.²⁾ Кулишу скоро весьма пригодилось его знаніе иностранныхъ языковъ и ему было поручено изданіе журнала Министерства Путей Сообщенія. Графъ Бобринскій и Головачевъ высоко цѣнили въ немъ человѣка съ головой и ревностнаго и толковаго сотрудника. Казалось бы, для Кулиша должна была наступить снова счастливая эра, но этого не случилось, прежде всего потому, что было отложено учрежденіе новыхъ штатовъ, а главное— вслѣдствіе перемѣны части высшаго служебнаго персонала министерства. Сначала, склонный всегда къ оптимизму, Кулишъ не могъ себѣ представить никакихъ досадныхъ помѣхъ на новомъ, столь счастливо начатомъ поприщѣ, и нѣкоторое время у

¹⁾ Кулишъ о немъ отзывался такъ: «Онъ любезнѣйшій по природѣ господинъ, и семья у него самая симпатичная, такъ что между ними чувствуешь себя какъ дома. Это напоминаетъ мнѣ времена «Плетневскія» (тамъ же, стр. 121). О Плетневѣ же Кулишъ отзывался попрежнему восторженно и въ сочувственномъ отношеніи къ нему вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ, который въ своей статьѣ «П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность» почти во всемъ расходится съ Кулишемъ, но его отзывъ о Плетневѣ находитъ прекраснымъ и вѣрнымъ (См. „Кіевск. Стар.“. 1883, I, стр. 225).

²⁾ Тамъ же, стр. 118.

него продолжалось шутовское препирательство съ Хильчевскимъ, которому, въ отвѣтъ на его сомнѣнія, Кулишъ отвѣчалъ заявленіемъ самыхъ широкихъ надеждъ, обѣщая выхлопотать и ему черезъ Головачева прекрасное мѣсто на Курско-Кіевской или Кіево-Брестской желѣзной дорогѣ, а относительно собственныхъ дѣлъ Кулишъ держался полной увѣренности, что все будетъ хорошо и удачно. Но въ іюнѣ 1874 г. въ его перепискѣ слегка промелькнула первая тѣнь опасенія за будущее. „Въ послѣднее время“—писалъ Кулишъ—„вѣсы начали склоняться въ нашу сторону, а то ходили по городу слухи, приводившіе насъ въ уныніе. Если бы министръ, недовольный торжествомъ неправды, не захотѣлъ служить больше, то и намъ сдѣлалось бы жутко. Перевѣсь покажѣтъ на вашей сторонѣ, и выразился по-радовавшею насъ замѣткою въ газетахъ, что нѣкій изъ сильныхъ земли „оставляетъ Петербургъ и ѣдетъ лѣчиться“. Да процвѣтаетъ его чрево, лишь бы не мѣшалъ намъ дѣлать дѣло и хотя сколько-нибудь защитить казну отъ расхищенія не тысячами, а цѣлыми милліонами“. ¹⁾ Еще годъ впрочемъ Кулишъ пробылъ въ Петербургѣ, работая надъ „Исторіей воссоединенія Руси“, трудомъ, который, по его словамъ, „былъ проникнуть идеей сліянія русскаго народа“. ²⁾ Трудъ этотъ былъ задуманъ въ весьма обширныхъ размѣрахъ (предполагалось девять томовъ). Изданіе его взяло на себя Товарищество „Общественной пользы“. ³⁾ Но Кулиша уже вновь тянетъ въ Мотроновку. „Добьюсь ли я чего въ Петербургѣ“—говорилъ онъ—“и какой цѣной—неизвѣстно, а тутъ зимою вдоволь начитаешься, а лѣтомъ налю-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 131.

²⁾ Тамъ-же, стр. 136.

³⁾ Сначала Кулишъ сталъ печатать въ типографіи Гатцука, съ которымъ очень сошелся (было даже предположено, что Кулишъ будетъ редактировать «большой календарь» Гатцука), но у послѣдняго произошелъ пожаръ въ типографіи, послѣ котораго онъ сталъ сильно урывать плату своихъ сотрудниковъ.

буешься зеленью, цвѣтами и животными“¹⁾ Теперь онъ уже окончательно вступилъ на тотъ путь въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, на которомъ оставался до конца жизни, совершенно разошедшись съ Костомаровымъ; его онъ называлъ уже „иноплеменникомъ“ (въ смыслѣ: великороссъ) и которому вслѣдствіе того приписывалъ непониманіе исторіи. „Почему истинѣ не быть на моей сторонѣ?“—писалъ онъ. „Не потому-ли, что я одинъ противъ многихъ? Когда же это бывало, чтобъ истина въ своемъ откровеніи избирала большинство? Общественное мнѣніе устанавливается въ средѣ умовъ пассивныхъ“. „Вы хотите“, продолжалъ онъ, обращаясь въ лицѣ Хильчевскаго къ сторонникамъ взглядовъ Костомарова,—„чтобы было двѣ истины, а она только на одной сторонѣ. Если моя книга неправда, зачѣмъ ее читаютъ? Если же я не ошибся въ изображеніи моего народа, то зачѣмъ читать его карикатурную исторію? Ты хочешь совмѣстить несовмѣстимое—иноплеменника съ туземцемъ“ и наконецъ, „лучше думать правду въ одиночку, чѣмъ ораторствовать передъ публикой, потерявшей чутье къ своему настоящему и прошедшему“. Отсюда у Кулиша является желаніе уединиться отъ житейской сутолоки и всецѣло посвятить себя чтенію и историческимъ трудамъ: „Слава Богу, что я могу, ничѣмъ не занимаясь обязательно, читать и читать; этого удовольствія я не испытывалъ давно, находясь постоянно въ борьбѣ съ житейскими мелочами“²⁾ Въ то же самое время Кулишъ на вопросъ И. И. Бѣловерскаго по поводу слуховъ о томъ, что онъ „намѣренъ издавать журналъ съ цѣлью противодѣйствовать украинофильству“, отвѣчалъ, объясняя недоразумѣніе: „насколько въ украинофильство вошло ложныхъ фактовъ и понятій, настолько я долженъ ему противодѣйствовать. А то какъ же? Люди создали себѣ въ умѣ небывальщину, да такъ ее и проповѣдывать изъ рода въ родъ!“... „Умственная лѣнь малорусской и червонорус-

1) «Кіевск. Стар.», 1898, I, стр. 140.

2) „Кіевская Старина, 1898, I, стр. 141—142.

ской молодости рукоплещеть идеаламъ дикой фантазіи и не хочетъ видѣть иныхъ путей къ возведенію русской народности къ благотворному значенію“.

Подъ влияніемъ такого настроенія Кулишъ и удалился въ свой хуторъ и началъ вести замкнутый образъ жизни: „нечитанныхъ книгъ“—говорилъ онъ—, „у меня горы, и мнѣ гораздо пріятнѣе быть читателемъ умныхъ книгъ, нежели писателемъ для недоумковъ“. Свой новый образъ жизни онъ описывалъ такъ: „Я, въ качествѣ туриста, лѣнясь, читаю что-нибудь въ постели, доколѣ не сдѣлается совѣстно, что кофе меня ждетъ, послѣ кофе запираюсь въ своей комнатѣ и нѣсколько часовъ изумляю міръ своимъ глубокомысліемъ, которое, однакожь, прерываю по временамъ, или для того, чтобы освободиться отъ кошачьихъ просьбъ или вспомню вдругъ, что цудымъ Бовкунъ еще не позавтракалъ, а иной разъ, видя, что Александра Михайловна хлопочетъ въ саду, соблазняюсь сіяніемъ солнца и соловьиными лѣснями, которыя лучше всяческаго глубокомыслія“¹⁾.

Это отшельническое пустынножителство и отрѣшенность отъ міра печали и слезъ помогло ему съ стоическимъ хладнокровіемъ перенести неистовыя нападенія Каткова и Аксакова, которыя могутъ быть оставлены нами въ сторонѣ.

LI.

Въ концѣ семидесятихъ годовъ Кулишъ оставилъ Петербургъ, приготовивъ къ печати третью часть „Исторіи воссоединенія“. Онъ окончательно разошелся съ Костомаровымъ, съ которымъ провелъ въ послѣдній разъ время въ Лоскутной гостиницѣ въ Москвѣ въ 1877 г. Въ это время онъ переселился было въ древнюю столицу, приглашенный А. А. Гатцукомъ, которому онъ помогалъ въ изданіи его „Газеты Гатцука“ и долженъ былъ, какъ предполагалось, сдѣлаться его сотрудникомъ или даже со-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 143.

редакторомъ по изданію „большого“ календаря (въ отличіе отъ общераспространеннаго и дешеваго, такъ называемаго „Крестнаго календаря).¹⁾ Гатцукъ, вызвавъ къ себѣ Кулиша, принялъ его съ распростертыми объятіями и мечталъ заключить съ новымъ своимъ компаньономъ самый тѣсный литературный союзъ. Ихъ дѣйствительно связывала общая обоимъ любовь къ Малороссіи, но затѣмъ это были двѣ совершенно несходныя натуры: Кулишъ былъ идеалистъ и—если угодно—мечтатель, конечно, въ благородномъ смыслѣ этого слова, Гатцукъ—практикъ до мозга костей, умный и весьма образованный, но прежде всего дѣлецъ и предприниматель. Гатцукъ видѣлъ или желалъ видѣть въ Кулишѣ талантливаго журнальнаго работника, способнаго придать блескъ его изданію, Кулишъ возлагалъ на Гатцука надежды въ смыслѣ товарищества въ пропагандѣ излюбленныхъ имъ идей. Скоро выяснилось, что они совсѣмъ не подходили другъ къ другу. Понятно, что они скоро разочаровались одинъ въ другомъ и, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ, страшно поссорились. Кулишъ горько жаловался въ письмахъ на Гатцука, что „при его не-правильности онъ истреблялъ мое время безсознательно такъ, что работа, требовавшая двухъ часовъ въ сутки, нерѣдко поглощала цѣлыя дни совершенно попусту: то опоздаетъ прислать газеты, то неизвѣстно куда самъ дѣвется, то спитъ, когда надо дѣлать дѣло“. Ко всему этому присоединились и денежныя недоразумѣнія.

И въ эту-то тяжелую для Кулиша пору, когда два историка, онъ и Костомаровъ, снова много и часто бесѣдовали другъ съ другомъ, но когда отношенія ихъ едва удерживала только тѣнь былого единодушія и разногласіе въ историческихъ вопросахъ все сильнѣе давало себя знать,²⁾—чувствуя потребность въ

1) Въ письмѣ отъ 5 іюля 1874 г. къ Хильчевскому Кулишъ сообщаетъ: «Печатаю Гатцуковъ рублевый календарь на 1875 годъ въ Петербургѣ. Его коштъ, мои труды» („Кіевская Старина“, 1898. I, стр. 181).

2) Съ „осени“—сообщалъ Кулишъ въ 1877 г. Бестужеву-Рюмину—„мы работали въ архивѣ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, но я отъ

научныхъ симпатіяхъ и отзывѣ о своемъ новомъ трудѣ авторитетнаго и безпристрастнаго историка, Кулишъ обратился къ высокогалантливому профессору петербургскаго университета К. Н. Бестужеву-Рюмину, пославъ ему свое изслѣдованіе въ рукописи, и прося его, въ случаѣ согласія во взглядахъ и одобреніи, принять на себя нѣкоторыя хлопоты по устройству дѣлъ съ типографіей и по заключенію съ ней условій. Профессоръ Бестужевъ-Рюминъ, по своему обыкновенію, отнесся къ собрату съ самымъ живымъ и сердечнымъ участіемъ, высоко при томъ цѣня и его дарованія и любовь къ наукѣ, къ труду и къ истинѣ. Въ почти восторженныхъ выраженіяхъ отозвался онъ о сочиненіи Кулиша и съ свойственными добротой и обязательностью взялъ на себя даже практическія хлопоты по этому дѣлу, но энергично отговаривалъ его отъ полемики съ людьми разномыслящими, т. е. главнымъ образомъ съ Костомаровымъ.

Первыя сношенія Кулиша съ Бестужевымъ начались еще раньше, вѣроятно когда послѣдній еще жилъ въ Петербургѣ, такъ какъ въ первомъ же извѣстномъ намъ письмѣ къ Бестужеву Кулишъ ссылается уже на выраженную имъ готовность помогать въ предпринятомъ трудѣ; въ этомъ же письмѣ Кулишъ просилъ его снестись съ типографіей Товарищества „Обществен-

времени до времени сообщалъ ему о своихъ изысканіяхъ и всегда находилъ его въ оборонительной позиціи. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву вторично, а во время нашего свиданія не сказалъ ему о своихъ умо-заключеніяхъ ни слова, точно какъ будто и не занимался исторіей русскаго юга — и онъ ни разу не заговорилъ о предметѣ моихъ занятій*. Въ это время Костомаровъ уже приготавливалъ полемическую статью противъ Кулиша «О козакахъ», напечатанную въ мартовской книгѣ Русской Старины за 1878 годъ. П. И. Костомаровъ расходился съ Кулишемъ также по вопросу о переводѣ произведеній Шекспира на украинскій языкъ, находя этотъ трудъ невужнымъ для образованныхъ малороссовъ, которые всѣ достаточно владѣютъ русскимъ языкомъ — но, конечно, допускалъ значеніе этихъ переводовъ для галичанъ; дѣятельности же Кулиша, посвященной галичанамъ, онъ также не сочувствовалъ. (См. «Кіевск. Стар.», 1883, I, статья «Ш. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность стр. 222 и пр.).

ная Польза“ и предложить въ какой-нибудь журналъ одну главу изъ его монографіи подъ заглавіемъ „Западная наука и православіе въ эпоху Іова Борецкаго“, прибавляя при этомъ: „впрочемъ я покорнѣйше прошу васъ объ этомъ только въ такомъ случаѣ, когда бы вы признали полезнымъ такъ распорядиться въ интересахъ идеи, а не въ интересахъ автора. При томъ, если для журнала понадобилось бы сократить ее больше, чѣмъ для отдѣльнаго изданія, то я совершенно отъезываюсь отъ выраженного мною желанія“. Бестужевъ же отвѣчалъ ему: „Прочелъ все вами присланное. Въ цѣломъ картина выходитъ очень рельефная, и неожиданно выходитъ на первый планъ много такого, что затушевалось историками: такъ совершенно иными являются русскіе въ польскихъ кафтаныхъ въ родѣ Жолѣвскаго. Блестящая глава о плѣнныхъ въ Турціи, вѣроятно, обратитъ на себя общее вниманіе историковъ. Вообще, благодаря тому, что всѣ интересы исторіи не сосредоточиваются на однихъ козакахъ, а обращено вниманіе и на другія стороны, исторія Руси Западной выясняется значительно“.

Теплый отзывъ Бестужева-Рюмина побудилъ Кулиша вступить съ нимъ въ болѣе интимныя отношенія, поощряемый благородной готовностью профессора относиться съ полнымъ участіемъ къ дѣламъ и интересамъ собрата по наукѣ. Бестужевъ-Рюминъ старался между прочимъ удержать Кулиша отъ излишней полемики, совѣтуя ему возражать фактами въ самой книгѣ, но не вступать въ пререканія: „Прочитавъ ваши часто вдохновенныя страницы, я думалъ, что здѣсь нерѣдко зерна полного пониманія, а потому слѣды полемики очень грустны, тѣмъ болѣе что, при неразвитости нашего общества, на нихъ накинута прежде, чѣмъ на что-нибудь другое“. Въ виду такого расположенія къ нему Бестужева, Кулишъ даже надѣялся при его содѣйствіи вновь устроиться на нѣкоторое время въ Петербургъ для того, чтобы расплатиться съ главнымъ тогдашнимъ своимъ кредиторомъ А. А. Гатцукомъ, одно время, какъ сказано, чрезвычайно сблизившимся было съ Кулишомъ и перезавшимъ его въ Москву для совмѣстной дѣятельности въ основанной имъ газетѣ, но по-

томъ скоро разсорившимся съ нимъ и даже подавшимъ на него жалобу въ нѣжинскій окружной судъ. Въ эту пору Кулишъ называлъ Бестужева своимъ „единственнымъ цѣлителемъ“; онъ даже просилъ его прискаты ему какую-нибудь должность, говоря: „Я полагаю, что найти мнѣ должность легче для васъ, чѣмъ увѣрить нашу интеллигенцію, что козаки были добычниками“. Черезъ Бестужева-Рюмина Кулишъ вступилъ въ сношенія съ знаменитымъ французскимъ ученымъ Рамбо, который, подъ впечатлѣніемъ лестной рекомендаціи петербургскаго профессора, захотѣлъ было ознакомиться съ историческими трудами Кулиша, что было вполнѣ возможно благодаря его знанію русскаго языка. Рамбо вынесъ съ своей стороны самое выгодное мнѣніе о дарованіяхъ Кулиша и достоинствахъ его ученыхъ трудовъ; въ своей перепискѣ съ нимъ, онъ высказываетъ готовность всесторонне помогать ему въ его начинаніяхъ, но это благое желаніе ему не удалось осуществить, такъ какъ Кулишъ поставилъ его въ нѣкоторое затрудненіе, выразивъ желаніе видѣть, благодаря его содѣйствію въ сношеніяхъ съ переводчиками и типографіями, нѣкоторыя изъ своихъ главныхъ работъ на французскомъ языкѣ. Желаніе это было, конечно, очень непрактично и далеко не согласовалось съ дѣйствительными условіями: въ самомъ дѣлѣ, Рамбо въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ, отдавая полную дань уваженія Кулишу, какъ талантивому историку, въ то же время долженъ былъ указать ему на совершенную невѣроятность успѣха среди французскаго общества многотомныхъ и серьезныхъ трудовъ по исторіи Малороссіи, когда такіе труды не пользуются популярностью даже и въ русской читающей публикѣ, слѣдовательно тѣмъ болѣе совершенно не могутъ быть доступны для французовъ, мало знакомыхъ съ исторіей Украйны въ самыхъ общихъ чертахъ. Притомъ для французовъ, страдающихъ недостаткомъ элементарныхъ знаній о Россіи и Малороссіи, естественно должны быть вполнѣ непонятными различія между московской или украинской точкой зрѣнія на данныя вопросы, тогда какъ ясное пониманіе этого различія уже предполагается въ самомъ изложеніи въ книгахъ Кулиша. Понятно, что Рамбо былъ

безусловно правъ, съ чѣмъ и долженъ былъ Кулишъ согласиться. Факты и соображенія, имъ приводимыя, были слишкомъ убѣдительно; такъ онъ ссылался, на примѣръ, на то, что даже для „Войны и мира“ Толстого, романа въ значительной степени касающагося событій французской исторіи и въ которомъ есть между дѣйствующими лицами французы, хотя нашелся переводчикъ (до того времени), но не нашлось ни одного издателя.

Любопытно при этомъ, что Кулишъ, вооружаясь противъ иллюзій, распространяемыхъ по его мнѣнію, сочиненіями украинофиловъ относительно значенія и исторической роли козачества, больше всего былъ склоненъ обвинять Шевченка, который, по его словамъ, „долго, дольше самого Костомарова, загоразивалъ дорогу къ уразумѣнію международныхъ отношеній Польши, Малороссіи и Россіи“¹⁾. Планъ собственнаго труда обозначался тогда въ умѣ Кулиша въ слѣдующихъ чертахъ: „Хмельницкій“ — говорилъ онъ—является у меня уже въ третьемъ томѣ; въ четвертомъ опредѣляется въ изображеніи его среды, какъ характеръ, а съ пятаго тома начинается уже Хмельницина, которою воссоединеніе окончится“. Любопытны также соображенія, по которымъ Кулишъ избѣгалъ печатать свой трудъ въ Кіевѣ: „тамошній цензоръ могъ бы уничтожить всѣ тѣни, брошенныя мною на духовенство для возвышенія блеска святыхъ его сторонъ, и живопись превратилась бы въ иконопись“. Но, въ свою очередь, и самъ Кулишъ опасался, отдалившись отъ центровъ культуры, впасть въ какую-либо односторонность, о чемъ весьма довѣрчиво и откровенно говорилъ Бестужеву-Рюмину, выразившему свое душевное сочувствіе по поводу положенія, въ которомъ онъ находился: „Ваше „грустно!“ я вполне понимаю. Поймите же и вы невозможность въ изолированномъ и отверженномъ положеніи

¹⁾ Съ Костомаровымъ Кулишъ разошелся тогда до такой степени, что Костомаровъ написалъ противъ него полемическую статью въ „Русской Старинѣ“ подъ заглавіемъ: «О кацапахъ» (1878, III, стр. 385—402). См. также статью Костомарова въ „Кіевской Старинѣ“, 1883, т. I, стр. 221—234.

сохранить свое достоинство человеческой мысли и ее выражения. Вы знаете, чѣмъ кончаютъ самые талантливые живописцы, подвергнутые долготѣнному заключенію“. Кулишъ горько жаловался на невыгоды своего положенія хуторянина, благодаря которому для него были недоступны библіотеки и бесѣды съ специалистами. О своемъ разладѣ съ представителями администраціи Кулишъ говорилъ такъ: „Миѣ запрещено издавать въ Кіевѣ журналъ, тогда какъ главному управленію по дѣламъ печати слѣдовало бы умолять меня объ этомъ, чтобы излѣчить мѣстную интеллигенцію отъ такого недуга, въ какой впалъ, наконецъ, и Драгомановъ“. То же онъ высказывалъ по другому поводу, говоря мимоходомъ, что „за невозможностью пребывать въ центрѣ просвѣщенія, согласенъ жить на окраинѣ, но не въ глуши, гдѣ никому нѣтъ дѣла ни до воссоединенія, ни до сепаратизма“.

II.

Сношенія Кулиша съ русинами въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ ждуть своего историка. Мы съ своей стороны, за недостаткомъ данныхъ, ограничимся передачей свѣдѣній, сообщенныхъ намъ А. Я. Конисскимъ, и выскажемъ наше собственное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ. Въ 1876 году—говоритъ г. Конисскій—Кулишъ задумалъ издавать „Журналъ П. А. Кулиша“. Получить разрѣшеніе онъ надѣялся при содѣйствіи Юзефовича¹⁾, а привлечь сотрудниковъ и подписчиковъ думалъ печатаніемъ статей на малорусскомъ нарѣчій; съ этой цѣлью онъ рассчитывалъ объявить въ программѣ журнала, что „какъ беллетристика, такъ и статьи по всѣмъ прочимъ отдѣламъ будутъ печататься на томъ языкѣ, на которомъ будутъ написаны авторами“.

¹⁾ За Юзефовича Кулишъ всегда хватался, какъ за послѣднюю надежду, какъ утопающій за соломинку.

„Прочитавши программу предположеннаго изданія, онъ спросилъ меня, какъ, по моему мнѣнію, отнесутся въ этому дѣлу мои кievскіе знакомые. Я отклонился отъ отвѣта за другихъ; отъ себя же сказалъ, что если бы онъ и достигъ разрѣшенія на изданіе, въ чемъ я сомнѣваюсь, то я не принялъ бы никакого участія..

„Кулишъ не усидѣлъ на мѣстѣ и, схватившись руками за голову, началъ увѣрять меня въ невозможности имѣть съ Галичанами какое бы то ни было дѣло. Онъ вспомнилъ о Головацкомъ, Дѣдицкомъ и о какомъ-то предателѣ Косиѣрскомъ. Потомъ рассказалъ мнѣ, что въ 1870 г. онъ былъ за границей, старался основать тамъ, во Львовѣ, періодическое изданіе, но ничего не могъ достигнуть; попалъ съ русинами (нѣкоторыхъ онъ называлъ по имени) въ такое болото, что едва выскочилъ. Вообще онъ высказывалъ тогда о галицкихъ русинахъ крайне невыгодное для нихъ мнѣніе. Искренности ихъ по отношенію къ Украинѣ и украинцамъ онъ совсѣмъ не довѣрялъ; по отношенію къ Украинѣ онъ видѣлъ въ нихъ сепаратистовъ, желавшихъ эксплуатировать украинцевъ; по его мнѣнію, русины-галичане глубоко ополячены и восприняли весьма многія отрицательныя стороны польской шляхты. Въ произведеніяхъ ихъ онъ справедливо не видѣлъ не только *poэзіи*, но и простого поэтического чутья... Вообще онъ старался отклонить меня какъ можно дальше отъ галицкихъ русиновъ. Журналъ его не осуществился. Юзефовичъ принялъ его крайне холодно и отказалъ въ какомъ бы то ни было содѣйствіи“.

„Въ 1881 году я получилъ изъ за-границы неизвѣстно кѣмъ высланные въ закрытыхъ конвертахъ листы изданной Кулишемъ въ Львовѣ „Хуторной поэзіи“. Я пришелъ въ изумленіе, прочитавши въ ней „историчне оповіданне“¹⁾ и „завивний листъ до украинской интеллигенціи“.

¹⁾ Въ этомъ трудѣ своемъ Кулишъ въ сущности опровергаетъ сказанное имъ въ «Повѣсти объ украинскомъ народѣ» (Ср. «Исторія украинской литературы», Петрова, стр. 270—271).

Далѣ г. Конисскій сообщаетъ слѣдующее: „До 1884 года я не зналъ, что было причиною возвращенія Кулиша ко взглядамъ начала шестидесятыхъ годовъ. Въ Кіевѣ на этотъ счетъ ходили слухи, русская же пресса, не только та, которая называется „Московскими Вѣдомостями“, но даже кіевская „Заря“ начала клеймить Кулиша эпитетами вродѣ: „измѣнникъ“, „отступникъ“ и т. п. Въ дѣйствительности же Кулишемъ руководило не отступничество, а болѣзненно развитое самолюбіе и желаніе первенствовать. Когда онъ увидѣлъ, что „Исторія возрожденія“ не привела къ желанной цѣли, то отправился въ Галичину и задумалъ издавать здѣсь газету въ духѣ примиренія поляковъ и украинцевъ. Но для этого нужны были средства и австрійское подданство. Мѣстное правительство не прочь было субсидировать изданіе, а Кулишъ готовъ былъ перейти въ австрійское подданство, конечно испросивъ согласіе русскаго правительства (кажется, Кулишъ подалъ объ этомъ просьбу къ министру Внутреннихъ Дѣлъ гр. Игнатьеву и получилъ разрѣшеніе). Но изданіе не осуществилось... Достоверно то, что онъ выѣхалъ изъ Австріи въ 1882 г., раздраженный и противъ правительства, и противъ поляковъ, и русиновъ. Послѣднихъ въ своей „Крашанкѣ“ онъ просто называетъ „телятами“.

Ходили слухи, что, когда Кулишъ возвратился въ Россію, возникла переписка въ административныхъ сферахъ о ссылкѣ его; но восторжествовало мнѣніе кіевского генераль-губернатора, чтобы ему было предоставлено спокойно и свободно жить, гдѣ онъ захочетъ“.

Самъ Кулишъ передавалъ дѣло г. Лободовскому иначе: „Въ послѣднюю мою поѣздку во Львовъ я много занимался въ архивахъ польскихъ книгохранилищъ; поляки не щадятъ средствъ для культуры; въ библіотекѣ Осолинскихъ находятся драгоценнѣйшіе матеріалы для нашей исторіи“. Дальше, рассказавъ о замѣченной имъ взаимной адской злобѣ поляковъ и галичанъ и о своемъ обращеніи къ знаменитому Крашевскому съ просьбой помочь его желанію дѣйствовать на поляковъ въ

примирительномъ духѣ и полученіи отъ него отказа подѣ предлогомъ старости, Кулишъ сообщалъ объ интригѣ поляковъ противъ него. „Одинъ полякъ“—говорилъ онъ—„отъ группы какихъ-то богатыхъ польскихъ пановъ сдѣлалъ такое предложеніе: „нѣсколько польскихъ богатыхъ пановъ желаютъ помочь вамъ, панъ Кулишъ, въ осуществленіи вашихъ культурныхъ стремленій; они знаютъ, что вы человекъ не богатый, поэтому предлагаютъ вамъ самому назначить сумму денегъ, которая потребна будетъ для осуществленія вашихъ завѣтныхъ желаній, т. е. изданія газеты, журнала, книгъ, на малорусскомъ, конечно, языкѣ и во Львовѣ, но съ условіемъ, что примете австрійское подданство. Зная васъ, они къ вамъ относятся съ полнымъ довѣріемъ“. „Зная любовь поляковъ къ культурѣ и щедрія ихъ пожертвованія для культурныхъ цѣлей“,—продолжаетъ Кулишъ—„зная рыцарскія качества характера нѣкоторыхъ поляковъ, я отнесся съ довѣріемъ къ предложенію“. Кулишъ согласился на предложеніе, предполагая издавать малороссійскій журналъ и газету, вести ихъ въ томъ духѣ, въ какомъ онъ желалъ, и основать съ патріотическими цѣлями женскую гимназію во Львовѣ „съ интернатомъ для галичановъ—матерей будущихъ патріотовъ“¹⁾. Дальнѣйшая исторія понятна: когда Кулишъ увидалъ, что у его новыхъ друзей и покровителей былъ свой особый умыселъ и что они хотѣли только воспользо-

1) Также Кулишъ старался убѣждать своихъ знакомыхъ дѣвушекъ-малороссинокъ серьезно заниматься исторіей Малороссіи, выписывая вѣна и года, «какъ студенты передъ экзаменомъ», чтобы хорошо знать исторію родного края, «какъ всякая образованная полька знаетъ свою исторію». «Не было бы для меня большей радости на Украинѣ—говорилъ онъ—«какъ видѣть горячихъ сердцемъ людей, которые жили бы не одними земными интересами, какъ мотылекъ, который сегодня красуется на солнцѣ, а завтра умеръ, не заботясь, что было до него и будетъ послѣ. Глаголы Божіи мы читаемъ въ жизни царства и народовъ, всякій народъ горемъ и счастьемъ готовится на свое дѣло въ общемъ дѣлѣ человечества» и проч.

ваться его дарованиями и энергіей для собственныхъ цѣлей, употребивъ его за деньги (какъ имъ хотѣлось) въ качествѣ орудія, уже тогда, когда для него возвращеніе въ Россію будетъ отрѣзано,—онъ, разумѣется уклонился отъ ихъ предложенія, но прошеніе о разрѣшеніи принять австрійское подданство уже было подано ¹⁾).

Итакъ Кулишъ оставался все время вѣренъ своей завѣтной мечтѣ—дѣйствовать для національнаго возрожденія Украйны посредствомъ періодическаго изданія, но осуществить ее ему не удавалось, а между тѣмъ на этой струнѣ и на склонности его увлекаться излюбленной идеей до забвенія осторожности задумали играть по-своему представители иной народности и иныхъ интересовъ, лукаво поставивъ ему такую сѣть, изъ которой онъ могъ выйти лишь сильно (хотя и несправедливо) скомпрометтированнымъ одновременно и передъ правительствомъ, и передъ украйнофилами галицкими и русскими. Между тѣмъ перенести свою дѣятельность въ Галицію Кулишъ хотѣлъ вѣдь потому, что она была рѣшительно невозможна въ Россіи. Да и средства для созданія новаго, и притомъ малороссійскаго, органа, еслибы предположить даже, что послѣдній былъ бы разрѣшенъ, ему никто и никогда не предлагалъ. „Малороссійскій органъ“—писалъ Кулишъ И. И. Бѣлозерскому — „покажѣсть невозможенъ по недостатку фонда. Поэтому не лучше ли избрать почву нейтральную? Австрія, правда, паршивое государство, но тамъ нѣмцы, ляхи и жида заѣдаютъ русиновъ, однакожъ, русины имѣютъ множество періодическихъ изданій и книгъ“. Всѣ его неудачи и недоразумѣнія, по нашему мнѣнію, объясняются въ значительной

¹⁾ См. «Кіевскую Стар.», 1897, IV, 166—170. Кажется, Булишъ былъ постепенно вовлеченъ въ сѣть, такъ какъ изъ одного письма его къ И. И. Бѣлозерскому видно, что онъ былъ сначала увѣренъ въ возможности основать собственную типографію и получить «концессію», не принимая австрійскаго подданства.

степени тѣмъ, что онъ видѣлъ себя вынужденнымъ дѣйствовать на чужой почвѣ, за полной невозможностью дѣйствовать на своей, а среди чужихъ онъ естественно встрѣчалъ не совсѣмъ тѣ или даже совсѣмъ не тѣ стремленія, какія были у него; компромиссы, конечно, только портили дѣло и создавали недоразумѣнія. Что же касается польской партіи, то она, очевидно, привлекая Кулиша для своихъ интересовъ, дорожила авторитетомъ его имени среди украинцевъ и вмѣстѣ благопріятнымъ для поляковъ отрицательнымъ отношеніемъ его къ козачеству. Отсюда вполне естественно возникала надежда воспользоваться его идеей воссоединенія совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Кулишъ ¹⁾, высказавшій свой взглядъ на польско-украинскія отношенія въ „Крапанкѣ“ (какъ бы онъ ни увлекался въ остальномъ) такимъ образомъ: „Съ обѣихъ сторонъ (съ украинской и съ польской) столько было кроваваго зла, что нѣтъ суда на землѣ, который могъ бы насъ разсудить, а мы вмѣсто того, чтобы все предать забвенію, хотимъ по прежнему, по варварски, по звѣриному враждовать между собой“. Но этой прекрасной и истинно-гуманной идеѣ ему не удавалось служить безъ компромиссовъ то въ одну, то въ другую сторону, въ значительной степени объясняемыхъ трудностью балансировать среди историческихъ, вѣковыхъ народныхъ несогласій, и это—несомнѣнный источникъ почти не-

1) По словамъ «Галицкой Руси», указывающей на планъ поляковъ найти редактора русинскаго журнала съ громкимъ именемъ и притомъ украинца, «найденъ былъ украинецъ и не какой-нибудь, а самъ авторъ «Черной Рады», поэтъ и историкъ, изобрѣтатель фонетическаго правописанія, названнаго въ Галичинѣ въ его честь «кулишевкой», «идеалъ галицкихъ украинофиловъ». (1892 г., № 226 фельетонъ). «Галицкая Русь» взводитъ на Кулиша тяжелое и позорное обвиненіе въ продажности, но весьма наивно объясняетъ быстрый, для всѣхъ неожиданный отъѣздъ Кулиша изъ Львова тѣмъ, что у него не достало терпѣнія ждать (sic) осуществленія задуманнаго журнала.

избѣжныхъ промаховъ и ошибокъ Кулиша. Да и трудно было иначе, потому что и самъ Кулишъ, въ свою очередь, желая быть миротворцемъ, имѣлъ всегда въ виду то такъ, то иначе понимаемая выгоды своей родной и дорогой *Украины*: отсюда, мнѣ кажется, можно понять и его быстрое увлеченіе поляками въ Львовѣ, и быстрое же въ нихъ разочарованіе. Еслибы Кулишъ могъ дѣйствовать на этой вулканической почвѣ прямо и подѣ опредѣленнымъ знаменемъ, не примыкая къ постороннимъ партіямъ, то, безъ сомнѣнія, несмотря на то, что послѣ въ своемъ разочарованіи онъ обманывалъ себя, говоря, что онъ не политикъ, а историкъ ¹⁾, онъ могъ бы быть крупной силою, чтó отлично понимали какъ искавшіе его союза, такъ и тѣ, кто, видя въ немъ противника, опытали его страстными проклятіями ²⁾.

ЛІІІ.

Послѣднее десятилѣтіе было опять тяжелой порой въ жизни Кулиша. Продолжая на склонѣ лѣтъ съ неутомимой энергіей и горячимъ, почти юношескимъ увлеченіемъ служить избранному „дѣлу жизни“, какъ бы не чувствуя тяжести вереницы пережитыхъ, нелегкихъ во всѣхъ отношеніяхъ, годовъ, онъ былъ теперь со всѣхъ сторонъ тѣснимъ неблагоприятными условіями, почти ниоткуда не встрѣчая поддержки и нравственнаго одобренія. Уединившись въ своемъ хуторѣ, отрѣзанный

¹⁾ «Кіевская Старина», 1897, IV, 170.

²⁾ Н. И. Костомаровъ упрекалъ Кулиша за «Крашанку», въ которой авторъ изложилъ взгляды, противные обѣимъ прежнимъ направленіямъ—и тому, съ которымъ онъ трудился цѣлыхъ тридцать прежнихъ лѣтъ, и тому, съ которымъ въ 70-хъ годахъ явился въ Петербургъ и Москвѣ. («Вѣстн. Евр.», 1882, VIII, стр. 731).

силою неумолимыхъ обстоятельствъ отъ центровъ, Кулишъ былъ тогда богатъ развѣ литературнымъ прошлымъ и широкими планами, но не тѣмъ могущественнымъ металломъ, который открываетъ двери къ благополучному процвѣтанію въ житейскомъ смыслѣ. Въ это время его измѣнившіеся взгляды на роль, которую играли козаки въ исторіи Украины XV—XVII вѣковъ, навлекли на него сильнѣйшее перасположеніе украинской партіи, да и въ Галиціи было не мало недовольныхъ имъ, хотя по другимъ причинамъ. Цензура съ своей стороны продолжала относиться къ нему съ явнымъ недовѣріемъ. Тяжело было переносить это общее равнодушіе, а иногда и ожесточеніе.

Кулишъ уже отрекся отъ всякихъ надеждъ на славу даже въ потомствѣ, говоря (въ письмѣ къ Волкъ-Карачевской), что онъ будетъ только неустанно дѣло дѣлать, а дѣла столько, что некогда и съ добрыми людьми поговорить; воспользуется ли кто этимъ трудомъ, этого никто не знаетъ, но такъ или иначе правда восторжествуетъ, а пока надо подождать лѣтъ сто, когда „жизнь вызоветъ на Божій свѣтъ правду слова и дѣла“. Также В. Н. Волкъ-Карачевскому онъ писалъ: „За мою правду Богъ далъ мнѣ такое здоровье, какое никому изъ моихъ знакомыхъ“. „Если бы я зналъ, что я не правъ, я бы тотчасъ сжегъ свои бумаги и сломалъ перо, а такъ какъ правыхъ людей не вижу, то лучше одинъ останусь съ своей правдой, нежели примѣну къ „стоустому недоразумѣнію“.

И вотъ въ это-то и безъ того нерадостное время судьба послала ему одинъ за другимъ рядъ жестокихъ невзгодъ чисто житейскаго характера: то пожаръ наноситъ безпощадный ударъ его крайне скуднымъ матеріальнымъ средствамъ и лишаетъ его самаго дорогого сокровища и самой высокой отрады—многочисленными жертвами собранной библіотеки, то недобросовѣстный арендаторъ - полякъ всевозможными злоупотребленіями вовлекаетъ въ мелкія дразги повседневной жизни всѣми забытаго труженика мысли и пера и вынуждаетъ его наконецъ начать съ собой тяжбу. По разнымъ мелочнымъ причинамъ человѣку

живого, общительнаго темперамента, дѣятелю, рожденному для широкой арены и съ призваніемъ къ трибунѣ, приходилось все тѣснѣе замыкаться съ горькимъ чувствомъ въ своемъ хуторскомъ уединеніи, и такое отчужденное положеніе, хотя и въ годы приближающейся старости, но когда, не смотря на то, въ жилахъ все еще кипѣла кровь, было тяжелымъ и незаслуженнымъ испытаніемъ. Но все это не сломило Кулиша и не лишило его бодрости ¹⁾: онъ продолжалъ заниматься домашними работами, причемъ даже самъ пахалъ землю по принципу, хотя и не былъ послѣдователемъ Л. Н. Толстого, и въ это же время его литературная дѣятельность нисколько не ослабѣвала, не смотря на то, что его труды оставались подолгу въ рукописяхъ и не находили живого отголоска.

Отрицая эпоху козачества, какъ вредное исчадіе польской культуры и ложный историческій наростъ, Кулишъ хотѣлъ теперь видѣть возрожденіе Украйны на почвѣ до-монгольской „старорусчины“. Въ письмахъ къ Вольѣ-Карачевской въ 90-хъ годахъ онъ подробно развиваетъ этотъ взглядъ; сходясь съ нею въ украинскомъ патріотизмѣ, онъ указываетъ и существенное разногласіе: „в тебе козачина—корінь и цвіт нашої національности, а мене вона допомогла нашому культурному ходу ще менше, ніж у середніх віках нашим західнім сусідам допомогли рицарі“. Единственной заслугой козачества Кулишъ признавалъ то, что оно привело къ соединенію Малороссіи съ Москвою. Онъ сильно вооружается противъ республики шляхетской и козацкой, но начатки украинской культуры, по его мнѣнію, не заглушили ни кіевскій апостолъ Петръ Могила, ни Лазарь Барановичъ. Козачество онъ прямо называетъ „ляхотатарскимъ вырождакомъ“. Пушкинская „Новорусчина“ воскресила

¹⁾ Еще въ 1857 г. Кулишъ замѣчательно мѣтло охарактеризовалъ свою натуру: «Природа создала меня удивительно: какъ бы ни разстроили меня внѣшнія вліянія, изъ души моей поднимается сила, которая опять все пррводитъ въ гармонію».

старый баяновскій духъ и потому не враждебна по своей русской природѣ Украинѣ, которая, однако, должна сохранить и развить свою культуру, на два вѣка задержанную казачествомъ. Этой-то культуры, въ противоположность „Костомаро-Тарасовщина“, Кулишъ называетъ себя „босовогимъ апостоломъ“.

Въ концѣ 1884 г. вышелъ въ свѣтъ „Байда“ и былъ быстро раскупленъ любителями малороссійской литературы, но это была сравнительно скудная дань таланту Кулиша, и въ то же самое время другія его произведенія и статьи, печатаемыя въ „Южномъ Краѣ“ и другихъ мало распространенныхъ изданіяхъ, иногда оставались неизвѣстными даже знатокамъ и любителямъ прошлаго Малороссіи. Болѣе крупной работой Кулиша въ это время была его статья „Предшественникъ козакаго батька“, и, кромѣ того, тогда онъ съ удвоенной эвергіей занимался послѣднимъ своимъ обширнымъ историческимъ трудомъ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“,—съ удвоенной между прочимъ потому, что по нынѣшнимъ взглядамъ Кулиша, дѣятельность Хмельницкаго заслуживала совершенно не той оцѣнки, какая установилась въ нашей исторической литературѣ и рисовалась автору изслѣдованія въ крайне несимпатичномъ свѣтѣ; необходимо было, съ его точки зрѣнія, поспѣшить съ окончаніемъ и обнародованіемъ его труда, чтобы предупредить уже предпологавшееся тогда открытіе памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ. Выступая на эту дорогу, Кулишъ окончательно расхотился во взглядахъ съ прежнимъ задушевымъ другомъ Костомаровымъ, отъ котораго его уже давно отдалило несходство въ убѣжденіяхъ.

Но вдругъ Кулишъ получилъ телеграмму отъ г. Мордовцева о смерти незабвеннаго историка, товарища его лучшихъ юношескихъ трудовъ, надеждъ и увлеченій. Прошлое живо воскресло въ его памяти, и явилась потребность отложить на нѣкоторое время начатыя труды и взяться за перо, чтобы въ воспоминаніяхъ изобразить привлекательную личность усопшаго

прежняго друга. Эти воспоминанія были потомъ напечатаны въ Вольфовской „Нови“.

LIV.

Между тѣмъ Кулиша ожидали новыя теплыя дружескія отношенія съ людьми, уважавшими его дѣятельность и умѣвшими оцѣнить его личныя достоинства. Въ числѣ такихъ людей назовемъ юнаго любителя украинской словесности Н. В. Стороженка и уже много потрудившагося на скромномъ поприщѣ провинціальной прессы П. И. Зуйченка. Первый вступилъ въ сношенія съ Кулишомъ по поводу нѣкоторыхъ интересовавшихъ его свѣдѣній относительно „Основы“ и дѣятельности въ ней его дяди А. П. Стороженка, и, въ свою очередь, былъ отчасти посредникомъ въ сношеніяхъ Кулиша съ редакторомъ „Кіевской Старины“ Лебединцевымъ. Однажды до Кулиша дошли какія-то силетни, въ которыхъ былъ представленъ отзывъ о немъ въ одной изъ статей „Кіевской Старины“, но это оказалось несправедливымъ. „Пересмотрѣвши нарочно повнимательнѣе „Кіевскую Старину“—писалъ Н. В. Стороженко—„я не нашелъ ни въ одной статьѣ, посвященной разбору вашей дѣятельности, ни въ одной рецензій вашихъ трудовъ, ни въ одномъ изъ многократныхъ упоминаній вашего имени, не нашелъ ничего подобнаго тому, что вамъ передали. Лебединцевъ, если и имѣетъ какія-нибудь несимпатичныя черты въ своемъ характерѣ, никогда бы не допустилъ, чтобы его изданіе было замарано гнусными измышленіями“ и проч. Стороженко сообщалъ въ своихъ письмахъ къ Кулишу о разныхъ литературныхъ новостяхъ, спеціально касающихся Украйны, указывалъ на труды молодого харьковскаго профессора Сумцова и первый указалъ ему на сочиненія о Малороссіи доктора Ролле, которыя вскорѣ обратили на себя сочувственное вниманіе Кулиша, на труды г. Горленка и проч. Въ

перепискѣ съ Стороженкомъ Кулишъ затрагивалъ вопросы, касающіеся назначенія и отличительныхъ свойствъ малорусской народности, и рекомендовалъ своему молодому корреспонденту тотъ энтузіазмъ къ родной старинѣ, какимъ отличаются особенно поляки. Въ своемъ другомъ новомъ корреспондентѣ, Зуйченкѣ, Кулишъ былъ пріятно удивленъ соединеніемъ искренности, прямодушія съ теплотой сердечной и большимъ доброжелательствомъ,—качествами, которыя онъ всегда цѣнилъ особенно высоко.

Зуйченко, уже давно слѣдившій за дѣятельностью Кулиша и возмущавшійся отношеніями къ нему галицкихъ русиновъ, еще до личнаго знакомства съ нимъ чуть не вмѣшался въ эти отношенія, возмущенный вчужь тѣмъ, какъ его „обирали во Львовѣ“. Теперь, вступивъ съ нимъ въ переписку, онъ не вытерпѣлъ, чтобы на первыхъ же порахъ не выразить ему чистосердечно своего негодованія по этому поводу, при чемъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, прямо сказалъ: „Такого чоловіка, якъ ви, мій друже, я вперше зроду бачу: сами жъ ви жалуетесь на те, які вамъ капости робили львовскіе братчики, а тутъ же заразь за їхъ руку тягнете“. Кулишъ былъ очень заинтересованъ этимъ откровеннымъ мнѣніемъ Зуйченка и потребовалъ объясненія причины высказаннаго взгляда, на что получилъ слѣдующій не менѣе откровенный отвѣтъ: „Якъ колись довелось мені прожити у Відні, то за ваше львовске життя чувъ я не відъ единого покойника Раевского, а ще казали мені де які Русини про вашу прихильность, та про те, якъ їхъ братчики вивертали вашу кипшеню на свою потребу“. Несмотря на черезчуръ свободную искренность этихъ строкъ, въ нихъ дышала преданность, объясняемая тѣмъ, что еще въ раннемъ дѣтствѣ автору ихъ приходилось часто слышать о Кулишѣ отъ знакомыхъ отца, и уже тогда въ его душу запало глубокое почтеніе къ нему, какъ къ надеждѣ и гордости всей Украйны. Изъ этихъ знакомыхъ особенно поразилъ его, еще ребенка, своимъ восторженнымъ отзывомъ родственникъ Пушкина, Николай Ивановичъ Павли-

щевъ, глубокой знатокъ и любитель малороссійскихъ пѣсень и языка. 1)

Зуйченко былъ очень радъ случаю завязать съ Кулишомъ переписку и жаждалъ личнаго знакомства съ нимъ, для чего настойчиво и съ какой-то задушевной сердечностью звалъ его къ себѣ, стыдя его между прочимъ за то, что онъ, горячій украинскій патриотъ, не видалъ никогда днѣпровскихъ пороговъ и мѣста пребыванія прежней запорожской сѣчи; въ ожиданіи личнаго знакомства онъ просилъ Кулиша прислать его портретъ.

LV.

Вскорѣ вѣрный и преданный Зуйченко становится однимъ изъ повѣренныхъ думъ Кулиша и начинаетъ даже входить въ его домашніе интересы, отговаривая его затягивать пререканія

1) Зуйченко сохранялъ въ своей памяти нѣкоторыя чрезвычайно любопытныя подробности о томъ, какъ на *partie de plaisir* къ отстоявшей на нѣсколько верстъ отъ Екатеринослава разрушенной польской крѣпости, Павлищевъ—любившій съ артистическимъ увлеченіемъ декламировать: «Бьютъ пороги, місяць сходить», и отличаясь необыкновенной памятью,—на разспросы Зуйченка, гдѣ можно найти данныя для описанія процедуры вступленія обветшалаго запорожца въ «ченци», которое было нужно ему для описанія запорожскаго самарскаго монастыря, отвѣтилъ:—«Конечно, у Кулиша въ «Черной Радѣ!» и немедленно проговорилъ на память слово въ слово описанія козацкаго вступленія въ монахи.

Такъ, многими несправедливо забываемый Кулишъ совершенно случайно узнавалъ иногда о своихъ искреннихъ и горячихъ почитателяхъ, симпатій которыхъ къ нему подготовлялись еще съ раннихъ лѣтъ и которые слишкомъ поздно встрѣчались иногда съ нимъ на жизненномъ пути.

съ арендаторомъ, отъ которыхъ не ждалъ ничего добраго. Кулишъ, въ свою очередь, осыпаетъ его дружескими порученіями; къ нему онъ обращается въ числѣ другихъ и съ просьбой о портретѣ украинскаго философа Сковороды, свято чтимаго именно той фракціей украинофиловъ, къ которой принадлежалъ и его корреспондентъ. (Любопытно, что для этого потребовалось Зуйченку вступить въ сношеніе съ сыномъ одного молокана, который долженъ былъ снять копию съ портрета тайно отъ отца, потому что у этой секты Сковорода почитается святымъ и копія съ его портрета снимаются и отдаются весьма неохотно). Кромѣ того, они дѣлились другъ съ другомъ неизвѣстными прежде украинскими думами и, наконецъ, по желанію Зуйченка, Кулишъ прислалъ ему однажды автографы Гоголя и Шевченка.

Главной связью между обоими корреспондентами служили ихъ общіе историко-литературныя украинскіе интересы и литературныя замыслы каждаго изъ нихъ. Кулишъ, окончивъ „Байду“ и ободренный успѣхомъ этой пьесы, задумывалъ новую драму „Царь Наливай“, при чемъ въ отысканіи данныхъ помогалъ ему и Зуйченко, находившій избираемые сюжеты весьма драматическими: „За „Байду“ я вамъ скажу, що се дуже важка тема для драматичности: „Байда“ зложивъ свою голову не за лицарську, або за народну користь, а за честолюбивий помисель молдавського господарства. „Царь же Наливай“—друге дило—тутъ высота драматизма безъ кинця, якъ у шекспировскаго Ю. Цезаря або Лира“. И вотъ онъ съ живымъ участіемъ начинаетъ разыскивать для Кулиша въ разныхъ концахъ Южной Руси, какія только можно раздобыть, думы о Наливайкѣ, а потомъ тревожится за участь уже написаннаго произведенія со стороны цензурныхъ мытарствъ и урѣзковъ. Отыскиваніе рукописей Сковороды и стараніе отдѣлать его подлинныя труды отъ подложныхъ, отыскиваніе его портрета и другія дѣла вовлекли обоихъ корреспондентовъ съ сношенія съ редакторомъ „Кіевской Старины“ Лебединымъ, посредникомъ въ которыхъ явился для нихъ Н. В. Стороженко. Лебединову было предложено напечатать пьесу

„Царь Наливай“, и онъ съ радостью ухватился за эту мысль, но переданныя ему Стороженкомъ условія Кулиша оказались непосильными для спеціального журнала съ ограниченнымъ числомъ подписчиковъ, и дѣло разстроилось. Этотъ эпизодъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на Кулиша. Одинъ изъ его корреспондентовъ справедливо возражалъ на его сѣтованіе: „Мнѣ кажется, что вы черезчуръ пессимистически смотрите на современность; издателей найти трудно, съ цензорами имѣть дѣло еще труднѣе, но читатели нашлись бы: за прошлое царствованіе народъ нашъ подвинулся значительно впередъ въ умственномъ развитіи и чувствуетъ потребность въ духовной пищѣ; только давайте хорошіе, написанные въ національномъ духѣ труды,—такъ и проглатываетъ“. Но, во всякомъ случаѣ, обойти издательскія и цензурныя передраги было невозможно, и то и дѣло встрѣчались недоразумѣнія изъ-за правописанія и разныхъ перерковъ. „Вы пишете такъ легко и хорошо, что всѣ ваши произведенія читаются съ величайшимъ удовольствіемъ“, говорили съ разныхъ сторонъ Кулишу, но дѣла не подвигались отъ этого скорѣе и затрудненія продолжали его волновать все сильнѣе и мучительнѣе. Въ одномъ письмѣ къ Огоновскому Кулишъ горько жаловался на то, что его одинаково стѣсняють русская и заграничная польская цензура, русскіе попы и польскіе всендзы, русскіе и галицкіе козакоманы и пр. Въ то же время къ Кулишу нерѣдко обращались съ предложеніемъ сотрудничества. Черезъ г. Стороженка ему было предложено г-мъ Горленкомъ принять участіе въ какомъ то предполагаемомъ сборникѣ чисто этнографически-беллетристическаго характера, который бы являлся продолженіемъ „Записокъ о Южной Руси“ и „Хаты“, причемъ „было желательно, чтобы имя виновника появленія на свѣтъ этихъ двухъ трудовъ украсило страницы изданія“, и съ такими же предложеніями охотно обращались къ Ганнѣ Барвиновѣ, но цензурныя стѣсненія и здѣсь постоянно стояли на дорогѣ; такъ напр., „Кіевская Старина“ должна была просить по настояніямъ цензуры передѣлать одинъ рассказъ, написанный

на малороссійскомъ языкѣ, потому что можно было допустить только смѣшанную рѣчь—разговоры по-малорусски, а описаніе и все остальное на литературномъ языкѣ. ¹⁾ Въ числѣ лицъ, обращавшихся къ Кулишу съ литературными предложеніями въ серединѣ 80 годовъ, слѣдуетъ назвать, между прочимъ, его стараго знакомаго Сердюкова, ²⁾ задумавшаго составить „Словарь“, который заключалъ бы въ себѣ „сводъ всей малороссійской литературы“. Кулишъ, съ своей стороны, указалъ ему въ качествѣ образца для такого труда словарь Желиховскаго (которымъ, однако, Сердюковъ остался не вполне доволенъ), и, въ свою очередь, получилъ приглашеніе участвовать въ предположенномъ предпріятіи и даже переѣхать для этой цѣли въ одну изъ сто-

¹⁾ Въ письмахъ Н. В. Стороженка къ Кулишу мы встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующіе два курьеза: во-первыхъ, рассказъ о томъ, какъ уже выжившій изъ ума старикъ Платонъ Лукашевичъ, всегда впрочемъ отличавшійся странностями, предложилъ В. Б. Антоновичу и другимъ лицамъ въ завѣщаніи свою бібліотеку и архивъ, но съ тѣмъ условіемъ, что душеприкащики обязуются перевести на французскій языкъ (sic) всѣ шестнадцать томовъ его «Чаромутія»; во-вторыхъ, любопытное сообщеніе о заявленіи въ Обществѣ исторіи и древностей казначея Карпова, послѣ смерти Н. И. Костомарова, что, отдавая должное трудолюбію и таланту покойнаго, не должно забывать, что онъ всюду старался унзить все русское, развѣнчивая народныхъ героев. Послѣ окончанія его рѣчи, профессоръ Тихонравовъ замѣтилъ, что все это такъ любопытно, что заявленіе Карпова слѣдуетъ напечатать съ рѣчью его предшественника по слову, Забѣлина. Карповъ понялъ, что его поймали, и началъ увертываться, говоря, что онъ собственно ничего не имѣетъ противъ Костомарова, но что онъ какъ русскій и т. д.; затѣмъ онъ сконфузился, покраснѣлъ и сѣлъ. Общество постановило напечатать только рѣчь Забѣлина въ «Чтеніяхъ».

²⁾ См. о немъ «Кіевск. Стар.», 1897, X, 32—37, XI, 243—244 и XII, 468.

лицъ или въ Кіевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять на себя совмѣстное съ Сердюковымъ изданіе сочиненій Костомарова. ¹⁾

Наконецъ и Зуйченко задумалъ цѣлый рядъ собственныхъ изданій, изъ числа которыхъ вскорѣ былъ осуществленъ на дѣлѣ „Екатеринославскій листокъ объявленій“; онъ часто совѣтовался съ Кулишомъ и желалъ его сотрудничества. Онъ предполагалъ также выпускать «Календарь-Рекламу», который по его мысли долженъ былъ заключать въ себѣ не только русскія, но также общеевропейскія объявленія. Замышляя онъ наконецъ издавать газету «Основа», самое названіе которой должно было служить напоминаніемъ о прежнемъ журналѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, образомъ для нея, по собственному признанію Зуйченка, былъ одинъ издававшійся въ Львовѣ журналъ. Когда же изъ всѣхъ этихъ изданій былъ разрѣшенъ только «Листокъ Объявленій», то Зуйченко просилъ Кулиша заготовить публикаціи на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Между пріятелями было условлено свиданіе для личнаго знакомства и дѣловыхъ объясненій, но вскорѣ Зуйченко въ одномъ изъ писемъ упомянулъ о начавшемся недомоганіи, которому онъ не придавалъ сначала особаго значенія, но которое окончилось вскорѣ его смертію.

LVI.

Въ 1886 году началось мое также заочное знакомство съ П. А. Кулишомъ, поводомъ въ которому послужило мое обра-

¹⁾ Сердюковъ даже писалъ Кулишу: „бросьте всѣ ваши историческія занятія а займитесь редакціей словаря, который по мѣрѣ перепубликованія, буду вамъ присылать“, и вслѣдъ затѣмъ предлагалъ Кулишу весьма выгодныя въ матеріальномъ отношеніи условія, имѣя въ виду критическое положеніе Кулиша и завлекая его, между прочимъ, возможностью пріобрѣтенія на льготныхъ условіяхъ помѣстья въ западномъ краѣ. Кулишъ не пошелъ на это.

щеніе къ нему по составленію «Указателя къ письмамъ Гоголя» съ просьбой указать могущія быть неточности и ошибки. Занимаясь изученіемъ жизни великаго писателя, я встрѣчалъ вначалѣ значительныя затрудненія на каждомъ шагѣ вслѣдствіе тщательнаго маскированія собственныхъ именъ, сдѣланнаго П. А. Кулишомъ въ его изданіи въ пятидесятыхъ годахъ по требованію С. И. Аксакова и П. А. Плетнева. Долго меня затрудняли самыя справки о мѣстѣ жительства Кулиша, о чемъ никто не могъ доставить вѣрныхъ свѣдѣній, пока, по совѣту А. Н. Пыпина, я не рѣшился обратиться въ редакцію «Кіевской Старинны» съ просьбою переслать мое письмо Кулишу. Вскорѣ же былъ полученъ самый дружелюбный и любезный отвѣтъ съ пожеланіемъ, чтобы наше новое знакомство сдѣлалось со временемъ старымъ и многолѣтнимъ (здѣсь былъ намекъ на извиненіе, что я сразу позволялъ себѣ обратиться къ Кулишу, «какъ къ старому знакомому»), но въ слѣдующемъ же письмѣ онъ невольно разочаровалъ меня относительно моихъ надеждъ на исправленіе вкрапившихся ошибокъ: «Очень хотѣлось бы вамъ услужить, но на свою память касательно собственныхъ именъ, обозначенныхъ иностранными буквами, не полагаюсь»—отвѣчалъ онъ мнѣ.. «Послѣ столькихъ лѣтъ иного рода работъ я сталъ чужимъ въ области вашего изученія». Въ то же время П. А. Кулишъ, желая помочь Н. А. Бѣлозерской въ ея трудѣ при составленіи для «Русской Старинны» біографіи М. И. Гоголя, просилъ меня разыскать автобіографію «этой прекрасной женщины» въ бібліотекѣ наслѣдниковъ графа Александра Петровича Толстого и спрашивалъ у меня нѣкоторыя подробности, касающіяся М. И. Гоголя, которыя мнѣ легко было узнать по моимъ отношеніямъ къ покойной сестрѣ нашего знаменитаго писателя, Аннѣ Васильевнѣ. Эту просьбу исполнить ничего не стоило, но проникнуть къ 90-лѣтней графинѣ Толстой, жившей уединенно и замкнуто въ Москвѣ въ собственномъ домѣ на Садовой улицѣ, оказалось совершенно невозможнымъ, и Кулишъ напрасно совѣтовалъ мнѣ «сыскать въ Москвѣ просвѣщеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстнаго въ аристократической средѣ архимандрита или архіерея». «Изъ

любви къ литературѣ»—прибавлялъ онъ—«подобный авторитетъ могъ бы обрѣсти въ домѣ графини ключъ отъ грѣшнаго въ ея главахъ книгохранилища. Никакими другими средствами съ нею не совладеете». По этому поводу Кулишъ выразилъ свой задуманный, часто имъ высказываемый взглядъ на то, что жизнь отъ насъ требуетъ безотлагательнаго дѣла жизни. «Послѣ насъ и послѣ всего, что мы съ вами и подобными вамъ трудолюбцами сдѣлаемъ, жатва по старому будетъ многа, дѣлателей же будетъ мало».

Вскорѣ П. А. Кулишъ просилъ меня похлопотать объ изданіи его послѣдняго крупнаго труда «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». «Въ Москвѣ»—говорилъ онъ—«эта книга должна больше нравиться, нежели гдѣ-либо, такъ какъ изъ трехъ элементовъ: польскаго, малороссійскаго и московскаго, сей послѣдній, на основаніи моихъ изученій, представленъ въ своемъ оправданномъ исторіей превосходствѣ». При этомъ онъ совѣтовалъ мнѣ обратиться съ просьбой объ изданіи книги къ г. Солдатенкову, а судьей своего труда для рекомендаціи послѣдняго желалъ имѣть Д. Θ. Самарина.¹⁾ Но дѣло оказалось далеко не такимъ легкимъ, какъ оно представлялось Кулишу. Достоинства живого, изящнаго литературнаго изложенія и яркихъ историческихъ характеристикъ, заключающихся въ этомъ трудѣ, мало могли помочь уже потому, что тѣ лица, къ которымъ Кулишъ думалъ обратиться черезъ меня, не поинтересовались даже ознакомиться съ книгой. Тогда явился новый планъ—представить рукопись всего этого обширнаго трехтомнаго сочиненія въ Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ». Но тутъ начался рядъ новыхъ мытарствъ.

Главные члены Общества Исторіи и Древностей, тогдашній предсѣдатель И. Е. Забѣлинъ и профессоръ В. О. Ключевскій,—

¹⁾ „Я думалъ“—писалъ намъ Кулишъ, „что Самаринъ и Солдатенковъ обрадуются случаю заявить публикѣ о такихъ хулахъ на «духа премудрости, духа разума, духа сража Божіа», какія указали мною въ воспоминаніяхъ о Гермогенѣ, Филаретѣ Наквицѣ и проч.“

высшій предсѣдатель Общества, въ то же время лишь болѣе вліятельный членъ,—въ общихъ чертахъ ознакомившись съ трудомъ Кулиша, отнеслись къ нему сочувственно и рѣшили внести въ Общество предложеніе о напечатаніи книги, причемъ Кулишъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣ три тома были отпечатаны въ продолженіе года, на что и послѣдовало согласіе Общества. Но книги „Чтеній“ въ то время отчаянно запаздывали выходомъ, такъ что Общество, не отступая отъ своего обѣщанія и дѣйствительно помѣстивъ трудъ Кулиша въ трехъ послѣднихъ книгахъ «Чтеній» за 1888 г., однако растянуло печатаніе приблизительно на полтора года.¹⁾ Но медленность была въ данномъ случаѣ еще наименьшимъ зломъ, тогда какъ автору пришлось вынести много мелочныхъ несприятностей, начиная съ заявленія казначея Общества Карпова о томъ, что, сходясь съ нимъ во многихъ взглядахъ и якобы даже заимствовавъ оныя изъ книги послѣдняго о «Богданѣ Хмельницкомъ», Кулишъ счелъ нужнымъ скрыть о своемъ знакомствѣ съ его трудомъ и нигдѣ не обмолвился о немъ ни единымъ словомъ. Претензія эта была очень забавна въ виду того, что о существованіи сочиненія Карпова Кулишъ даже не зналъ, да и о самомъ Карповѣ впервые также узналъ однажды случайно отъ Костомарова, смѣявшагося надъ его обвиненіемъ Кулиша и Костомарова въ подборѣ актовъ Южной и Юго-Западной Руси въ третьемъ томѣ соотвѣтственно украинскимъ видамъ. Съ другой стороны оказалось, что Карповъ, который принималъ за присвоеніе у него Кулишомъ высказываемые послѣднимъ взгляды на темныя стороны козачества, радикально расходился съ Кулишомъ въ оцѣнкѣ значенія самого Хмельницкаго и находилъ необходимымъ протестовать противъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній его труда. Уже по отпечатаніи перваго тома, которое тянулось необыкновенно долго, до того, что однажды разсерженный авторъ иронически писалъ намъ по адресу Общества: «Я думаю, что вы ошиблись въ надписи и, вмѣсто

¹⁾ Кулишъ тужилъ по этому поводу: „Моя рукопись всѣхъ, какъ пишутъ, обрадовавшая, дремлетъ подъ шумъ общей радости“.

Общества исторіи, попали въ какое-нибудь чиновное вѣдомство съ прочными и покойными мѣстами»,—вдругъ посыпались одно за другимъ энергическія заявленія и протесты Карпова, который извѣщаетъ самого Кулиша «о своемъ намѣреніи напечатать при второмъ томѣ его труда возраженіе противъ перваго», когда уже нельзя было прекратить начатое дѣло, да и второй томъ былъ уже давно въ наборѣ. Кулишъ такъ отвѣчалъ ему: «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ не могло издать моего радикально противоположнаго принятому воззрѣнію труда безъ такой оговорки, какая набросана въ вашемъ письмѣ. Но и для Общества и для меня будетъ лучше, когда оно выпуститъ разомъ всѣ три тома, составляющіе нераздѣлимое цѣлое. Позвольте надѣяться, что вы это сдѣлаете для товарища по профессіи». Карповъ исполнилъ свое намѣреніе и прислалъ Кулишу оттискъ, не смотря на ироническій отвѣтъ послѣдняго на предложеніе прислать ему на просмотръ его примѣчанія: «Хоть бы вы и прислали, я не выразилъ бы желанія, чтобы въ этомъ примѣчаніи кое-что было сказано иначе, а не такъ, какъ оно сложилось въ вашемъ умѣ». 1)

Наконецъ, книга была напечатана и, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, продана владѣльцу одного изъ московскихъ книжныхъ магазиновъ.

Но несомнѣнно, что медленность печатанія при такихъ условіяхъ была для Кулиша тяжелой нравственной пыткой, а между тѣмъ у него груды въ рукописяхъ лежали и другіе крупныя труды, какъ напр. «Украинскіе козаки и паны», и проч. и, кромѣ того, въ его портфель хранилось нѣсколько беллетристическихъ произведеній: послѣ «Дѣдушкина Завѣта», «Байды» и проч., онъ написалъ также «Владимірію» или «Искру Любви»,

1) Начавъ съ утвержденіемъ, что Кулишъ заимствовалъ у него свои основныя выводы, Карповъ пришелъ потомъ къ заключенію, что онъ совсѣмъ не читалъ его книгъ и проч. См. объ этой полемикѣ въ «Исторіи Русской Этнографіи» А. Н. Пыпина, т. III, стр. 212—214.

предложенную редакція Вольфа, но не напечатанную тамъ вслѣдствіе цензурнаго запрещенія, хотя за рукопись уже былъ выданъ автору авансомъ гонораръ. Также продолжали лежать въ рукописи «Взаимныя Ошибки», напечатанныя впоследствии въ «Русскомъ Обозрѣніи» подъ названіемъ «Омутъ». (1897, III). Здѣсь были уже затрудненія другого рода. Кулишъ изобразилъ по личнымъ воспоминаніямъ, но въ весьма невыгодномъ освѣщеніи, дѣятелей редакціи „Современникъ“ 60-хъ годовъ, вслѣдствіе чего многіе журналы не безъ основанія затруднялись печатать эту повѣсть.

LVII.

Среди постоянныхъ передрягъ и волненій, подобныхъ вышеописаннымъ, Кулишъ попрежнему находилъ великую нравственную поддержку въ неизмѣнной преданности и горячемъ сочувствіи Ганны Барвинокъ, литературными успѣхами которой, въ свою очередь, онъ отъ души гордился.¹⁾ „Мы хлопчемъ о такихъ пустякахъ, какъ четверка лошадей и карета, а Сашуня—черкъ, черкъ и описала «Молотниковъ».²⁾ «Прибѣжитъ изъ клуни, черкъ-черкъ Александра Михайловна»—сообщалъ намъ однажды Кулишъ,—„получила гонораръ за второй этнографическій этюдъ свой, который появится въ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“, подъ заглавіемъ „Половинщикъ“ (такъ называются у насъ пахари, обрабатывающіе поля исполу). Здѣсь она коснулась брачнаго вопроса въ нашемъ простонародьѣ. Третій этюдъ будетъ напечатанъ только въ апрѣльской книжкѣ, подъ

1) Онъ даже говорилъ: «Одна Ганна открыла неистощимый родникъ поэзіи».

2) Напротивъ, А. М. Кулишъ писала своей родственницѣ: «Какъ погорѣла, лишилась хозяйства,—дѣлать нечего: я была свободна отъ ея, дѣла въ это время нѣсколько вещей написала».

заглавіемъ „Русалка“. 1) Героиня повѣсти (въ которой нѣтъ ничего вымышленнаго, какъ и въ первыхъ двухъ) относится такъ запросто къ Господу Богу, что редакторъ опасается, какъ бы цензура не вмѣшалась въ библейскій характеръ отношеній.

Редакторъ „Кіевской Старины“ просилъ продолженія сотрудничества. Но вмѣстѣ съ лаврами неразлучны и шипы, и въ другой разъ Кулишъ сообщалъ мнѣ: „Александра Михайловна любитъ бесѣдовать съ простолюдинами и записывать ихъ рассказы. Нѣсколько такихъ этнографическихъ этюдовъ напечатано по-малорусски, но „Кіевская Старина“ просила ее заворачивать малоруссчину въ великорусскую обертку, ради цензуры, которая, по программѣ, не дозволяетъ чисто малороссійскихъ пьесъ“. Объ отношеніяхъ же своей жены къ его собственнымъ трудамъ онъ категорически заявлялъ, „что безъ Александры Михайловны книга моя не была бы написана. Всѣ житейскія попеченія брала она на себя, охраняя мое спокойствіе, время и здоровье всячески. Ни одна женщина не могла бы сдѣлать больше для писателя; и она еще находить время писать малорусскіи оповідання съ народнихъ устъ“. Въ другой разъ, въ письмѣ къ одной особенно любимой родственницѣ, Кулишъ, упрекая ее за то, что она привыкла не щадить себя и, сравнивая ее въ этомъ отношеніи съ своей женой, примѣнилъ къ нимъ любимое итальянское двустишіе: „questa vita noyosa non e degna di si gentil cosa“.

Между тѣмъ, на короткое время возобновились дружескія отношенія Кулиша къ Аннѣ Васильевнѣ Гоголь. Навѣстивъ послѣднюю въ Полтавѣ лѣтомъ и осенью 1877 года, мы имѣли случай многое рассказать ей о старинномъ пріятелѣ ея семьи, и этотъ разговоръ возбуждалъ въ Аннѣ Васильевнѣ живѣйшее

1) За «Русалкой» послѣдовала «Правнучка бабы Борда», о которой Кулишъ говорилъ: «или привезутъ повѣстку о деньгахъ за «Русалку»,—въ такомъ случаѣ Ганна ѣдетъ въ Борзну для полученія и отпривленія; въ противномъ случаѣ хранитъ новую рукопись у себя».

желаніе хотя бы вступить съ нимъ вновь въ переписку; узнавъ отъ меня объ этомъ ея желаніи, Кулишъ посидѣвши предупредить ее письмомъ, и переписка завязалась. Анна Васильевна всегда съ удовольствіемъ припоминала о добромъ старомъ времени, когда Кулиши жили въ ихъ имѣніи, и не разъ высказывала желаніе вновь увидѣться съ ними, хотя въ то-же время сомнѣвалась въ возможности осуществить свою мечту, жалуясь на свою лѣнь и немолодые лѣта. Получивъ письмо отъ Кулиша, она тотчасъ же охотно отозвалась и начала такъ: „Мнѣ очень было пріятно получить ваше письмо. Вы отгадали мое желаніе. Я только что говорила В. И. Ш—ку, что недавно перечитывала ваши письма къ одной моей знакомой, и она совѣтовала мнѣ написать вамъ, чтобы имѣть удовольствіе получить такіа прекрасныя письма, которыя можно отдать въ печать. Никто не пишетъ такихъ интересныхъ писемъ. У меня, напр., все дѣловыя письма отъ многихъ писателей“. Нельзя не согласиться, что дѣйствительно Кулишъ въ высокой степени обладалъ даромъ изящнаго литературнаго изложенія, которое у него невольно обнаруживалось въ каждомъ дѣловомъ, спѣшномъ и незначительномъ письмѣ. Также восхищалась А. В. Гоголь энергіи Кулиша и, узнавъ о томъ, что онъ самъ пахнетъ землею, но не зная объ его отрицательномъ отношеніи къ гр. Толстому, писала ему: „Вы теперь увлекаетесь работой, какъ гр. Толстой: воображаю, съ какою горячностью вы работаете! вы все дѣлаете съ увлеченіемъ!“ Наконецъ, она говорила: „Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю васъ и Александру Михайловну, и мнѣ пріятно смотрѣть на ваши портреты“. Съ Кулишомъ Анна Васильевна совѣтовалась о раздражавшей ее статьѣ Н. А. Бѣлозерской о ея матери; ¹⁾ сильно возмущаясь общимъ освѣщеніемъ въ ней фактовъ, крайне невыгоднымъ образомъ истолкованныхъ для нашего великаго писателя, Анна Васильевна очень волновалась, защищала брата и даже осуждала мать, которая, при всей безграничной добротѣ, причиняла своимъ—сыну, дочерямъ и окру-

¹⁾ Въ Русской Старинѣ (1887, III).

жающимъ много непріятностей своей подозрительностью и невозможными фантазіями, часто приходившими ей въ голову, и говорила: „Она была очень добра, много помогала бѣднымъ, была пріятлива къ гостямъ, всѣмъ очень нравилась, но живущимъ съ нею было тяжело. Мы всѣ три очень страдали и не такъ терпѣливо выносили, какъ братъ“. Она просила Кулиша, хорошо знавшаго характеръ ея матери, разъяснить недоразумѣніе и написать возраженіе на статью г-жи Бѣлозерской, но потомъ оставила эту просьбу, когда узнала, что г. Трохимовскій въ своей статьѣ объ М. И. Гоголь разъяснилъ именно все то, что она считала необходимымъ. Переписка Кулиша съ А. В. Гоголь, однако, скоро прекратилась вслѣдствіе какого-то незначительнаго недоразумѣнія. Вообще въ это время Кулишу какъ-то все больше приходилось отдаляться отъ прежнихъ друзей, причемъ онъ особенно сожалѣлъ о прекращеніи переписки съ Л. М. Жемчужниковымъ. Безъ ссоръ и безъ серьезнаго охлажденія часто порывались у него старыя дружескія связи въ силу того обычнаго явленія, что теченіе жизни съ обѣихъ сторонъ постоянно уносило, хотя и небезслѣдно, много общихъ интересовъ; такъ, онъ писалъ одной изъ родственницъ, что „Жемчужниковъ не отвѣчалъ на письмо о нашихъ портретахъ, и съ того времени переписка наша прервалась. Года два тому назадъ Надежда Александровна (Бѣлозерская) писала, что денежныя дѣла его не въ завидномъ положеніи. Теперь и съ Надеждой Александровной мы не имѣемъ повода переписываться“. Неудивительно поэтому, что одинъ изъ давнихъ знакомыхъ Кулиша, докторъ Славницкій, замѣтилъ въ Кулишѣ сравнительно съ былымъ временемъ нѣкоторый упадокъ духа: „Въ 1870 и позднѣе“, пишетъ онъ, „проживая въ Глуховѣ, я посѣщалъ его въ хуторѣ и замѣтилъ въ немъ раздраженіе и признаки мизантропическаго настроенія. Скорбью вѣяло во время нашей бесѣды о пережитомъ“. Но въ тѣхъ же воспоминавіяхъ, непосредственно предъ приведенными строками читаемъ: „Увлекался онъ и талантомъ Марка Вовча, а досужая сплетня воспользовалась перенести его увлеченіе и на обладательницу таланта, но вѣдь одновременно ею увлекался и

И. С. Тургеневъ". Жить въ глухомъ хуторѣ, быть предметомъ недобрыя для однихъ и нелѣпныхъ силетень для другихъ, чувствовать себя отдѣленнымъ потокомъ жизни отъ лучшихъ друзей и выносить матеріальныя и всякія другія невзгоды и при всемъ томъ не носить ни малѣйшаго отпечатка, никакихъ слѣдовъ неудачно сложившейся жизни—едва-ли могло бы быть по силамъ кому бы то ни было; скорѣе слѣдуетъ удивляться необычайной бодрости и энергіи духа Кулиша, не ослабѣвавшей даже тогда, когда рѣшительно все складывалось неблагопріятнымъ для него образомъ, когда любящей женѣ его приходилось съ горькой ироніей сообщать одной близкой особѣ, что они къ празднику пасхи „уже получили и подарокъ, да и не малый, но съ тобой дѣлиться не хочу: окладной листъ и числится за нами 40 р... 1) Словомъ, также и тутъ со всѣхъ сторонъ не даютъ намъ оправдаться“.

Въ сущности же Кулишъ не только не падалъ духомъ, но умѣлъ вдохнуть бодрость и въ другихъ нуждающихся и воодушевить людей, утомленныхъ борьбой съ неприглядными сторонами жизни. Онъ не переставалъ исповѣдывать необходимость и важность безропотнаго перенесенія несчастій и умѣнья смотрѣть въ глаза всякимъ испытаніямъ и невздамъ, и это убѣжденіе высказывалось имъ въ самыя тяжелыя минуты: „За доброту жестоко люди платятся. Теперь о чемъ же мечтать? О тихой жизни среди жестокихъ безобразій! „Царствіе Божіе внутрь васъ есть“. Кто не запасся убѣжденіемъ, что въѣ человѣка нѣтъ счастья, тому напрасно искать его. Нравственное и умственное самоудовлетвореніе—вотъ счастье! Никакого другого нѣтъ, а есть мечтаніе о славѣ“. Такова была нравственная философія человѣка, много перенесшаго въ жизни, во многомъ разочаровавшагося, но сохранившаго въ груди искру Божію и еще способнаго зажигать ее и въ другихъ. Объ энергіи Кулиша въ качествѣ переводчика можно судить по слѣдующимъ строкамъ: „Оце заходивсь я пере-

1) Эти овладные листы были присланы Кулишу, какъ наслѣднику прежнихъ владѣльцевъ имѣнія.

кладуваты по нашому виршамы Байроноваго „Чайльдъ Гарольда“, и такъ мени ся работа вподобалась, що цилыхъ два мисяци не одирвавсь видъ неи. Теперь маемо по нашому вси чотыри писни“. В. М. Бѣловерскому онъ писалъ въ 1893 г., что онъ занятъ переводомъ Іова, псалтыри и пророковъ въ стихотворной формѣ и для этихъ трудовъ старался отыскать Оксфордскую Библию. Возвращаясь къ нравственному вліянію Кулиша на близкихъ ему людей, мы, впрочемъ, должны сказать, что встрѣчаемъ иногда въ отвѣтныхъ письмахъ ему, при всемъ высококомъ уваженіи къ его личности, ропоть недовольства на проповѣдуемую имъ мораль, на самое доброе намѣреніе его поддержать въ корресподентѣ его несомнѣнно лучшія стремленія. „Я вполнѣ понимаю и согласенъ со всѣмъ тѣмъ, что вы говорили относительно высшихъ благъ жизни и стремленія къ нимъ“, писалъ ему одинъ изъ любимыхъ родственниковъ: „но то, что голодный будетъ думать и стараться прежде всего объ утоленіи голода, есть, полагаю, неоспоримая, безусловная аксіома“...

LVIII.

Въ своей домашней жизни Кулишъ былъ образцомъ необычайнаго трудолюбія во всѣхъ отношеніяхъ: «въ свободное время отъ литературнаго занятія онъ ради гимнастики работаетъ пилкой, топоромъ, садовничьимъ ножомъ», писала одной родственницѣ Ганна Барвинокъ—„а прежде онъ и самъ пахаль, и сосѣди и родственники бывало пріѣзжаютъ смотрѣть на его посѣвы и учиться работать“, а между тѣмъ въ припискѣ къ одному письму онъ сообщалъ: „у меня столько на рукахъ всякаго дѣла книжнаго, что мнѣ не до переписки, а бѣдная Сашуня изнемогаетъ подъ своимъ бременемъ жизни. Я ей не помощникъ: и не умѣю, и силъ не хватаетъ“. Въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: „если бы не то да другое, то мы бы съ Сашей и теперь были бы еще студентами, дѣлающими забаву изъ нашей богатой поэзіи нищеты“. Въ одномъ письмѣ къ галицкому писателю Павлику онъ говоритъ: „Отъ бы то зробывъ хороше дило и той, хто позби-

равъ бы мои лысты не рады мого я, а за-для того, про що се жъ писаво“; и дальше: „хочбы люде про мою память говорылы ще гиршъ, нижъ теперенькы се роблять,—Живый на небесѣхъ посмѣется имъ и поругается имъ“.

Какъ ни тяжело было Кулишу въ настоящую минуту, какъ ни были сгущены тучи на его горизонтѣ, но онъ не переставалъ мечтать о продажѣ хутора, о повѣздѣ въ столицу и даже за границу; однако на него находили также сомнѣнія: „Здѣсь мы живемъ роскошно, какъ царь и царица,“—шутить онъ,—„а чтобы быть нищими работниками въ Варшавѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, куда мнѣ ѣхать необходимо, намъ нужно не менѣе двухъ тысячъ рублей“. Вообще переноситься мыслями въ будущее и думать о пользѣ и благѣ грядущихъ поколѣній—было въ натурѣ Кулиша, и это выражалось у него подчасъ въ очень самоувѣренной формѣ: „А я пишу и думаю, что послѣ меня люди настолько поумнѣютъ, чтобы этимъ воспользоваться“. Онъ впрочемъ не особенно заботился о скоромъ появлении въ печати своихъ произведеній, говоря: „Не въ томъ дѣло, чтобы напечатать, а въ томъ, чтобы написать. Высказавшись, я торжествую, какъ священнослужитель правды“.

Отсюда мы чаще всего встрѣчаемъ у Кулиша крайне оптимистическій взглядъ на жизнь, который всегда бралъ у него верхъ надъ временными приступами пессимизма: „Жизнь“—говорилъ онъ—„сама по себѣ счастье, въ какой бы формѣ ни ощущать ее. Сашуня все охаетъ, что я много на себя взялъ, а я только здоровѣе и веселѣе прежняго. О здоровьѣ впрочемъ думайте, т. е. о сопротивленіи всему, что вліяетъ на продолженіе нашей жизни“. Взглядъ на свое собственное положеніе онъ высказалъ однажды въ письмѣ ко мнѣ въ слѣдующихъ строкахъ: „Судьба сыграла со мной жестокосердную шутку завистливаго рока. Вѣрнѣе сказать, сыграли ее безсердечные люди, имя которымъ легионъ. Они выдержали меня на островѣ Патмосѣ такъ долго, что меня начало пугать забвеніе иностранныхъ языковъ. Но я не сидѣлъ безъ работы: плугъ, топоръ, пила, всѣ столярные инструменты и перо были моими вѣрными товарищами. Только

краски да кисть измѣнили мнѣ, или я измѣнилъ имъ въ этой неблагопріятной для изящныхъ искусствъ пустынь... Переработавъ на островѣ Патмосѣ три уже давно непечатанные тома „Исторіи воссоединенія Руси“, я заготовилъ, такъ сказать, живописныя картины для остальныхъ шести томовъ этой книги, и теперь жду болѣе сноснаго сезона, чтобы совершить рабочее странствованіе по архивнымъ и библиотечнымъ городамъ—Варшавѣ, Петербургу и Москвѣ. Эти благословенные всячески культурою города научили меня на трехъ томахъ искусству облекать мои картоны въ доконченныя картины для остальныхъ шести томовъ. Надѣюсь, что благосклонныя доселѣ ко мнѣ Парки не перерѣжутъ нити жизни моей слишкомъ торопливо“. По прежнему, девизомъ Кулиша было: „жить пока живется, учиться и учить тому, что дается“, — „въ этомъ“ — прибавлялъ онъ — „и все наше утѣшеніе“. Одной изъ своихъ родственницъ Кулишъ, передавая свои планы, писалъ: „Сашуня тоскуетъ уже, что мало осталось для нихъ (плановъ) времени, а я даю ей слово ждать, пока насытится око зрѣти и ухо слышати. Но такъ какъ они не насытятся никогда, а дни моей дѣятельности, можно сказать, сочтены, то вы всѣ помилосердуйте надъ затворникомъ, дайте ему дохнуть широкою жизнью, и не для кого какъ для вашихъ милыхъ чадъ поработать въ охотку на поприщѣ науки и литературы“.

Чрезвычайно любопытно, что потребность дѣятельности Кулиша и его свѣтлыя надежды на осуществленіе завѣтныхъ желаній и плановъ какъ будто совершенно не находились ни въ малѣйшей зависимости отъ окружающихъ его вѣшнихъ обстоятельствъ и даже отъ условій возможности—черта, заслуживающая особеннаго вниманія. Годъ проходитъ за годомъ, дѣйствительность безжалостно разрушаетъ всѣ мечты, старость даетъ себя знать ослабленіемъ организма (хотя Кулишъ сравнительно мало тяготился бременемъ, утѣшая себя отъзывами врачей, находившихъ его силы физическія и душевныя замѣчательно сохранившимися для столь преклоннаго возраста), наконецъ безчи-сленныя и разностороннія неудачи положительно преслѣдуютъ

его, а онъ все больше зарывается въ свои книги и постоянно задумываетъ все новые, и притомъ обширные и значительные литературные планы и предпріятія и не перестаетъ смотрѣть на будущее, какъ на несмѣтную казну, какъ на какую-то нескончаемую перспективу продолжительной и плодотворной работы, какъ будто впереди онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую вѣчность. Только священное пламя идеализма, безспорно, могло дать силы Кулишу на старости лѣтъ, послѣ того какъ сгорѣлъ его рукописный переводъ Библии, потребовавшій многихъ лѣтъ упорнаго труда, вновь работать надъ тѣмъ же самымъ дѣломъ и, кромѣ собственной научно-литературной дѣятельности, посвящать такъ много энергіи на дѣятельность переводчика. Едва-ли можно отказать въ признаніи колоссальнаго трудолюбія и самаго чистаго, высокаго идеализма человѣку, которому съ отѣнкомъ нѣкотораго недоумѣнія изумлялся даже такой почтенный и даровитый труженикъ науки, какимъ былъ его другъ Костомаровъ,—что онъ на 64 году жизни принялся за переводъ на малорусскій языкъ сочиненій Шекспира и отдавался труду переводчика съ двойнымъ наслажденіемъ, какъ эстетикъ и какъ беззабѣтный любитель родного слова. „Что касается меня“—писалъ намъ однажды Кулишъ,—„то, зная, какъ мудро было, даже Пушкину переводить Мицкевича и наоборотъ (ихъ языки извѣстны мнѣ оба, какъ мой родной), я вижу въ переводахъ наилучшую пробу языка относительно его ловкости, живописности, гармоніи. Сверхъ переведенныхъ уже порусски (или какъ говорятъ одни, по-украински, а другіе—по малороссійски) тринадцати драмъ Шекспира, Байронова „Донъ-Жуана“ и „Чайльдъ Гарольда“, Шиллерова „Вильгельма Телля“ (о которомъ смѣю думать, что это величайшее литературное произведеніе нашего вѣка),—готовлю сборникъ лирическихъ произведеній, заимствованныхъ у Гёте, Шекспира, Байрона, Гейне, подъ заглавіемъ „Повичена Кобза“ (одно изъ писемъ ко мнѣ конца 1894 г.).

Но, конечно, невзгоды все же не могли не отражаться до извѣстной степени, и даже замѣтно, на его характеръ и настро-

евні. «Въ іюлѣ 1890 г.»—говоритъ г. Конисскій—«по просьбѣ одного нашего общаго знакомаго галицкаго русина, я вмѣстѣ съ В. Н. Волкъ-Карачевскимъ и съ взрослыми дѣтьми его навѣстилъ Кулиша въ его хуторѣ. Кулишъ встрѣтилъ насъ очень любезно; о прежнемъ, конечно, каждый изъ насъ старался ни словомъ не вспоминать... Увы! передо мною уже не было прежняго Кулиша! Это былъ худой, согбенный старикъ!.. Весьма тщательно старался онъ скрыть свое недовольство жизненными неудачами и людьми, но оно прорывалось цѣлой струей, когда зашла рѣчь о галичанахъ, о полякѣ-арендаторѣ и о сосѣдяхъ-крестьянахъ, затѣявшихъ съ нимъ процессъ въ судѣ. Кромѣ перемѣны физической, я замѣтилъ тогда въ Кулишѣ и значительную духовно-нравственную: упадокъ памяти, недовѣріе къ людямъ и удрученность.

Я имѣлъ порученіе пригласить его къ участию, во-первыхъ, въ издаваемомъ Барвинскимъ журналѣ „Правда“ и въ предстоявшемъ тогда изданіи „Записокъ Науковаго Товариства імени Шевченка“. Послѣ нѣкотораго колебанія и высказаннаго имъ еще разъ недовѣрія къ галичанамъ, онъ согласился на просьбу о сотрудничествѣ“. Но послѣ были недоразумѣнія: Кулишъ былъ недоволенъ помѣщеніемъ въ „Правдѣ“ перевода „Донъ Жуана“. Впрочемъ, это уже мы можемъ оставить въ сторонѣ. Для насъ важно здѣсь то, что лицамъ, ранѣе знавшимъ Кулиша, были замѣтны слѣды совершавшихся въ немъ перемѣнъ.

Замѣчательно также, что, несмотря на все разнообразіе своей литературной дѣятельности, перо Кулиша служило всегда одной идеѣ—благу родной Украйны.

ЛІХ.

Между тѣмъ пререканія съ Обществомъ Исторіи и Древностей продолжались, хотя и въ самой деликатной формѣ: Ку-

лишь хотѣлъ возвратитъ присланный ему пакетъ съ возраженіями, но былъ удержанъ мыслью о томъ, что такой поступокъ, заслуженный однимъ членомъ Общества, могъ бы несправедливо оскорбить другихъ членовъ, имѣвшихъ, съ своей стороны, полныя права на уваженіе. Онъ утѣшалъ себя надеждой, что „между знатоками польско-русскаго былого найдется человѣкъ два-три такихъ, которые „уразумѣютъ истину, и истина освободитъ ихъ отъ Карповщины“. „Если бы я не былъ въ этомъ увѣренъ“ — продолжалъ Кулишъ, — „то пересталъ бы и трудиться надъ исторіей русскаго воссоединенія“. Зато онъ включилъ своего новаго противника Карпова въ написанную еще раньше поэму „Кулишъ у Пекли“, напечатаніе которой отдѣльной брошюрой встрѣтило величайшія затрудненія со стороны обѣихъ столичныхъ цензуръ. На этотъ разъ затрудненія касались впрочемъ отнюдь не содержанія поэмы, но исключительно правописанія, такъ какъ настаивая на такъ называемой „кулишевкѣ“, Кулишъ рѣшительно не соглашался ни на какіе компромиссы. Преписательства шли о разныхъ способахъ начертанія буквъ *e* и *i* въ малороссійскомъ текстѣ, и мнѣ, какъ посреднику, со стороны, признаюсь, казались очень незначительными и даже микроскопическими. 1) Тѣмъ не менѣе, обѣ стороны оказались неуступчивыми до-нельзя, и дѣло не уладилось. Такія же затрудненія потомъ возникли вновь по поводу стихотворнаго сборника „Дзвѣнь“ и его продолженія подъ заглавіемъ „Сокровище благихъ“. Послѣ неудачи въ столичныхъ цензурахъ съ „Царемъ Наливаемъ“ и „Кулишомъ у Пекли“, Кулишъ представилъ „Дзвѣнь“ 2) въ кievскую цензуру, гдѣ по-

1) Вотъ любопытное поясненіе Кулиша. «Для незнакомыхъ съ языкомъ малорусскимъ, такъ называемымъ украинскимъ послѣ согласныхъ буквъ—*и*, *і*, *й* произносятся вѣскольکو мягче великорусскаго *ы*; буква *e* какъ обратное *в*; буквы *ѣ*, *ѡ*, *ѣ*, *ѡ* — какъ *і*; буква *ь* и послѣ согласныхъ—*і* и послѣ гласныхъ *п* въ началѣ слова произносятся, какъ *и* и *і*; буква же *ѣ*—какъ общерусское *ь* или *е*»

2) Эти произведенія казались Кулишу лучшими созданіями его пера, какъ видно изъ одного письма къ В. Н. Волкѣ-Карачевскому, но онъ какъ будто и самъ сознавалъ свое увлеченіе, прибавляя, что, мо-

вторилаеь, однако, прежняя исторія: цензора сожалѣли о томъ, что не могутъ пропустить, но такое сожалѣніе, конечно, не могло удовлетворить автора. „Что касается собственно меня“—продолжаетъ Кулишъ,—„то я долженъ всячески искать новыхъ путей къ обнародованію выработаннаго мною воззрѣнія на Малорусчиву, *долженъ* ради чести родного мнѣ старорусскаго элемента, испорченнаго Татарами, Литвою, Польшей и уродуемаго нынѣ людьми, которые „не вѣдаютъ, что творять“, думая тѣмъ службу приносить Богу“. Такъ же трудно было напечатать „Дзвонъ“ и въ Львовѣ, такъ что онъ увидѣлъ свѣтъ уже въ Женевѣ, о чемъ Кулишъ очень сожалѣлъ. Когда, по предложенію Вольфа, онъ взялъ на себя издать по-русски его книжку „Родные отголоски“, но изданіе не состоялось за смертію предпринимателя, и Кулишъ задумалъ уже собственное вышеупомянутое изданіе подъ заглавіемъ „Повичена Кобза“,—то онъ съ грустью писалъ намъ: „Въ объясненіе сихъ стихотвореній моихъ, я долженъ съ горечью сообщить вамъ, что жалуясь въ нихъ на гоненія не только великоруссовъ, но и полякоруссовъ, *alias* ¹⁾—галичанъ, которые, по политическому фанатизму относительно меня, годились бы въ сотрудники развѣ Каткову съ его преемниками“. Нѣкоторое время Кулишъ предлагалъ мнѣ издать отъ себя его поэму „Кулишъ у пекли“ и продолжать изданіе начатаго печатаніемъ во Львовѣ перваго тома украино-русскаго перевода „Шекспировыхъ Творивъ“, также недозволеннаго нашей цензурой. „Нельзя ли вамъ поискать дороги къ дозволенію“? спрашивалъ меня Кулишъ, совершенно наивно, не представляя себѣ размѣровъ недоуверія, съ какимъ относилась цензура ко всякому труду, связанному съ его именемъ“. Всѣ великорусскіе переводы „величайшаго изъ сыновъ человѣческихъ“, какъ назвалъ Шекспира Бокль, забывая о божественномъ Сынѣ Человѣческомъ Иисусѣ, не выдерживаютъ сравненія съ моимъ“—писалъ Кулишъ,—„не

жетъ быть, онъ потому ихъ ставитъ такъ высоко, что „мы особенно любимъ послѣднія произведенія, какъ и послѣднихъ дѣтей“.

1) Т. е. пваче.

потому, что онъ мой, а потому, что нашъ малороссійскій языкъ имѣеть больше грамматическихъ формъ и способенъ къ ковкѣ въ высшей степени. Переводъ Шекспира доведенъ мною до половины. Остальная половина могла бы быть переведена во время печатанія первой. Послѣдняя изъ переведенныхъ мною драмъ его, „Гамлетъ“ окончена въ 35 дней, и я пріостановилъ эту мою работу единственно потому, что въ Ганниной пустыни не могъ пользоваться изданіемъ Британскаго и Германскаго Шекспировыхъ Обществъ“.

Между тѣмъ цензура запретила, какъ было сказано выше, также и большую повѣсть Кулиша „Владимірія“ или „Искра Любви“, за которую авторомъ уже былъ полученъ авансомъ гонораръ изъ редакціи „Нови“,—обстоятельство, поставившее въ немалое затрудненіе Кулиша, какъ намъ извѣстно не пользовавшагося въ послѣдніе годы матеріальнымъ достаткомъ. Повѣсть была потомъ предложена... въ „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго, гдѣ была безцеремонно заброшена и затеряна, какъ о томъ уже рассказано въ статьѣ кн. Шаховскаго о Кулишѣ въ „Русскомъ Обзорѣніи“, ¹⁾ о чемъ еще будетъ упомянуто ниже. Нѣкоторыя же другія рукописи Кулиша поступили около этого времени въ редакцію «Русскаго Обзорѣнія», и полученный за нихъ авансъ значительно поправилъ, конечно на самое короткое время, отчаянные денежные обстоятельства Кулиша. „Наши денежные обстоятельства таковы“—писалъ онъ,—„что послѣ продолжительнаго алканія умственной пищи, я выписываю теперь газеты и журналы на четырехъ языкахъ. Недостаетъ только итальянской да испанской новѣйшей прессы. По-шведски я началъ было учиться ради письменныхъ фолиантовъ Карла XII, открытыхъ въ Стокгольмѣ, но надѣялся на Костомарова, которому слѣдовало бы историческое сокровище явить русскому міру“:

1) См. «Русское Обзорѣніе», 1891, III, стр. 222—223.

LX.

Несмотря на недовольство Кулиша галичанами, онъ продолжалъ дѣятельныя сношенія съ уважаемыми представителями этой націи. Въ числѣ послѣднихъ особеннымъ расположеніемъ его пользовался М. И. Павликъ (редакторъ журнала „Народъ“), заслужившій его симпатію статьей объ отношеніяхъ Кулиша къ великому польскому поэту Крашевскому. Въ первомъ письмѣ Кулишъ привѣтствовалъ своего новаго корреспондента: „Вельми втишаюсь правдою, що выявляється міжъ Русинами, ще й за моего життя, — не такъ самою правдою, якъ добрымъ розумомъ, котрого не знаходивъ я міжъ галицькими письменниками“. Ему онъ выразилъ готовность дополнить и провѣрить сообщаемыя имъ въ статьѣ свѣдѣнія о своихъ отношеніяхъ къ Крашевскому и спѣшилъ подѣлиться съ нимъ своими историческими убѣжденіями: „Одирвавши Русинувъ одъ насъ у козако-татарське лыхолиття“, писалъ онъ, — „Ляхы поперероблювали ихъ такъ, що велький руський свить ваши письменники вважають за якусь Кытайщину и выроблюють изъ ёго соби на забавку клаптыкъ пидъ польскою назвою Ukraina. Хто на Русь позыра зъ выщого погляду, цинуючы перевагу руського духу надъ антирущиною, той у выхъ москаль (зновъ назва польска!..) Тымъ и ворогують протывъ мене дома такъ само, якъ и въ Львови. За те, що я шукаю правды въ исторіи такъ, якъ прыродолюбци шукалы іи въ науци прыродознання, мене оглашають мало не чорновныжникомъ. Сміюсь я съ сѣго“. „Мене перше вважали за майстра ридного слова, а теперъ и въ Львови и въ Кыиви пропечаталы, що я тилько псую ридну мову“... „Москва поборола татаръ, Новгородъ, Исковъ, Польшу съ Лытвою, шведа и козацтво, — чымъ? Перевагою руського духу надъ антируськымъ, а не лукавствомъ, якъ насъ вчывъ Костомара! Не выдержала бъ вона тысячолитнѣи боротьбы зъ вичама, республыкама, короляма, императорамъ“.

Павликъ съ большимъ интересомъ освѣдомлялся о судьбѣ книги „Шекспировы Творы“, которая, какъ видно изъ отвѣта

ему Кулиша, могла быть въ складѣ или въ типографіи имени Шевченка, или у нѣкогого Алоизія Юркевича, жившаго въ Ульмѣ, такъ что Кулишъ самъ не могъ опредѣлить, находилась ли она въ этомъ послѣднемъ городѣ, или во Львовѣ. Также неизвѣстно было самому автору мѣстонахождение экземпляровъ другихъ его сочиненій, напр. „Магомета и Хадиджи“... На всѣ эти книги Кулишъ далъ полную довѣренность Павлику. Ему же было поручено печатаніе „Дзвона“ и „Товитовыхъ Словесъ“, но относительно печатанія перваго труда, какъ мы знаемъ, встрѣтились затрудненія и въ Львовѣ: „Колы-бъ не проклятуци іезуиты, мы бы „Дзвона“ печатали въ „Славній Коломы!“ Павликъ, однако, расходился съ Кулишемъ по вопросу о роли образованнаго класса въ облегченіи тягостей, лежащихъ на долю простаго народа. Съ своей строго демократической точки зрѣнія онъ обвинилъ пановъ, т. е. высшія сословія населенія, въ непростительномъ жестокосердіи: Кулишъ, напротивъ, заявляя себя противникомъ бюрократіи, скептически относился, съ другой стороны, и къ симпатичной утопіи добровольнаго служенія интересамъ народа со стороны образованнаго класса въ томъ видѣ, какъ это считалъ необходимымъ Павликъ. Но во всякомъ случаѣ эти теоретическія разногласія не мѣшали взаимной пріязни обоихъ корреспондентовъ, а Кулишъ тѣмъ болѣе цѣнилъ дружбу Павлика, что, кромѣ его и профессора Огоновскаго и Златоверхаго, у него не осталось истинно преданныхъ людей въ Галиціи, тогда какъ ему часто приходилось волноваться изъ-за того, что одинъ изъ его знакомыхъ безъ разрѣшенія автора напечаталъ въ „Правдѣ“ переводъ первой пѣсни „Донъ-Жуана“, а нѣкто г. Барвинскій даже прислалъ ему по уговору два экземпляра „Чорной Рады“, напечатанной имъ вторымъ изданіемъ въ Галиціи; у него же оставались переводы „Псалтыри“ и „Іова“.

О газетѣ, издаваемой Павликомъ, Кулишъ былъ самаго хорошаго мнѣнія и отзывался о ней съ восторгомъ, говоря: „мы тутъ и не знали, що въ Галичинѣ е така розумна газета“. Сочувствуя этому, Кулишъ готовъ былъ всячески оказывать ей поддержку и назначилъ для этой цѣли выручку со всѣхъ своихъ

трудоу, печатавшихся за границей. Въ своемъ горячемъ сочувствіи къ редактору Кулишъ доходилъ до братскаго участія во всѣхъ его дѣлахъ и нуждахъ и отъ души жалѣлъ о болѣзни, постигшей какъ его, такъ и другого своего лучшаго друга въ Галиціи, Михаила Златоверхаго. Съ трогательнымъ выраженіемъ задушевной преданности онъ уговариваетъ своего друга (Павлика) воздержаться отъ ночной работы и больше заботиться о здоровьѣ. „Дуже сумую: намъ николи нездужаты“. Зато собственнымъ здоровьемъ Кулишъ не можетъ нахвалиться; предостерегая своего пріятеля, онъ говоритъ: „Такъ погубивъ себе не одинъ уже въ моихъ пріятельв-здоровякивъ, а я, хвалыты Бога мылосердного, частенько й забуваю свои старощи, и колыбъ иноди прыпала нужда, высидивъ бы за розумовою працею 18 годынъ у суткы такъ, якъ и зъ-молоду“. На основаніи этихъ соображеній, находясь самъ чуть не въ нищетѣ, Кулишъ умолялъ Павлика не отказывать себѣ ни въ чемъ необходимомъ для лѣченія и даже предлагалъ было ему для этой цѣли воспользоваться выручкой отъ продажи его собственныхъ сочиненій: „Оце жъ надруковавши, цо продасте прымирныкивъ, такъ и купуйте соби найздоровшого мятва и найздоровшого вина, стомаха рады и гиркого мени вапного занепаду“.

Если такъ горячо принималъ къ сердцу Кулишъ недуги и нужды сравнительно мало знакомаго ему Павлика, то легко понять, какимъ горемъ для него было несчастье, постигшее его давняго друга и шурина В. М. Бѣлозерскаго, котораго въ томъ же 1893 г. разбилъ параличъ. Это событіе, прискорбное само по себѣ, огорчало Кулиша еще и тѣмъ, что оно помѣшало Бѣлозерскому осуществить только-что задуманный имъ, особенно симпатичный Кулишу, планъ написать воспоминанія о прошломъ и, главнымъ образомъ о временахъ изданія „Основы“.

Но не одинъ Павликъ интересовался воспоминаніями Кулиша и Бѣлозерскаго; нельзя не упомянуть здѣсь, что интересъ къ дѣятелямъ новѣйшей малорусской литературы, столь незначительный въ нашемъ обществѣ, буквально почти не подозрѣваемомъ существованія многихъ позднѣйшихъ малороссійскихъ писателей,

стоитъ несравненно выше въ Галиціи. Нагляднымъ доказательствомъ могли бы служить письма къ Кулишу профессора русской литературы во Львовѣ Омеляна Огоновскаго, который, составляя свою исторію русской литературы, подробно останавливался и на позднѣйшихъ дѣятеляхъ малорусской литературы, для чего множество свѣдѣній получилъ отъ Кулиша, и это въ то время, когда профессоръ русской литературы въ русскихъ университетахъ въ большинствѣ случаевъ считаютъ для себя эту область чуждою и необязательною. Понятно поэтому, что представителямъ науки въ Галиціи въ большинствѣ случаевъ, благодаря большей близости интересовъ, гораздо яснѣе значеніе дѣятельности Кулиша, нежели нашимъ ученымъ и литераторамъ, для которыхъ часто по всѣмъ условіямъ внѣшнимъ, т. е. официальнымъ, и внутреннимъ, т. е. племеннымъ, невольно этотъ отдѣлъ малорусской литературы остается за чертой ихъ изученій, и это даже независимо отъ несходства во взглядахъ съ Кулишомъ, котораго Огоновскій называетъ „провиднымъ патріотивъ—письменникивъ украинськихъ въ 60 рокахъ“, о немъ же онъ говоритъ дальше: „а теперъ молодшому поколінію помагає не разъ радою и умнымъ своимъ словомъ“. Онъ же сообщалъ однажды Кулишу: „про васъ згадує редакція „Правды“, яко про свитоца, що вказавъ тому авторови Даніилу Медовнику стежку до правдивої освіти“. „Хуторная повзіа“ и другіе стихотворные сборники и историческіе труды Кулиша встрѣтили, несомнѣнно, гораздо больше участія и интереса въ Галиціи, нежели у насъ. Тотъ же Огоновскій писалъ Кулишу. „Я справди дивуюся вашій непрестанній и хосенній праці на ныви нашої литературы: де-яки ваши стыхотворы суть минни справди понутру. Вашъ духъ все еще свижий и молодой; дай Боже, щобъ вы ще много литъ булы свиточемъ въ нашій словесній святині!“.

LXI.

Въ концѣ 1893 г. Кулишъ больше чѣмъ когда-либо считалъ близкою къ осуществленію свою поѣздку въ обѣ столицы и въ

Варшаву и соединялъ съ этой мечтой обширныя научныя упованія, приче́мъ, повидимому, средства для задуманнаго предпріягiя дали ему присланный авансомъ гонораръ за его статьи и повѣсти, напечатанныя въ „Русскомъ Обзорѣнiи“. Онъ писалъ тогда Павлику, что ему предлагаютъ переработать всѣ девять томовъ „Исторiи Возсоединенiя Руси“.

Поѣздка, однако, снова не состоялась. Послѣдующіе годы жизни Кулиша были опять поглощены переводомъ Библии, для чего ему приходилось съ большими трудностями разыскивать и выписывать такія дорогія изданія, какъ Оксфордская Библия. Составляя планы печатанiя этихъ трудовъ, Кулишъ просилъ обыкновенно Павлика назначить цѣну подороже, на томъ основанiи, что имущихъ не удержатъ лишніе десятки крейцеровъ, а бѣднымъ онъ поручалъ раздавать свои труды даромъ, какъ это предполагалось и потомъ дѣлалось съ книгой „Товитовы Словеса“. По окончанiи перевода первой книги Библии, Кулишъ предполагалъ послать ее на просмотръ Златоверхому, но все-таки долженъ былъ признаться: „тутъ бы и 16 Золотоверхихъ не были въ мене безъ дила, та не дорослы мы до Оксфордянъ“. Поэтому Кулишъ принялъ намѣреніе съ особеннымъ тщаніемъ заботиться о здоровьѣ и остерегаться малѣйшей простуды: „Доростемо и мы до такого апостольства, коли того дослужимо въ щербатои доли, чы въ Господа Бога. Та бережимо свое здоровье. Я й съ хаты не выходжу, якъ закашляю, саджаючы новыи гаѣкъ. Цисля насъ и будутъ люды, такъ не мы. Тягаръ же нашои жызни треба буде комусь несты“. Эти идеи онъ часто высказывалъ Павлику: „Прiятелю Михайлу Ивановичу, не сумуйте, а радуйтесь, що вамъ дано натуру не ослячу, не собачу, не вовчу й не лысичу, якъ пребагатѣмъ вашымъ пысьмакамъ... На долю я николи не нарикавъ. Журбою поля не перейдемо, а перейдемо веселымъ духомъ, яка бъ гыдота не куѣвдылась навкругы насъ“. О своихъ литературныхъ врагахъ онъ говорилъ: „За мене говорытме мое компоуванне, а за нихъ—ихъ крытыкуванне, таке, якъ того Огоновського, що Золотоверхый документово зробивъ неукомъ“.

Одновременно съ сближеніемъ Кулиша съ Павликомъ въ нѣкоторыхъ галицкихъ органахъ являлись волновавшія его нападки, особенно въ „Зорѣ“; ¹⁾ съ другой стороны расположеннымъ къ нему органомъ былъ польскій „Кгаж“. Все это происходило въ 1893 г., когда началось первое знакомство и вскорѣ заочное дружеское сближеніе Кулиша съ кн. Н. Вл. Шаховскимъ, разсказавшимъ о своихъ отношеніяхъ къ нашему писателю въ „Русскомъ Обзорѣніи“, въ статьѣ, появившейся тотчасъ послѣ его смерти. Кн. Шаховской первоначально обратился къ Кулишу съ просьбой сообщить воспоминанія о Гиляровѣ-Шлатоновѣ, и хотя не только переписки, но даже воспоминаній у Кулиша не оказалось (письма сгорѣли во время пожара), но кн. Шаховской заинтересовалъ маститаго писателя и своей симпатіей къ его дѣятельности и собственными литературными работами. Черезъ князя Шаховскаго Кулишъ дѣлалъ попытки выручить извѣстную намъ рукопись „Владимірію“ у кн. Мещерскаго; ему же онъ подарилъ потомъ этотъ трудъ въ полное распоряженіе, назвавъ его „врестнымъ отцомъ Владиміріа“.

LXII.

Въ 1894 г. Кулиша посѣтила тяжелая форма инфлюэнцы, отъ которой, по его словамъ, онъ спасся лишь благодаря неуспыннымъ попеченіемъ и самоотверженному уходу своей жены. Въ этомъ году скончался одинъ изъ лучшихъ галицкихъ пріятелей Кулиша, Золотоверхій. Но ни огорченіе, ни болѣзнь не могли надолго прервать кипучей дѣятельности. Въ своихъ письмахъ къ Павлику онъ постоянно извѣщаетъ то о томъ, что онъ дошелъ въ переводѣ Библии до Исаи пророка, то до премудрости сына Сирахова, и во всѣ эти переводы одинокій, почти не признан-

¹⁾ Кулишъ просилъ насъ вступать за него въ полемику съ „Зорей“, но для этого необходима была полная увѣренность въ правотѣ его дѣла.

ный труженникъ умѣлъ влагать всю душу, добиваясь возможнаго совершенства въ своей работѣ. Перевода пророковъ, онъ въ это время постоянно исправлялъ и совершенствовалъ уже оконченныя переводы Моисеева пятикнижія. „Вже сежду на стysi 20 XXXIII главы „Чисел“, и не знаю, колы перестану сам себе поправляты въ пидлажуванню нашої мовы пидъ велычезну поэмю“. Понятно, что Кулишъ, благодаря такому отношенію къ своимъ трудамъ, все больше зарывался въ нихъ и, не рѣдко нуждаясь въ дружескомъ сотрудничествѣ нѣкоторыхъ своихъ корреспондентовъ, обращался къ нимъ свободно съ разными просьбами и порученіями, принявъ въ послѣднее время нѣсколько оригинальную привычку посылать коротенькія письма, написанныя карандашемъ съ помѣткой сверху: „телеграмма“. Работа кипѣла, перспектива массы еще неисполненныхъ и казавшихся необходимыми и неотложными трудовъ побуждала дорожить всякой минутой, а тутъ еще совѣстливое отношеніе къ каждому принятому на себя дѣлу, въ свою очередь, какъ мы говорили, заставляло возвращаться вновь уже къ тому, что было кончено: „Вже готови три главы четвертой книги Моисеевой, та не важусь печатати, докиль не дійду до Апокалипсоваго аминя“. Мало того: вслѣдствіе потери кн. Мещерскимъ обширнаго труда „Владимірія (или „Искра Любви“) приходилось возстановлять утраченное по сохранившейся черновой рукописи, причемъ многое нельзя было иначе дополнить, какъ по памяти, такъ какъ черновыя при перепискѣ всегда подвергались у Кулиша тщательной и капитальной переработкѣ (онъ особенно жалѣлъ о потерѣ наиболѣе удачно изложеннаго въ утраченной редакціи обращенія іезуита въ отечественное православіе).

Въ концѣ 1894 г. Кулишъ былъ обрадованъ назначеніемъ цензоромъ въ Москвѣ кн. Ник. Вл. Шаховскаго. ¹⁾ „Я вижу хоршее

¹⁾ Въ князѣ Шаховскомъ Кулишъ надѣялся и желалъ видѣть самостоятельнаго и просвѣщеннаго дѣятеля цензуры; ему онъ писалъ: «Будьте на своемъ посту силою, а не орудіемъ силъ... Это вамъ завѣщаетъ человекъ, который, при всемъ ничтожествѣ происхожденія, своего имущества и первоначальнаго образованія, былъ силою». («Русское Обозрѣніе», 1897, III, стр. 227).

предзнаменованіе“—писалъ намъ онъ по этому поводу—„въ назначеніи такихъ личностей на мѣста деспотовъ мысли и слова, которые присвоили себѣ право швырять намъ въ глаза напи рукописи, даже не взглянувъ на нихъ“. Но зато на „кункаторскую процедуру“ не только русскихъ издателей и содержателей типографій, но и заграничныхъ Кулишу случалось нерѣдко жаловаться, при чемъ особенно сердило его то, что небольшую брошюру „Дзвінъ“ печатали въ Женевѣ цѣлыхъ полтора года. ¹⁾

Съ другой стороны онъ самъ является по неволѣ кункаторомъ относительно задуманной поѣздки въ Варшаву. „Я съ трудомъ существую и среди своихъ роцъ“—откровенно сознался онъ въ письмѣ къ одной родственницѣ, „которыя довожу до возможнаго совершенства, а что со мной будетъ въ дорогѣ? Да и ѣхать куда бы то ни было не хочется страшно! ²⁾

LXIII.

Признаки старости начали наконецъ сказываться во многомъ, „Онъ усиленно работаетъ“, писала о мужѣ Александра Михайловна: „Исторіи уже шесть томовъ, но нервы слабы! Онъ часто уединяется и сильный запахъ папирозъ съ усиленіемъ выносить“.

¹⁾ Изъ исторіи нашихъ личныхъ отношеній къ Кулишу мы должны здѣсь отмѣтить, что Кулишъ, принимая всегда участіе въ моихъ литературныхъ работахъ, писалъ намъ по поводу напечатанной въ «Русскомъ Богатствѣ» нашей статьи: „Одна изъ женъ декабристовъ“: „вступительныя строки къ декабристѣ насъ растрогали: и мы такіе же мученники, особенно моя Александра Михайловна“.

²⁾ О предполагаемой поѣздкѣ въ Варшаву Кулишъ писалъ въ концѣ 1893 г. „Рано весной мы должны ѣхать въ Варшаву, гдѣ я доведу до возможной документальности „Исторію Возсоединенія Руси“. Это значить, что три печатные тома книги явятся вновь обработанными, а шесть рукописныхъ, далеко не доконченныхъ въ смыслѣ исторической живописи и только подмалѣванныхъ, получатъ полноту и дѣконченность при посредствѣ архивовъ и библіотекъ“.

Послѣдніе два года нашего писателя прошли въ такой же бодрой и энергической работѣ, какъ и вся его жизнь. Онъ весь былъ погруженъ въ переводъ Библии, для чего выписывалъ дорогія заграничныя издавія. Совершенно углубившись въ этотъ трудъ, онъ шутилъ, говоря, что проводитъ время въ самомъ высококомъ и избранномъ обществѣ: съ Моисеемъ, Исаіей, Іереміей, которыхъ, прибавлялъ онъ, «*мнѣ* учить по нашему глаголати».

О переводческой дѣятельности Кулиша и о его личномъ характерѣ одно изъ коротко знавшихъ его лицъ сообщаетъ слѣдующее.

„Занимаясь переводомъ Библии, Кулишъ въ то же время изучалъ еврейскій языкъ, чтобы заняться переводомъ Ветхаго Завѣта прямо съ еврейскаго подлинника. Первый свой переводъ Кулишъ сдѣлалъ не съ еврейскаго текста, а съ разныхъ европейскихкихъ переводовъ, но придерживался, главнымъ образомъ, англійскаго перевода, какъ самаго близкаго къ европейскому тексту. Этотъ первый опытъ перевода Библии Кулиша сгорѣлъ во время пожара въ его домѣ на хуторѣ Мотроновкѣ. Только одно „Пятикнижіе“ Моисея было напечатано во Львовѣ, какъ приложение или „додатокъ“ къ журналу „Правда“. Проживая въ своемъ хуторѣ, Кулишъ вторично переводилъ Библию уже прямо съ еврейскаго текста, но не успѣлъ окончить его. Переводъ Новаго Завѣта Кулиша и Пулюя давно уже напечатанъ въ Галиціи“.

„Натура Кулиша была слишкомъ нервная и въ высшей степени сложная, а поэтому склонная къ энтузіазму и крайнимъ увлеченіямъ въ ту или въ другую сторону. Однажды въ разговорѣ со мною онъ началъ проводить ту мысль, что только, „культура и культурность“ должны быть мѣриломъ всего: и исторіи, и поэзіи, и жизни. Съ этимъ, конечно, мнѣ нельзя было не согласиться, такъ какъ разговоръ шелъ о культурѣ и культурности въ общемъ смыслѣ. Много, много лѣтъ спустя, изъ послѣдующихъ произведеній Кулиша я только понималъ, къ чему вклонился тогдашній разговоръ. Кулишъ пустилъ въ ходъ это мѣрило и принялся „ѣсть этою лопаткою“ и поэзію Шевченка, и исторію

Украины, Польши и т. д. Но дѣло въ томъ, что культуру и культуристость всякій понимаетъ по своему: демократъ мѣряетъ ее на свой аршинъ, аристократъ мѣряетъ на совѣтъ иную мѣрку, а клерикаль понимаетъ ее еще иначе. Культура оказывается понятіемъ растяжимымъ, и Кулишъ растянулъ это „мѣрило“ по своему. Какъ человѣкъ съ высокимъ врожденнымъ эстетическимъ чувствомъ, онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ отвернулся отъ простацкой демократической козацкой Украины, прежде имъ опозитивированной, и направилъ свои симпатіи въ аристократіи, началъ выхвалять польскихъ магнатовъ, заимствовавшихъ изъ Европы больше внѣшнія черты культуры, чѣмъ ея содержаніе; началъ даже выхвалять московскихъ бояръ, которые никогда никакой культуры не внесли и сами туго заимствовали ее отъ другихъ. Проживая въ своемъ хуторѣ, въ глуши, Кулишъ могъ и не знать, что по „Румянцевской Описи“ теперь оказалось, что въ Старой Малороссіи, въ области наприм. черниговскаго полка, было школъ больше, чѣмъ въ той же чертѣ въ теперешней Украинѣ, что при церкви были „шпитали“ и лазареты, учреждаемые приходами, и что все это: и школы, и шпитали, и лазареты, учрежденные приходами, впоследствии, подъ влияніемъ культуры на некультурную, по мнѣнію Кулиша, Украину, куда-то исчезли, словно сквозь землю провалились, и тамъ надолго воцарилась пустота и полная некультурность“.

„Кулишъ могъ въ своей Мотроновкѣ и не знать и „Разсказовъ иностранца“ („Записки Юста Юля, датскаго посла, бывшаго въ Россіи отъ 1709 г. до 1711 г. „Вѣстникъ Европы“, 1893 г. мартъ). Датскій посланникъ Юстъ Юль, пробывъ два года и при дворѣ Петра Великаго, возвращался чрезъ Украину и Польшу на родину и описываетъ тогдашнюю козацкую Украину совѣмъ не въ такомъ некультурномъ видѣ, въ какомъ ее представлялъ себѣ Кулишъ, называя козаковъ разбойниками, хищниками и т. п. некультурными эпитетами. Юстъ Юль нашелъ, что „жители козацкой Украины благоденствуютъ и живутъ припѣваючи... Козаки продаютъ и покупаютъ разные товары, занимаются ремеслами и чѣмъ хотятъ—промышляютъ... Козаки

ходятъ въ церковь съ молитвенниками въ рукахъ... тогда какъ москвиты, даже бояре, неграмотны и даже не знаютъ начатковъ вѣры, какіе въ Даніи знаютъ дѣти... Королевецъ городъ большой и красивый. Улицы въ нихъ прекрасныя, какихъ въ Россіи я нигдѣ не видывалъ; дома прекрасныя, прочныя, опрятныя, выступаютъ на улицу, какъ въ Даніи, а не стоятъ въ глубинѣ дворовъ, какъ въ Россіи... Все населеніе козацкой Украйны отличается большою вѣжливостью и опрятностью, всѣ одѣваются чисто и чисто содержатъ дома и т. д. 1) Кажется, Кулиша, какъ эстетика, слишкомъ соблазнялъ внѣшній блескъ, внѣшняя культурность старыхъ польскихъ пановъ. Эту культуру дѣйствительно несли паны на Украйну обѣими руками и распространяли ее среди украинскихъ магнатовъ помѣщиковъ“.

LXIV.

2 февраля 1897 года Кулиша не стало. 2) О его послѣдней болѣзни его вдова сообщила намъ слѣдующее: „Мѣсяца за три до золотой свадьбы было получено письмо отъ В. В. Тарновскаго, въ которомъ онъ усиленно просилъ пріѣхать къ нему въ Качановку и отдохнуть. Онъ предлагалъ прислать карету, разставить лошадей по дорогѣ, чтобы не было задержекъ, и пожить вмѣстѣ на условіи полной свободы, т. е. чтобы мы ни въ чемъ не были стѣснены относительно своихъ занятій и привычекъ, обѣда, чая“ и т. п. Говоря объ этомъ съ женой, Пантелеймовъ Александровичъ фантазировалъ, что попросить двѣ кареты, чтобы ѣхать въ Зарогъ, забереть тамъ сестру жены съ ея дочерьми и тогда они вмѣстѣ двинутся въ Качановку. Это было для него большое путешествіе, потому что послѣдніе два года,

1) Такое же свидѣтельство о культурѣ старой Малороссіи XVII в. можно найти въ путевыхъ запискахъ Павла Алепискаго.

2) Отмѣтимъ здѣсь, что всего за недѣлю до смерти Кулишъ имѣлъ утѣшеніе отпраздновать свою золотую свадьбу.

занявшись Библией, онъ отказался даже отъ посѣщенія находившагося всего въ восьми верстахъ отъ хутора брата жены, Олимпія Михайловича, и даже шуткой называлъ этотъ хуторъ Америкой. Въ день золотой свадьбы всѣ предположенія также остались безъ исполненія. Онъ ограничился только письмомъ къ В. В. Тарновскому и остался праздновать свой юбилей дома. Къ этому дню потребовались покупки въ городѣ. Александра Михайловна, все не расположенная оставлять его одного, рѣшилась выѣхать на самое короткое время, тѣмъ болѣе, что онъ обыкновенно ждалъ ее нетерпѣливо и часто выходилъ къ ней на встрѣчу, иногда встрѣчая ее еще въ городѣ (за 5 верстъ отъ ихъ хутора). Но въ этотъ разъ она возвратилась; онъ встрѣтилъ ее, очень обрадованный, у порога, но черезъ нѣсколько минутъ сталъ жаловаться на ощущеніе холода въ конечностяхъ и при этомъ вложилъ руки въ печурку, чего прежде никогда не дѣлалъ, и хотя продолжалъ заниматься, но часто подходилъ къ камину грѣться. Жена укрывала его ноги и плечи пледомъ и платкомъ, потому что въ эту зиму было очень холодно. Она уже прежде просила его перейти въ болѣе теплую комнату, но онъ не согласился, говоря, что тамъ тѣсно и негдѣ разложить книгъ, и продолжалъ усиленно работать въ перчаткахъ.

Они пообѣдали весело, причемъ Александра Михайловна, поздравляя его, вспомнила о началѣ ихъ знакомства и сказала: „Какая я была умная, что въ 15 лѣтъ умѣла оцѣнить и отличить тебя отъ всѣхъ другихъ!“... Послѣ обѣда онъ продолжалъ чувствовать холодъ и часовъ въ восемь легъ въ постель. Жена была при немъ неотлучно. Онъ припоминалъ нѣкоторые мѣста изъ Библии и говорилъ громко и отчетливо; А. М-на съ радостью, прислушиваясь, думала: „вотъ недалеко весна, и онъ опять будетъ крѣпокъ и веселъ“. Онъ просилъ раньше ложиться и самъ заснулъ.

Иногда, еще задолго до болѣзни, говоря о своемъ желаніи окончить переводъ Библии, онъ прибавлялъ; „Тогда скажу: „Господи, нынѣ отпускаеши раба своего съ миромъ!“ Когда онъ начиналъ говорить о смерти, жена его убѣгала, и онъ потомъ

ей говорилъ: „Ты хочешь, чтобы я прожилъ Маеусанловъ вѣкъ!“¹⁾

Ночь прошла покойно; лишь по временамъ онъ вздрагивалъ, какъ будто желая что-то сказать во снѣ. Тутъ А. М.—на не могла выдержать и послала за докторомъ въ городъ, но его не застали дома, и онъ пріѣхалъ на хуторъ только на другой день. Между тѣмъ П. А. былъ все время въ ознобѣ. Докторъ подвергъ самому внимательному изслѣдованію и, наконецъ, сообщилъ жевѣ объ упадкѣ дѣятельности сердца и велѣлъ перевести его въ болѣе теплую комнату, находя кабинетъ холоднымъ. П. А. продолжалъ заниматься, сидя въ креслѣ, несмотря на то, что былъ уже четвертый день болѣзни. На слѣдующій день докторъ пріѣхалъ опять и констатировалъ воспаленіе легкихъ; успокаивая А. М.—ну тѣмъ, что болѣзнь излѣчимая. Въ этотъ день П. А. еще держалъ корректуру, присланную изъ-за границы, но на шестой день болѣзни онъ уже не вставалъ съ постели. На седьмой день, чувствуя себя лучше, хотѣлъ встать, но жена уговорила его не рисковать. Потомъ онъ показавъ глазами на грифельную доску, висѣвшую напротивъ на стѣнѣ; на этой доскѣ онъ часто писалъ ночью, но такъ какъ доска тяжела, то жена подала ему листъ бумаги и карандашъ; хотѣлъ писать и не могъ... Онъ поднималъ руку и писалъ нѣкоторое время въ воздухѣ, но вдругъ рука упала—и многотрудная жизнь кончилась (2 февраля 1897 г. въ 8 ч. вечера). Вдова его была въ такомъ отчаяніи, что не надѣялась его пережить; ее едва могли привести въ себя сочувственныя телеграммы, изъ которыхъ одна (на малороссійскомъ языкѣ за двадцатью подписями) особенно тронула ее: „Поминая незабвеннаго земляка, привѣтствуемъ Ганну Барвинокъ за то, что она всю жизнь отдала тому, кто навѣки останется въ памяти всѣхъ сыновъ въ родной

¹⁾ Онъ назначалъ себѣ мѣсто, гдѣ его должны были похоронить: это былъ кругъ въ саду, обставленный вѣнами и другими деревьями. Черезъ два года тамъ нашелъ себѣ мѣсто упокоенія и другой патриотъ В. М. Бѣлосерскій.

Украинѣ. Да будетъ, какъ перо, легка земля надъ дорогимъ покойникомъ!“ ¹⁾

Хоронили Кулиша по козацкому обычаю. Везли гробъ двѣ пары воловъ цугомъ, въ траурныхъ попонахъ; на каждой „взлучинѣ“ (по двѣ версты) до церкви читали Евангеліе сопровождавшіе прахъ два священника поочередно. Въ гробъ положили смушевую шапку, бумаги съ карандашемъ. На гробъ положили вѣнокъ изъ барвинокъ. ²⁾

LXIII.

Оканчивая нашъ обзоръ жизни Кулиша, мы еще разъ должны напомнить, что мы отнюдь не имѣли въ виду дать полный обзоръ общественнаго и литературнаго значенія его дѣятельности. Но, можетъ быть, спросать, чѣмъ же оправдывается такой обширный очеркъ однихъ біографическихъ фактовъ и такое сочувственное отношеніе къ изображаемому лицу? Отвѣчаемъ на это, что мы видимъ и цѣнимъ въ Кулишѣ не только талантливаго человѣка, но прежде всего и больше всего человѣка идеи, а это качество даетъ ему, по нашему мнѣнію, большія права на вниманіе, какъ качества рѣдкія и въ высокой степени цѣнныя. Мы цѣнимъ въ Кулишѣ безкорыстнаго подвижника умственнаго труда, согрѣтаго пламенной любовью къ родинѣ—труда самоотверженнаго, неустаннаго и не ослабѣвавшаго буквально до самаго дня смерти.

Жизнь Кулиша продолжалась восемьдесятъ лѣтъ, но никогда не была для него праздникомъ, да и не могла быть имъ по той простой причинѣ, что онъ болѣлъ сердцемъ за другихъ, а такіе люди, если ихъ даже представить себѣ баловнями судьбы,—

¹⁾ Въ годъ смерти Кулиша въ Женевѣ вышла стихотворная брошюра, посвященная его памяти: „Щирі слези“.

²⁾ „Русское Обозрѣніе“, 1897, III, стр. 192.

счастливыми въ обыденномъ, опошленномъ значеніи слова никогда быть не могутъ.

Вся литературная дѣятельность Кулиша,—котораго, конечно, не безъ основанія упрекали за неоднократную переимѣну направленій,—была строго послѣдовательной и безусловно выдержанной въ томъ смыслѣ, что всѣ предпринимаемые имъ труды неуклонно преслѣдовали одну цѣль—изученіе прошлаго родины и благо земляковъ. Если при этомъ нѣкоторые взгляды его съ теченіемъ времени мѣнялись, то искренность была несомнѣнна, и даже враги признаютъ, что онъ ничего не говорилъ несогласнаго съ убѣжденіемъ.

Люди, лично знавшіе Кулиша, прозвали его „горячимъ“, и въ этомъ словѣ дѣйствительно заключается сжатая, но чрезвычайно мѣткая его характеристика.

При всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, даже въ годы преобладанія въ человѣкѣ положительности и холоднаго разсудка, Кулишъ представляетъ въ нашихъ глазахъ типъ чрезвычайно симпатичный и даже трогательный, типъ энтузіаста съ живой и отзывчивой душой. Въ силу этого Кулишъ, независимый и увѣренный въ себѣ, имѣя, при своихъ блестящихъ дарованіяхъ и почтенной эрудиціи, преимущественно во всемъ, касающемся горячо любимой Украины, несомнѣнныя данныя, чтобы занять болѣе или менѣе замѣтное, если не оффиціальное, то общественное положеніе, уже давнымъ давно заявившій себя съ весьма выгодной стороны какъ писатель, редакторъ и лекторъ, ничего лично для себя не искалъ и доживалъ свой вѣкъ въ кругу близкихъ родныхъ и въ обществѣ любимыхъ книгъ, съ болѣе нежели легкимъ багажемъ вещественныхъ благъ, безъ всякихъ помысловъ даже о томъ, чтобы поправить свои матеріальныя дѣла скорѣйшимъ изданіемъ своихъ трудовъ. Вообще, въ силу особенностей своей чрезвычайно впечатлительной и подвижной природы, покойный не могъ замкнуться въ строго опредѣленныя рамки, посвятивъ себя на всю жизнь однажды избранной карьерѣ. Природа эта была чрезвычайно живая и всего менѣе поддающаяся внѣшнему режиму, что, конечно, признаетъ каждый, кто такъ или иначе

сколько-нибудь знакомъ съ личностью Кулиша. Поэтому едва-ли съ его именемъ сольется въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ какая-нибудь спеціальная нарицательная кличка, но онъ непременно будетъ признанъ патриотомъ-публицистомъ, писателемъ съ своей собственной, вполне оригинальной и ему только принадлежащей фізіономіей. Самая слабая память не затруднится сохранить о немъ ясное представленіе и не смѣшаетъ его ни съ какимъ инымъ виднымъ литературнымъ и общественнымъ дѣятелемъ.

Кулишъ прежде всего была личность въ высшей степени самобытная, яркая историческая фигура, ни для чего шаблоннаго не созданная, и слѣдовательно не способная къ шаблонному устройству своей жизни. Природа, щедро одарившая его вообще, особенно надѣлила его способностью горячо и сильно чувствовать и всѣмъ сердцемъ отзываться на нужды ближняго. Отсюда вытекаютъ всѣ главные свойства его характера. Это была натура всесторонне художественная, начиная отъ страстной любви къ природѣ, преимущественно украинской, и къ искусствамъ, и кончая удивительной способностью ко всякому, какъ умственному, такъ и физическому труду. Достаточно сказать, что этотъ человѣкъ, получившій почетную извѣстность какъ литераторъ и общественный дѣятель, также превосходно рисовалъ масляными красками, сепіей, тушью и карандашомъ, и въ молодости даже мечталъ посвятить себя живописи. Кромѣ того, онъ занимался гальванопластикой, переплетнымъ мастерствомъ, работалъ на столярномъ верстакѣ, дѣлалъ складные шкафы и кресла, любилъ и основательно зналъ сельское хозяйство, всегда былъ въ работѣ и при всѣхъ жизненныхъ испытаніяхъ умѣлъ не только сохранять бодрость, но даже быть или хотя бы казаться всегда веселымъ. Образъ жизни велъ строго умѣренный и правильный. Бесѣда его, благодаря природному краснорѣчію и никогда не оставлявшему его внутреннему воодушевленію, при живомъ разностороннемъ интересѣ ко всему въ мірѣ отвлеченной мысли и искусства, говорятъ, была чрезвычайно увлекательна.

Но главное все-таки было то, что Кулишъ „горячъ“ былъ сердцемъ: онъ любилъ людей, но не однихъ, впрочемъ, людей, а также всевозможныхъ животныхъ (собакъ, лошадей, коровъ, кошекъ, всякихъ птицъ), растенія (цвѣты) и проч. Самая его неутомимая любовознательность была не только потребностью ума, но еще больше сердца, постоянно побуждавшаго его безъ колебанья и раздумья всѣ свои силы нести на алтарь любви къ вѣчно дорогой Украинѣ, а въ послѣдніе годы также и къ Галиціи. Въ обхожденіи Кулиша, говорятъ, было столько задушевной простоты и сердечности, что за ними въ непринужденной бесѣдѣ забывался извѣстный писатель и общественный дѣятель, память котораго вскорѣ послѣ его кончины сочувственно чествовалась въ Петербургѣ вмѣстѣ съ памятью другихъ незабвенныхъ украинскихъ патріотовъ, друзей Кулиша—Костомарова и Шевченка. Съ простыми хуторскими крестьянами Кулишъ обходился въ высшей степени гуманно и привѣтливо, а дѣти крестьянскія свободно прибѣгали къ нему ласкаться, называя его просто „дидусь“. Когда же послѣ его смерти вдова его была, можно сказать, засыпана множествомъ сочувственныхъ писемъ и телеграммъ съ разныхъ концовъ Россіи и изъ-за границы, хуторскіе крестьяне были не мало смущены тѣмъ, что они позволяли себѣ запросто обращаться съ добрымъ „паномъ“, совсѣмъ не подозревая того, что этотъ панъ такой важный человѣкъ. Но трогательнѣе всего было прощаніе съ умершимъ „паномъ“ хуторскихъ дѣтей, которыя неутѣшно рыдали по немъ, какъ по самому добромъ и близкомъ человѣкѣ.

Наконецъ знаменательно и то, что послѣ похоронъ Кулиша сложилась даже легенда между окрестными крестьянами, будто онъ похороненъ былъ въ золотой трунѣ.

Дѣтей Кулишъ всегда любилъ особенно, но собственныхъ дѣтей у него не было. Зато онъ всю жизнь въ полномъ смыслѣ слова шелъ объ руку съ своимъ другомъ-женой, его вѣрной спутницей, товарищемъ во всѣхъ житейскихъ испытаніяхъ. Не красна была ихъ жизнь, вся сплошь состоявшая изъ борьбы съ нуждой и лишеніями, простиравшимися до того, что, какъ мы

знаемъ, въ послѣдніе годы, уже въ преклонномъ возрастѣ,—отнюдь не по увлеченію идеями графа Толстого, котораго, къ слову сказать, онъ почему-то не любилъ и мало читалъ,—онъ долженъ былъ самъ пахать на волахъ и исполнять другія полевныя работы, при чемъ и здѣсь, какъ во всемъ, былъ мастеромъ дѣла. Ничего отраднaго не сулило Кулишу будущее; но въ своей чистой совѣсти, въ своемъ любящемъ сердцѣ и неустанной одушевленной дѣятельности, благодаря также преданной подругѣ жизни, онъ умѣлъ находить чистое и отрадное удовлетвореніе, которое прочтѣе и выше счастья многихъ обезпеченныхъ людей. И какъ жалъ Кулишъ, до послѣднихъ дней создавая себѣ все новыя планы и работая для исполненія ихъ, какъ говорится, „не покладая рукъ“, какъ будто бы ему суждена была вѣчная дѣятельность,—такъ точно ужъ на смертномъ одрѣ, за нѣсколько часовъ до рокового конца, онъ долго что-то оживленно говорилъ и, когда языкъ уже совершенно отказался ему повиноваться, онъ все еще не могъ равстаться съ привычной работой мысли и что-то писалъ рукой въ воздухѣ, какъ ратникъ, умирающій на полѣ битвы.

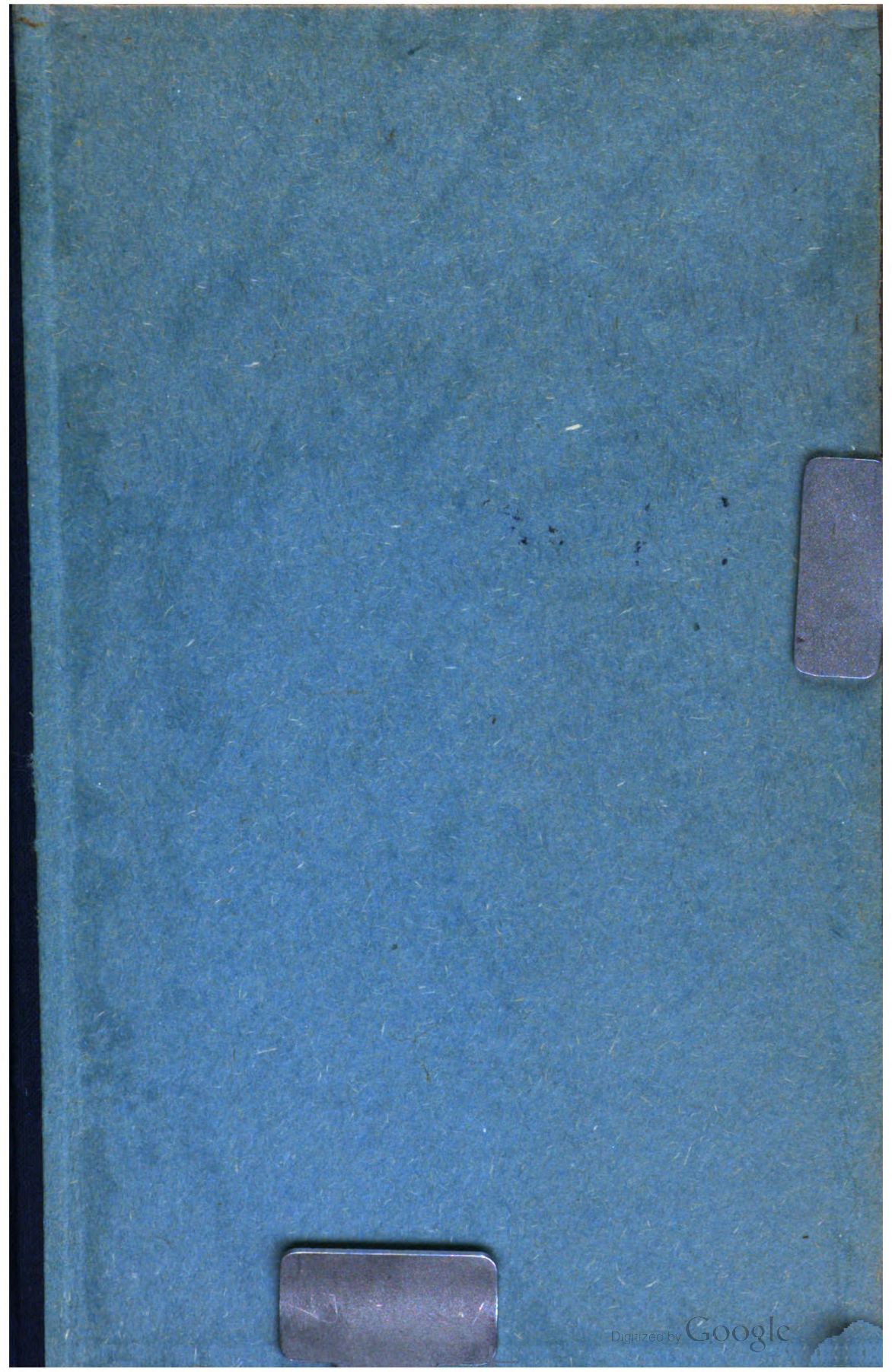
Въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ я находился въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ покойнымъ Кулишомъ и имѣлъ возможность близко, хотя и заочно, познакомиться съ его живой и въ самой старости кипучей натурой. Случалось иногда, что Кулишъ просилъ достать ему какую-нибудь рѣдкую книгу, рѣдкое изданіе библіи (напр. одно дорогое изданіе Оксфордскаго общества), уладить его недоразумѣнія съ цензурой. При этомъ всегда бросалось въ глаза то обстоятельство, что онъ *непремѣнно* хотѣлъ получить желаемое, по его мнѣнію, *наилучшее* изданіе, готовъ былъ скорѣе *отказаться* отъ печатанія своихъ малороссійскихъ произведеній, нежели *отступиться на іоту* отъ „кулишовки“ и подчиниться правописанію по Котляревскому и проч. Для Кулиша было священно все, чтѣ по его убѣжденію, должно было предстать передъ нимъ въ извѣстномъ, имъ излюбленномъ, видѣ, такъ что онъ не согласенъ былъ поступиться даже тѣмъ или инымъ изображеніемъ какой-нибудь

гласной малороссійскаго языка, къ немалому удивленію и отчасти досадѣ цензурнаго вѣдомства. Такъ во всемъ настойчиво проявлялась и говорила о себѣ его оригинальная личность.

Общественная и литературная дѣятельность Кулиша, въ силу объясненныхъ нами особенностей его природы, отличалась странностью, вслѣдствіе чего онъ имѣлъ съ одной стороны преданныхъ друзей и почитателей, съ другой—ожесточенныхъ враговъ, которые готовы были метать на него громы. Подвести итогъ этой богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни и всесторонне освѣтить ее съ полнымъ историческимъ безпристрастіемъ—задача будущаго. Найдутся, вѣроятно, и теперь, когда смерть должна была бы все примирить, такіе суровые критики, которые станутъ, быть можетъ, упрекать его въ излишнихъ увлеченіяхъ; но нѣтъ настоящей жизни безъ увлеченій, а того, что это была личность замѣчательно живая, яркая и благородная, оригинальная въ лучшемъ значеніи слова—этого, конечно, никто отрицать не станетъ, а также и того, что это былъ человекъ идеи и даже фанатикъ украинской народности, если отдѣлить отъ этого слова его невыгодный отгѣнокъ, удерживая лишь обозначаемую имъ высшую степень преданности идеѣ. Кулишъ былъ изъ тѣхъ людей, которые имѣютъ яркій обликъ и даютъ окраску всему, съ чѣмъ соприкасаются; самая слабая память ни съ кѣмъ другимъ его смѣшать не можетъ. Такіе люди невольно возбуждаютъ удивленіе и заслуживаютъ благодарной памяти въ потомствѣ.

18. 12.

RUSSICA BOOK
& ART SHOP, INC.

9 5 3 1 1 1